

Вестмира Чернолист

Шёлк, ставший парусом

<https://litres.ru/73995778>

SelfPub; 2026

Аннотация

Преданная близкими и проданная в рабство, Сюэ Лань вернулась в родной Линьхай десять лет спустя. Теперь она — Фэн Хуан, грозный капитан пиратов, ведомый жаждой мести.

Но на первом же маскараде имперский следователь Ли Вэй срывает с неё маску и узнает в дерзкой пиратке свою исчезнувшую невесту. Опасный союз неизбежен, ведь чужое царство стягивает флот к границам, а на саму Фэн Хуан объявлена охота: в её руках артефакт, способный переломить ход грядущей войны.

На кону судьба империи. Но что окажется сложнее: провести флот сквозь смертельную ловушку или понять, кем они с Ли Вэем стали друг другу за это время?

Азиатский антураж, сложные герои и многослойные интриги.

Содержание

От автора	4
1. Фонари сада и тени прошлого	5
2. Маска Лунного Духа и Волк	14
3. Взгляд, узнанный сквозь маску	27
4. Осколок маски на лаковом столике	42
5. Переговоры на нейтральном берегу	56
6. Две монограммы на одном свитке	70
7. Игра с огнём	83
8. Выдох горы и дыхание луны	98
9. Барабанная дробь над кровавой водой	114
10. Взгляд, утонувший в серой дымке	122
11. Десять лет в одном взгляде	136
12. Мера небесной гармонии в лунном свете	154
13. Цветок Драконьего Сна	165
14. Свет фонарей и тень прошлого	186
15. Лунное дыхание, рассыпанное по архивам	203
16. Кисть, чертящая сеть	226
17. Слепой пророк и его дары	247
Конец ознакомительного фрагмента.	262

Вестмира Чернолист Шёлк, ставший парусом

От автора

События этой книги разворачиваются в полностью вымышленном мире, вдохновлённом эстетикой, культурным колоритом и историческим фоном средневекового Китая. Все имена, иероглифы, географические названия и их смысловые значения в этом произведении являются авторской интерпретацией и художественным вымыслом, а не филологической, исторической или картографической истиной. Они созданы исключительно ради атмосферы и сюжета.

Прошу читателей не рассматривать их как достоверный источник по китайской ономастике, иероглифике или географии. Автор выражает глубокое уважение к реальному культурному наследию, послужившему источником вдохновения, но подчёркивает: перед вами художественное произведение, а не историческая реконструкция или академический труд. Любые совпадения с реальными лицами, топонимами или лингвистическими нормами случайны.

Пусть эта история станет для вас ярким приключением. Приятного чтения!

1. Фонари сада и тени прошлого

Слеза дракона не делит воду на свою и чужую — она лишь меняет её цвет.

Крыло феникса не спрашивает, откуда дует ветер — оно лишь ловит его.

Когда глубина встречается высоту, даже шторм становится союзником.

— Из «Морских напевов», анонимный поэт

Фэн Хуан ступила на причал Линьхая. Резкий летний ветер с залива, тяжёлый от влаги, трепал складки её простого синего халата, перехваченного в поясе широким кожаным ремнём. Её волосы, собранные в небрежный узел, пронзала простая медная шпилька, больше похожая на стилет. Взгляд,

холодный и отстранённый, скользнул по холмам, где среди облаков и кедров прятались изогнутые крыши и белые стены вилл знати. На её устах, обветренных солёными ветрами, дрогнула тень усмешки. Когда-то этот город был для неё синонимом мира и гармонии.

Здесь она была Сюэ Лань — юной наследницей торгового дома Сюэ, чья жизнь текла, как размеренное течение реки. Она росла в роскоши, окружённая шелками и ароматом цветущей сливы, и готовилась обручиться с Ли Вэем, отпрыском влиятельной семьи. Будущее виделось ей идеальным свитком, где каждая линия была ясна и прекрасна.

Но в один весенний день, когда пионы во дворе только начинали распускаться, судьба нанесла свой первый удар. С моря пришла весть: торговая флотилия дома Сюэ была уничтожена свирепым тайфуном в проливе Глотка Дракона. Никто не выжил. Ни отец, ни мать, ни её шаловливый младший брат. В тот день Сюэ Лань подумала, что её сердце разорвётся от скорби. Она не знала, что это было лишь начало и что самое страшное ещё впереди.

Весть о гибели дома Сюэ пронеслась по Линьхаю быстрее, чем полет боевого коршуна. И тут же, словно змеи, выползли из своих укрытий те, кто жаждал поживиться. Тётка Инлун, чья зависть к богатству брата годами отравляла её душу, начала действовать. В сговоре со своим коварным мужем, Цзи Кэдао, она совершила немыслимое — продала родную племянницу в рабство, чтобы не делить наследство.

Чтобы замести следы, Инлун развязала настоящую войну из тени. Сначала город наводнили слухи, будто Сюэ Лань навлекла гнев морского дракона своим непочтением. Затем, когда почва была подготовлена ложью, пошли иные сплетни: мол, Сюэ Лань — лишённая стыда девка, что в дни траура предавалась утехам с кем попало, а в итоге сбежала с каким-то бродячим воином, опозорив свой клан.

Семья Ли, дабы не запятнать свою честь, немедленно разорвала помолвку. А чтобы укрепить пошатнувшееся положение, они поспешили заключить новый союз — с могущественным военным домом Ван, скрепив его брачными узами.

— Фэн-ван! — раздался рядом почтительный голос. Бай Ин, лёгкий, как тень, возник по правую руку от капитана. Его взгляд, горящий азартом, жадно скользнул по холмам, утопающим в зелени.

— Отсюда видно тот дом, в который мы наведаемся через три дня? — его вопрос прозвучал тихо, но с отчётливым оттенком нетерпения.

Фэн Хуан не повернула головы. Её взгляд, острый как игла, впился в одну точку на восточном склоне. Там, среди рощ, стоял величественный особняк с изогнутыми крышами. Когда-то в его стенах звучал её смех. Теперь же там вот уже десять лет, как гнездится её тётка Инлун с семьёй. Пальцы Фэн Хуан невольно сжались в кулаки с такой силой, что под грубой кожей ладоней проступила белизна костяшек.

— Нет, — отрезала она, с интонацией командира, не терпящего возражений. Она механически поправила прядь волос, выбившуюся из небрежного пучка. — Но завтра мы обязательно прогуляемся неподалёку.

На её губах застыла холодная, отточенная усмешка, в которой не было и тени веселья. Этого было достаточно для Бай Ина. Юноша, словно получив долгожданную команду, бодро зашагал вперёд, оставив капитана наедине с её мыслями и молчаливой громадой Лао Хэя.

— Слишком он горяч, Дацзе, — проворчал Лао Хэй, тяжёлой поступью поравнявшись с Фэн Хуан. В его хриплом голосе слышалась не столько критика, сколько отеческая забота.

Уголки губ женщины дрогнули в едва заметной улыбке. Лишь горстка людей на всём свете могла называть её «старшей сестрой». Те, кто прошёл с ней путь от трюмной рабыни до капитана, кто сражался с ней плечом к плечу и кому она была обязана жизнью.

— Зато эффективен, — парировала она, не отрывая взгляда от холмов. — Бывший уличный актёр и плут. Кто, как не он, сумеет устроить настоящий спектакль и отвлечь всех на маскараде в поместье Ли?

— Ты права, — усмехнулся старый морской волк, и в его глазах мелькнуло одобрение. — Плуту и карты в руки.

Фэн Хуан надела шляпу, из-под полей которой ниспадала лёгкая вуаль, скрывающая черты её лица, но не скрываю-

щая пронизывающего взгляда, и лишь тогда уверенной походкой двинулась вперёд в сопровождении Лао Хэя. В её распоряжении было всего три дня. Три дня, чтобы подготовиться к «Ночи Огненных Лотосов» — тому самому маскараду, где предстояло разыграть главное представление. Три дня, чтобы продумать, как похитить те самые веера — «Танец Феникса и Дракона», инкрустированные лунным жемчугом. Лишь под особым светом на их поверхности проявлялась тайная карта, что вела к легендарному артефакту, известному как «Слеза Морского Дракона». И те же три дня, чтобы подготовиться к встрече с хозяином поместья, где всё это должно было случиться, — с Ли Вэем, её бывшим женихом.

Ли Вэй стоял в прохладной тени беседки, наблюдая за последними приготовлениями к «Ночи Огненных Лотосов». Его взгляд, отрешённый и невидящий, скользил по центральному озеру сада, где на зеркальной глади замерли бамбуковые плотики. На каждом из них, словно ритуальное подношение, возвышалась медная чаша — чтобы с наступлением темноты принять в себя очищающее пламя.

Его внимание перебросилось на деревья у воды, где слуги, словно паутиной, опутывали ветви тонкой серебряной нитью с хрустальными каплями. На невидимых лесках уже покачивались шёлковые силуэты журавлей и карпов, готовые ожить в игре вечернего света. Он знал: стоит солнцу скрыться, и сад превратится в завораживающий мираж, полный бликов

и теней. Но мысли Ли Вэя витали далеко от этой искусственной магии, уносясь в глубины, куда не достигал свет ни одного фонаря.

Сцепив руки за спиной, Ли Вэй запрокинул голову. Над ним бездонная лазурь неба замерла в величественном спокойствии, и лишь тяжёлые, белые облака, словно клубы дыма от неугасимых курильниц, медленно плыли в неизвестность.

Губы его искривила безрадостная усмешка. Вся его жизнь за последние десять лет будто истончилась, выцвела, словно старый свиток, оставив лишь оттенки серого. Он и сам стал холоден и безразличен, как каменная глыба. Должность следователя по особым поручениям, облакавшая его властью, требовала именно этого — железной беспристрастности и расчётливого ума стратега. Расследование коррупции чиновников, пресечение контрабандных путей, раскрытие заговоров аристократических кланов — всё это было его повседневной работой. Как, впрочем, и вопросы пиратства.

А пираты в последнее время заметно активизировались. Именно это и заставило Ли Вэя перебраться из Луньганя, столицы царства Цзиньлин, в родной Линьхай — чтобы лично заняться обороной города от их дерзких налётов. К тому же, отсюда было куда удобнее наблюдать за коварным соседом — царством Шуйцзэ.

Шуан, жена Ли Вэя, не поехала с ним, сославшись на недомогание, вызванное беременностью. Ли Вэй не стал настаивать. Он отлично понимал истинную причину: Шуан не пи-

тала к нему ни капли чувств, ровно как и он к ней.

В первые годы брака он ещё пытался — пытался найти к ней подход, понять её замкнутый характер, разжечь в своём сердце хотя бы искру привязанности. Но все его попытки разбивались о ледяное спокойствие супруги. Никакой душевной близости между ними так и не возникло. На людях они были образцовой парой — улыбки, учтивость, согласие. Но за стенами их дома маски немедленно падали, обнажая лишь тишину и сосуществование по расписанию.

Они оба не уклонялись от супружеского долга. Их брак с самого начала был политическим союзом, и эту игру приходилось вести до конца. Главной её целью, долгом перед кланами, было рождение наследника. Вся их личная пустота была лишь ценой за выполнение условий этой сделки.

— Господин, все готово, — почтительно доложил слуга, сложив руки в традиционном приветствии и склонившись в низком поклоне. Ли Вэй не обернулся, лишь коротко кивнул, не отрывая взгляда от сада.

— Список гостей? — спросил он, глядя вперёд.

— Здесь, — слуга бережно протянул несколько сшитых вместе листов бумаги.

Ли Вэй принял книгу гостей и раскрыл её. Его взгляд скользил по строчкам с именами и титулами, не задерживаясь — скучающий и безразличный. Так продолжалось, пока на следующей странице его глаза не зацепились за короткий, но до боли знакомый слог:

— Лань?! — имя вырвалось у него громче, чем он предполагал, заставив вздрогнуть даже его самого. Он на мгновение оторвался от списка, тряхнув головой, будто отгоняя наваждение.

— Что-то не так, господин? Это нежеланный гость? — осмелился уточнить слуга.

Ли Вэй ответил не сразу. Он провёл тыльной стороной ладони по глазам и снова взгляделся в иероглифы: «Лань Синьюэ, дочь торговца шёлком, данника клана Ли». Тихий, почти неслышный выдох сорвался с его губ.

— Нет, всё в порядке, — произнёс он ровно, перелистывая страницу. Это была не та Лань. Не Сюэ Лань, чей образ он все эти годы хранил в глубине сердца, как заветную реликвию. Он так и не узнал, куда она исчезла тогда и что с ней случилось. Даже его многочисленные связи и рыскающие повсюду шпионы не смогли отыскать и следа. Он так и не простил себе, что не сумел её найти, не смог очистить её имя. Внезапное бегство девушки и грязные слухи, поползшие по городу следом, всегда казались ему бессмысленными, лживыми. Но доказать это он не сумел.

Ли Вэй вернул книгу слуге, отдав распоряжение усилить охрану у входа и тщательно проверять каждого гостя. Слуга склонился в церемониальном поклоне и удалился.

Лишь когда он остался один, в тишине беседки прозвучал сдавленный шёпот:

— Где же ты, Сюэ Лань?

Он простоял так ещё несколько мгновений, наблюдая за суетящимися слугами, но уже не видя их. Лишь когда до начала праздника оставалось совсем немного, он наконец развернулся и медленно направился к дому, чтобы и самому подготовиться к долгой ночи.

2. Маска Лунного Духа и Волк

Фэн Хуан потратила три дня на подготовку, и каждый миг был отдан оттачиванию дерзкого плана. Её цель — пара верев «Танец Феникса и Дракона», которые предстояло выкрасть во время маскарада в поместье Ли. План был продуман до мелочей и напоминал изящный танец, где каждый шаг должен быть выполнен безупречно.

Всё началось с разведки. Бай Ин, ловкий и незаметный, проник в поместье под видом слуги, доставившего праздничный заказ. Следующей его целью стала городская управа, где за щедрую плату чиновник, отвечающий за гостевые списки, внёс в них нужное имя — Лань Синьюэ. Такая девушка действительно существовала: дочь торговца шёлком из далёкой провинции, прибывшая в Линьхай по семейным делам.

К маскараду в поместье Ли она, конечно, не имела никакого отношения, но благодаря золоту приглашение теперь лежало в руках Фэн Хуан.

Затем настала пора позаботиться о внешнем виде. Фэн Хуан и Бай Ин должны были оказаться на празднике, тогда как Лао Хэй оставался снаружи для подстраховки. Для Бай Ина подготовили два костюма: первый — скромный наряд слуги, сопровождающего госпожу Лань, а второй — одеяние молодого аристократа с маской лисы, в которое он переоденется, едва окажется внутри. Сама Фэн Хуан выбрала образ лунного духа — таинственный и не привлекающий излишнего внимания.

В разгар веселья Бай Ин должен был обратить на себя всеобщее внимание, и Фэн Хуан не сомневалась в нём. Его актёрское мастерство не уступало ловкости рук, и устроить небольшой, но эффектный спектакль для него было сущим пустяком. Пока гости и хозяйева будут увлечены действием, Фэн Хуан проникнет в кабинет Ли Вэя — туда, где хранились заветные веера. А затем исчезнет, словно её и не было, растворившись в предрассветной дымке.

— Фэн-ван, вы сегодня... особенно прекрасны, — голос Бай Ина за спиной прозвучал тихо и почтительно.

Фэн Хуан стояла перед зеркалом, завершая приготовления. Бай Ин всегда видел в капитане сильную и привлекательную женщину, но сейчас, в костюме лунного духа, она казалась ему спустившейся с небес богиней — недостижимой

и загадочной.

Её наряд состоял из многослойного платья цвета утреннего тумана, оттенённого лавандой. Внешний халат из плотного шёлка был украшен тончайшей серебряной вышивкой: ветви цветущей сливы, едва заметные при дневном свете, но готовые засиять в отсветах ночных фонарей. Крой платья, выполненный по последней столичной моде, мягко подчёркивал изящные линии её фигуры, не стесняя движений. Длинные рукава, скрывавшие кисти рук, струились мягкими складками. Причёска — сложная, но лишённая вычурности, с несколькими искусно выпущенными прядями, обрамлявшими лицо, — выдавала в ней знатную даму. В волосах поблёскивали серебряные шпильки с каплями аметиста. В руках она держала фарфоровую маску лунного духа с позолотой по краям, украшенную мельчайшим жемчугом и перламутровыми лепестками.

Лёгкая улыбка тронула её губы, но до глаз не дошла. Взгляд оставался прямым, тяжёлым и оценивающим — в нём читалась вечная бдительность и та самая негибкая воля, что позволила ей подняться со дна бездны. Она повернулась к Лао Хэю и Бай Ину, поднимая маску.

— Пора.

Поместье Ли окутала праздничная атмосфера. Несмотря на усилившуюся охрану у входа, ничто не нарушало безмятежного настроения. Стоило гостям переступить порог, как они попадали в другой мир — утончённый и завораживаю-

щий.

Дорожки, ведущие к озеру и Нефритовому павильону, были обрамлены невысокими каменными фонарями. В них горели масляные светильники, пропитанные ароматическими маслами, чей мягкий свет струился вниз, озаряя путь, но не мешая любоваться звёздным небом.

— Поразительно!

— Как прекрасно!

— Господин Ли превзошёл сам себя!

Гости, перешёптываясь, двигались к центру праздника. Деревья у озера, украшенные хрустальными подвесками и серебряными нитями, мерцали в темноте, словно инеем или паутиной, сотканной духами. Повсюду были расставлены лёгкие бамбуковые ширмы, увешанные пучками ароматных трав и высушенными цитрусами. Лёгкий ветерок с озера доносил их свежий, бодрящий запах, смешиваясь с дымом сандала, струящимся из павильона. Шёлковые рыбы и журавли, подвешенные на почти невидимых лесках, казались парящими в воздухе ожившими тенями.

Но главным чудом было озеро, покрытое сотнями плавающих лотосов-фонариков из тончайшей рисовой бумаги. Одни горели ровным золотистым светом, другие же, благодаря хитроумному механизму из воска и фитиля, медленно пульсировали, создавая иллюзию дыхания гигантского подводного существа. И где-то среди этого волшебства негромко звучали мелодии музыкантов, пока лишь настраивающих

инструменты для предстоящего праздника.

— Господин, гости собрались, — почтительно напомнил слуга, застыв у порога.

Ли Вэй в костюме снежного волка стоял у окна, наблюдая, как пёстрая толпа медленно стекалась к озеру, направляясь к Нефритовому павильону. На его губах на мгновение застыла горькая усмешка. Сегодня всё — от аромата благовоний до далёкого перезвона колокольчиков — настойчиво возвращало его в прошлое, которое уже не вернуть. Оно витало здесь, как навязчивый призрак, и Ли Вэй, несмотря на всю свою выдержку, не мог отогнать назойливые видения. Особенно упорными были мысли о Сюэ Лань.

Он на мгновение закрыл глаза, словно пытаясь стереть её образ, затем резко развернулся к слуге.

— Начинай, — прозвучало твёрдо и бесстрастно, без единой нотки в голосе.

— Слушаюсь. — Слуга склонился в почтительном поклоне и бесшумно удалился.

Ли Вэй остался в одиночестве, к которому давно привык. Тишина в зале была звенящей, и лишь приглушённый гул праздника доносился извне. Сделав глубокий вдох, он решительным шагом направился к двери. Тяжёлые складки его костюма мягко шелестели при ходьбе. Уже через мгновение его прямая и строгая фигура появилась на пороге Нефритового павильона — как раз в тот момент, когда церемониймейстер возвещал о начале торжества.

Воздух в павильоне был густ и сладок от дыма сандаловых палочек. Мягкий свет тысяч бумажных фонариков тонул в шелках цвета закатного солнца и золота, смягчая контуры и приглушая краски. Под высоким потолком стоял негромкий гул голосов, пронизанный напряжённым ожиданием. Внезапно музыка смолкла.

Из глубины зала бесшумно проплыла высокая фигура в длинных одеждах и маске мудрого Белого Журавля с позолоченным клювом. Он взошёл на невысокое сандаловое возвышение в центре павильона, держа в руках церемониальный посох из чёрного дерева, увенчанный резным нефритовым лотосом. Все взоры обратились к нему. Воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь трепетом пламени в бронзовых жаровнях.

— Почтенные гости, духи предков, хранители этого крова!

Его голос, низкий и ясный, без усилия заполнил пространство.

— Мы собрались в ночь, когда небесный свод становится тонок, как лепесток, а граница между мирами — зыбкой, как рябь на воде. «Ночь Огненных Лотосов» — время, когда прошлое и будущее говорят с нами одним голосом, а маски призваны обнажить ваши истинные сердца.

Он медленно повернулся, и его маска-журавль, казалось, смотрела на каждого.

— Пусть пламя, что мы возжигаем, станет путеводной ни-

тью для душ, скитающихся во тьме. Пусть каждый шёпот донесёт до вас предсказание, а каждая встреча изменит вашу жизнь. Будьте же бдительны к знакам и открыты для чуда.

С этими словами он опустил конец посоха в пламя жаровни. На нефритовом лотосе вспыхнул чистый огонёк.

— Да будет этот свет маяком для всех, кто жаждет истины! Да начнётся великий Танец Масок!

Широким жестом он указал посохом на выход в сад. В тот же миг музыканты ударили по струнам гучжэна, и вступила флейта — томно, зазывно и торжественно. Поток гостей в масках устремился из павильона в залитый лунным светом сад, где на воде их уже ждали тёмные силуэты плотиков с медными чашами.

Пока церемониймейстер вёл церемонию, Ли Вэй стоял в тени колонны, неподвижный и наблюдательный. Его взгляд, отточенный годами расследований, медленно скользил по толпе, выхватывая детали: сдержанный жест, несоответствие в манерах, едва уловимое напряжение в плечах. Он изучал не просто костюмы — он вглядывался в глаза, выискивая в них ту мельчайшую трещину, через которую ложь даёт себя узнать.

Его внимание уже готово было переместиться дальше, когда вдруг зацепилось за пару глаз, смотревших на него из-под маски лунного духа. Слишком пронзительных, слишком осознанных. Ли Вэй чуть склонил голову, рассматривая незнакомку. Всё в ней — от безупречной осанки до плавного

поворота головы — кричало о знатном происхождении. Но её взгляд... Он был прямой, тяжёлый, наполненный тихой силой, рождённой в испытаниях. Ли Вэй видел такие глаза лишь у тех, кто прошёл через огонь и не сломался. В нём что-то дрогнуло — холодное и спящее годами. В душе, казалось бы, давно остывшей, будто тлеющий уголёк вспыхнул ярким пламенем, рождая давно забытое любопытство. Ему захотелось не просто наблюдать, а раскрыть её, понять, что скрывается за этой маской.

Фэн Хуан стояла среди гостей, внешне сохраняя полное спокойствие. Она внимала словам церемониймейстера, но всё её существо было напряжено, как тетива лука. Каждым движением, каждым жестом она поддерживала иллюзию знатной дамы, ведя светские беседы, от которых давно отвыкла.

— Правда, господин Ли организовал потрясающий праздник? — восторженно прошептала рядом девушка в костюме феникса, её глаза сияли из-под маски.

— Безусловно, — мягко ответила Фэн Хуан, едва заметным движением кисти указывая на плывущие по озеру огни. — Он превзошёл все ожидания.

— Интересно, в костюме кого же он скрывается? — продолжила девушка с заговорщицким придыханием.

Уголки губ Фэн Хуан дрогнули в лёгкой, почти невидимой улыбке. Она наклонилась к собеседнице, и её шёпот прозвучал томно и ободряюще:

— У вас впереди вся ночь, чтобы разгадать его маску.

Именно в этот момент она ощутила на себе тяжёлый, изу-чающий взгляд. Чужое внимание коснулось её с такой ин-тенсивностью, что стало почти физическим. Но годы вынуж-денной скрытности и самоконтроля сделали своё — она не дрогнула, не обернулась, не выдала и тени осознания.

Ли Вэй двинулся следом за потоком гостей, позволив ему увлечь себя к озеру. Он не спешил, его движения были плав-ными и незаметными. Медленно, но уверенно он прибли-жался к той, что в образе лунного духа притягивала его взгляд. Он остановился в двух шагах, отделённый от неё па-рой случайных гостей. Пока его руки совершали ритуаль-ные движения — принимая от слуги тонкую восковую све-чу, склоняясь, чтобы зажечь от неё пламя в одной из медных чаш, — всё его внимание было приковано к ней. Он следил за ней боковым зрением, отмечая каждый жест, каждый по-ворот головы.

Фэн Хуан сделала шаг к самой кромке воды, где тёмная гладь озера, подёрнутая рябью, поглощала и искажала отсве-ты сотен огней. Зажав в пальцах свечу, она наклонилась, под-несла огонёк к масляной поверхности чаши. Вспыхнув, пла-мя осветило её руки и на мгновение бросило золотистый от-свет на фарфоровую маску. Лёгким движением она отправи-ла плотик в плавание, и горящая чаша медленно отплыла от берега, смешивая свой свет с другими.

И тут её пронзило щемящее, почти физическое чувство.

Память, которую она так тщательно хоронила, нахлынула внезапно и мощно: тёплый свет из прошлого, беззаботный смех в саду её детства, лица, которых больше нет. Она застыла, и её взгляд непроизвольно утонул в тёмной воде, ища ответа в её таинственной глубине.

Сердце её на мгновение замерло. Среди танцующих бликов и теней ей почудились очертания дорогих, любимых черт. Она увидела — или ей показалось, что увидела, — улыбку матери, строгий взгляд отца... Фэн Хуан резко моргнула, пытаясь стряхнуть наваждение. В этот миг по воде пробежала лёгкая рябь, и видение рассыпалось. В тёмном зеркале озера, искажённом кругами, осталось лишь одно отражение — одинокое и загадочное, в маске лунного духа, которая смотрела на неё пустыми глазами.

Когда последний огненный лотос вспыхнул на воде, церемониймейстер возвестил о начале танцев. Гости плавно переместились на специальную площадку с отполированным до зеркального блеска деревянным настилом, раскинувшуюся между озером и павильоном.

Начался медленный, гипнотический танец «Блуждающих Духов» — церемониальный групповой ритуал с простыми, повторяющимися движениями, позволявший каждому гостю легко влиться в общий поток. Ли Вэй двигался по предписанному кругу, но его внимание целиком принадлежало загадочной фигуре в одеяниях лунного духа. Он чувствовал каждый её жест, каждый поворот, будто между ними уже бы-

ла протянута незримая нить.

Когда музыка сменилась — уступив место ритмичным барабанам и томным переливам флейты, — атмосфера мгновенно преобразилась. Церемониальная строгость уступила место живому веселью. Площадка заметно опустела: многие гости, смеясь и шепчась, разбрелись по саду, погрузившись в увлекательную игру угадывания масок. Но те, кого манил танец, остались.

Именно в этот момент Ли Вэй мягко, но неотвратимо преградил путь лунному духу. Он возник перед ней словно из ниоткуда, и его рука с раскрытой ладонью протянулась в безмолвном, но властном приглашении.

— Говорят, — его голос прозвучал тихо, но отчётливо, заглушая шум толпы, — если лунный дух почтит «Ночь Огненных Лотосов» своим присутствием, будущее будет благосклонным.

Фэн Хуан ответила ему изящным движением, приняв приглашение, но избегнув прикосновения к его ладони. Этот голос вызвал смутный отзвук в памяти, но она не могла его сразу распознать.

— Поистине поэтичное поверье, — её собственный голос прозвучал ровно и мелодично. С этим она сделала лёгкий шаг вперёд, занимая место рядом с ним, готовая к танцу.

— Поэзия — это лишь начало. Гораздо интереснее то, что скрывается за ней. Как и за маской, — его губы под маской тронула едва заметная улыбка. Он позволил себе на мгнове-

ние сократить дистанцию между ними.

— А что, если маска и есть истинное лицо? — её голос прозвучал тише, буквально потонув в звуках ритмичной мелодии.

Ли Вэй сделал шаг вперёд. Фэн Хуан отступила, скрыв лицо за свисающим рукавом, и тут же начала ответное движение. Она обошла его сбоку, и шёлк её одежды едва не коснулся его плеча. В воздухе повис лёгкий запах сандала с чем-то неуловимо знакомым. Они двигались рядом, почти синхронно. Маски оказались так близко, что он мог разглядеть тонкие узоры на фарфоре. Он попытался встретиться с ней взглядом, но её глаза были устремлены куда-то вдаль, за пределы танцующих. Между ними не было ни единого прикосновения, но напряжение ощущалось почти физически. Он искал в ней разгадку, а она оставалась недоступной, открывая ровно столько, сколько считала нужным. Их танец больше походил на поединок.

Стоило последним нотам смолкнуть, Фэн Хуан, едва соблюдая формальность поклона, стремительно растворилась в толпе, покинув танцевальную площадку. С каждым мгновением она всё острее чувствовала — человек под маской волка ей знаком. Его низкий тембр голоса будил в памяти давно забытые отголоски, а каждое движение отзывалось смутным, но настойчивым эхом прошлого.

И когда в памяти всплыло их последнее па — тот самый широкий, размашистый жест его руки, — Фэн Хуан замер-

ла в тени раскидистого дерева, будто вкопанная. Этот характерный взмах, резкий и уверенный, принадлежал только одному человеку на свете — Ли Вэю.

3. Взгляд, узнанный сквозь маску

Фэн Хуан горько и беззвучно усмехнулась. Конечно, она знала, что Ли Вэй будет здесь — он хозяин этого праздника. Она даже допускала возможность мимолётной встречи, но надеялась, что маски и течение десяти лет станут достаточной защитой. Что они, как два корабля в ночи, разойдутся, не узнав друг друга.

Десять лет — срок, способный изменить всё. Сама Фэн Хуан, прошедшая через горнило рабства и поднявшаяся с самых низов до капитанства, думала, что её прежняя кожа, тонкая и чувствительная, давно огрубела и сменилась новой. Она была уверена, что похоронила не только своё прошлое имя, но и все связанные с ним чувства, включая те, что когда-то питала к Ли Вэю.

Но сегодняшняя ночь, с её дурманящими ароматами и мерцанием огней, будто отперла наглухо запертую дверь в её душе. Слишком многое возвращало её назад.

Она бросила быстрый, оценивающий взгляд по сторонам. Серебристой маски снежного волка нигде не было видно. И это отсутствие странным образом беспокоило её сильнее, чем его присутствие. Фэн Хуан почувствовала тревожное щемление в груди — будто сквозь многолетнюю, нарощенную броню цинизма и расчёта пробивался старый, давно забытый росток. Тот самый, что когда-то питался надеждами, нежностью и доверием и был безжалостно выкорчеван в тот день, когда тётка Инлун отдала приказ, а её муж, Цзи Кэдао, продал её, как скот.

«Призраки прошлого не должны мешать делам настоящего, — мысленно проговорила она, возвращаясь к реальности. — Сюэ Лань умерла много лет назад. Сегодня здесь только Фэн Хуан».

С этим осознанием к ней вернулась ясность мышления. Она бросила профессиональный взгляд вокруг, оценивая расположение охраны и возможные пути отступления. План был тщательно проработан, и никакие личные воспоминания не могли помешать его выполнению. Веера «Танец Феникса и Дракона» ждали её.

Ли Вэй не успел ничего предпринять. Незнакомка в костюме лунного духа исчезла с танцевальной площадки так стремительно, что это было похоже на бегство. Словно испу-

ганная лань, она растворилась в толпе, оставив его с нарастающим чувством недоумения и тревоги.

Он сошёл с отполированного до блеска настила на песчаную дорожку, ведущую к озеру. Его взгляд беспокойно скользил по силуэтам гостей, но разыскать ту единственную фигуру ему не удавалось. Однако навязчивое ощущение, что эта женщина ему знакома, не просто не покидало его — оно с каждой минутой становилось всё острее. Он поднял правую руку, согнутую в локте, и бессознательно потер пальцы друг о друга, будто это простое действие могло помочь ему найти разгадку.

Сделав шаг в сторону, он уставился на озеро, чья тёмная вода мерцала отражениями сотен плавучих огней. В его сознании начали всплывать обрывки воспоминаний, складываясь в подозрительно знакомую картину. Её манера двигаться, лёгкий шлейф сандала с горьковатой нотой, скрытая напряжённость в голосе, тот самый взгляд, который она так тщательно прятала во время их танца... И вдруг, словно вспышка, перед ним возникла деталь: элегантный взмах рукой, изящные длинные пальцы, и он замер — указательный палец правой руки, чуть выступающий над средним.

Учитель танцев когда-то постоянно делал ей замечания по этому поводу. Она пыталась исправиться, но в конце концов привычка оказалась сильнее. Ли Вэй перестал дышать. Эта маленькая, ничтожная особенность вспыхнула в его сознании ослепительным пламенем, выжигая все сомнения. Так

всегда делала только Сюэ Лань.

Он запомнил этот жест навсегда, ведь они вместе, как помолвленная пара, месяцами репетировали парные танцы к праздникам — к Фестивалю Весны и Дню Драконьих Лодок.

Ли Вэй резко развернулся, его глаза с новой яростью принялись искать в толпе маску лунного духа. Разум отказывался верить, что это могла быть она. Но этот характерный жест, её движения, которые так пугающе синхронно совпадали с его собственными, будто они снова стали теми юными влюблёнными, готовящимися к выступлению. Всё в ней кричало: «Это Сюэ Лань!»

Единственное, что не сходилось, — её голос. Он звучал слишком ровно, слишком отстранённо и холодно, лишённый той тёплой, живой трепетности, что он так хорошо помнил. Но Ли Вэй лишь покачал головой, отбрасывая и это сомнение. Он не знал, через что ей пришлось пройти за эти десять лет. Любой голос мог огрубеть и измениться до неузнаваемости за такое время. Теперь желание найти её и сорвать с неё маску стало в нём настоящей одержимостью.

Пока Фэн Хуан призраком скользила между гостями, уклоняясь от настойчивого внимания Ли Вэя, Бай Ин готовился к своему выходу. Воспользовавшись всеобщим движением к озеру для зажжения огней, он ловко сменил одежду слуги на роскошный наряд Лиса, поправив на лице полумаску как раз к началу ритуального танца. Годы уличных выступлений не прошли даром — он легко влился в хоровод,

его движения были отточенными и естественными.

С истинно лисьей грацией Бай Ин включился в светскую игру, мастерски ведя легкомысленные беседы и переходя от одной группы гостей к другой. Когда атмосфера праздника достигла пика, а гости расслабились под воздействием изысканных закусок и рисового вина, артист приступил ко второй части плана.

Сначала его смех стал чуть громче, шутки — рискованнее. А когда музыка на мгновение затихла, он с нарочитой театральностью опрокинул свой кубок, и тёмное вино растеклось по воде причудливыми узорами.

— О, простите, о великие духи! — воскликнул он, воздев руки. — Это не вино пролилось — это жертва речному дракону! Разве вы не видите? Он здесь, извивается в дрожащей воде!

Отбросив пустой кубок, Бай Ин начал диалог с воображаемым духом, с жаром указывая на винное пятно. Его голос крепчал с каждым мгновением, жесты становились всё более выразительными. Сначала гости смотрели с недоумением, но актёрская убеждённость Бай Ина была столь совершенной, абсолютная вера в собственный вымысел так искренна, что постепенно недоумение сменилось любопытством, а затем и робкой верой в происходящее чудо.

— Дух ночи подарил мне горсть лунного света! Смотрите!

Бай Ин, словно настоящий маг, совершил несколько загадочных пассов руками — и в его пальцах вспыхнули и по-

гасли прозрачные огоньки. Заранее спрятанные в рукаве частицы светящегося состава позволили ему создать иллюзию игры с лунным светом. Затем он с актёрским шиком бросил этот «свет» в воду, и в тот же миг по условленному сигналу несколько плавающих фонариков вспыхнули неестественно ярко, сменив привычное оранжевое свечение на загадочное синеватое. Эту замену обычных свечей на химические составы он провёл ещё днём, проникнув в поместье под видом слуги.

Гости замерли в изумлении. Бай Ин играл с самой сутью праздника, со стихиями огня и воды, и в этот момент все взгляды — от восхищённых глаз знати до бдительных стражей и даже настороженного Ли Вэя — были прикованы только к нему. Он стал центром этой ночной вселенной.

Пока гости всё ещё находились под впечатлением от магии, Бай Ин использовал момент. Он заметил одну из знатных дам в маске цилиня и с преувеличенно галантным поклоном протянул ей руку:

— Прекрасная госпожа! Даже духи реки замерли, глядя на вашу красоту. Не удостоите ли вы одного из них танца?

Молодая девушка счастливо улыбнулась и, вложив свою руку в его ладонь, сделала шаг вперёд. Бай Ин начал невероятно живой, импровизированный и немного безумный танец, кружа свою партнёршу и вовлекая в свой водоворот других гостей. Хаотичное и весёлое движение подхватило толпу, и праздник окончательно превратился в шумный карна-

вал — идеальные условия, чтобы потерять в суматохе одного гостя в маске лунного духа.

Фэн Хуан не сдержала короткой, одобрительной улыбки, наблюдая, как Бай Ин в костюме Лиса разыгрывает свой ослепительный спектакль. Она не ошиблась в нём — он был рождён для этого. Жаль, что миссия в поместье Ли не позволяла ей остаться и насладиться зрелищем до конца.

Но долг есть долг. В тот самый миг, когда все взоры — от простых гостей до стражей — приковала к себе разыгравшаяся у озера феерия, Фэн Хуан воспользовалась моментом. Бесшумной тенью она отделилась от толпы, скользнула в густую тень плакучих ив и, не замедляя хода, лёгкой, струящейся походкой устремилась к тёмному силуэту павильона. Там, в кабинете следователя по особым поручениям, её ждала цель. И ничто — ни воспоминания, ни призраки прошлого — не могло её остановить.

В отличие от остальных гостей, Ли Вэй не поддался на искусный спектакль. Поначалу он с холодным интересом наблюдал за вычурными па Бай Ина, но чем ярче разгоралось представление, тем сосредоточеннее становился его взгляд. Вскоре он и вовсе перестал смотреть на Лиса. Его внимание, острое и безжалостное, скользило по толпе, выхватывая из-под масок малейшие признаки беспокойства или неестественности. Казалось, за вечер он успел мысленно зафиксировать каждую фигуру, каждый костюм.

И тогда он уловил его — едва заметное движение в пери-

ферическом зрении. Лёгкая, как дымка, тень, отделившаяся от общего потока. Не меняя выражения лица, Ли Вэй плавно двинулся следом, выдерживая идеальную дистанцию — достаточно близко, чтобы не упустить, и достаточно далеко, чтобы оставаться невидимым в своей слежке.

Пятно цвета увядшей лаванды мелькнуло в арке, ведущей к жилому крылу, где располагался его кабинет. На губах Ли Вэя дрогнула чуть заметная, хищная улыбка. В её уголках читалось нечто большее, чем просто предвкушение поимки нарушителя. Это была усмешка охотника, который наконец-то учуял верный след и теперь с наслаждением предвкушал кульминацию погони.

Осторожно приоткрыв тяжёлую дверь, Фэн Хуан скользнула в кабинет. Воздух здесь был неподвижным и густым, пропахшим старыми фолиантами, сандаловой тушью и едва уловимой горьковатой нотой старого дерева. Её взгляд, выхватывая детали в полумраке, скользнул по стенам, по уходящим ввысь стеллажам, доверху заставленным свитками и книгами. В центре комнаты, озарённый лунным светом из высокого окна, стоял массивный письменный стол.

Фэн Хуан бесшумно приблизилась к нему. На столе царил безупречный, почти стерильный порядок: аккуратные стопки бумаги, кисти, разложенные по размеру, тушечница из чёрного камня. И тут её внимание приковал один-единственный лист, лежащий чуть в стороне. На нём углём был выведен незаконченный портрет. Портрет юной Сюэ Лань.

Она застыла, будто поражённая молнией. Вся её воля, всё напряжение мгновенно испарились, оставив лишь щемящую пустоту. Рука сама потянулась к бумаге, и кончики её пальцев легонько коснулись линии щеки — той самой, что он так и не успел дорисовать. Горькая усмешка вырвалась у неё наружу. Судьба порой являла такие жестокие и точные насмешки. Резким движением, будто обжигаясь, она отдёргнула руку и отвернулась, силясь отогнать нахлынувшие воспоминания.

А в щель приоткрытой двери за ней с холодной сосредоточенностью наблюдал Ли Вэй. Он видел каждый её шаг, видел, как она замерла у стола, видел, как её пальцы с нежностью коснулись портрета. Он не дышал, превратившись в слух и зрение, весь — в ожидании. Он ждал её следующего шага.

В глубине кабинета, в стенной нише, стояла застеклённая витрина, где на алом бархате покоились древние артефакты. Фэн Хуан шагнула к ней, не отрывая взгляда от цели — двух вееров, белого и чёрного. Инкрустированные лунным жемчугом, они мерцали в полумраке. Остальные реликвии её не интересовали.

Она провела пальцами по холодному стеклу, словно ощущая сквозь него ауру желанной добычи. Зная, что подобные реликвии никогда не хранятся без защиты, она отвела взгляд от витрины. Её внимание привлекла шахматная доска на низком столике по соседству. Фигуры из тёмной яшмы

и светлого нефрита были расставлены в незаконченной партии. Фэн Хуан узнала этот набор — когда-то такой же был у её отца. Расположение фигур было не игрой, а ключом к ловушке. Одно неверное движение — и механизм защиты сработает.

Опытным взглядом она оценила позицию. Гармония композиции была нарушена: нефритовый дракон занимал не свою клетку. Ловким движением она передвинула фигуру на нужное место. Послышался почти неслышимый щелчок — замок на витрине открылся.

Именно в этот момент, когда Фэн Хуан с холодным спокойствием протянула руку к веерам, в кабинете появился Ли Вэй. Бесшумно приоткрыв дверь, он скользнул внутрь и, пользуясь её сосредоточенностью, начал приближаться, оставаясь в тени.

— Что забыл лунный дух в обители снежного волка? — раздался за её спиной низкий голос Ли Вэя.

Фэн Хуан резко обернулась, за спиной у неё уже были веера. Её поймали с поличным, но сдаваться она не собиралась.

— Ничего особенного. Просто гуляла и увидела, как из этой комнаты исходит особый лунный свет, — ответила она, стараясь придать голосу беззаботность.

— И это оправдывает кражу древних реликвий? — Ли Вэй сделал шаг вперёд.

— Какая кража? Я всего лишь... хотела ненадолго взглянуть на них, — Фэн Хуан отступила, оценивая расстояние

до двери.

Уголки губ Ли Вэя дрогнули в усмешке, но его взгляд, горящий сквозь прорези маски, был безжалостен.

— В таком случае... вам следовало попросить. — На последнем слове он ринулся вперёд.

Его атаки были точными и методичными, как и подобает следователю. Он использовал прямолинейные, мощные захваты, стремясь ограничить её движения. Его цель — нейтрализовать: он пытался прижать её к столешнице, схватить за запястья, блокировать ей путь к отступлению. Каждое его движение было подконтрольным и выверенным, будто он ведёт допрос с помощью физической силы. Он использовал вес своего тела и знание пространства, пытаясь загнать её в угол.

Её стиль был поразительным гибридом, отражающим её двойственную природу. От аристократического прошлого — изящные уклонения, пластичные движения, использование инерции противника. Она скользила между его атак, как тень, её длинные рукава мелькали, сбивая с толку. Но в её движениях проскальзывала и грубая сила пиратов: короткий, хлёсткий удар ребром ладони, низкий подкат, попытка использовать в качестве оружия всё, что попадалось под руку — свиток с полки, тяжёлую тушечницу. Её ноги были в постоянном движении, она отступала, петляла. Её единственной целью была дверь. Веера, зажатые за спиной, не мешали ей, а будто стали частью её сущности, удлиняя линию её спины и делая повороты ещё более стремительными.

Ли Вэй, уловив ритм её движений, пошёл на риск. Он пропустил её обманный манёвр и рванулся вперёд, когда она сделала широкий разворот, чтобы обойти его. Его пальцы впились не в её руку, а в затылок, нащупывая завязки маски. В последний момент Фэн Хуан попыталась вывернуться, но было поздно. Шёлк лопнул, и маска полетела на пол. И в наступившей внезапной тишине, в лунном свете у окна, он наконец увидел её лицо. Лицо повзрослевшей Сюэ Лань.

— Лань... — имя сорвалось с его губ тихо, но с абсолютной, кристальной уверенностью. Все обрывки, все догадки сложились в единую, неоспоримую картину. Сюэ Лань была жива. Она стояла перед ним, дышала, смотрела на него чужими глазами. Он сделал шаг вперёд.

— Сюэ Лань умерла десять лет назад, — её голос прозвучал твёрдо и холодно.

— Я искал тебя всё это время. Почему ты не дала о себе знать? — не отступал он, впиваясь взглядом в черты, которые когда-то знал лучше собственных. Но от хрупкой, нежной девушки не осталось и следа. Перед ним стояла женщина, выкованная в горниле испытаний. Её твёрдый, почти безжалостный взгляд и огрубевший голос были тому прямым доказательством.

— И что бы это изменило? — в её голосе прозвенела ледяная насмешка.

— Я нашёл бы способ спасти тебя.

Он сбросил свою маску, и перед ней предстало его лицо —

всё так же прекрасное, но отмеченное суровой печатью прожитых лет. Жёсткие линии, заострившиеся скулы, взгляд, утративший юношескую мягкость. На мгновение она позволила себе залюбоваться этой новой, суровой красотой, а затем легко рассмеялась — смехом, в котором не было ни капли веселья.

— Это было невозможно, — отрезала она, резким жестом проводя рукой по воздуху, словно отсекая призрачные надежды. — Ты и сам прекрасно знаешь, Вэй. Твоя семья никогда не позволила бы тебе броситься на поиски «падшей» невесты.

Она, выросшая в этих же кругах, понимала всё до мельчайших деталей. Когда тётка с мужем продали её, грязные слухи расползлись по городу быстрее чумы. Даже если бы он, вопреки всему, нашёл её, его клан никогда не принял бы обратно женщину с таким пятном на репутации. Брак с ней стал бы политическим самоубийством для дома Ли.

— Я бы очистил твоё имя, — настаивал Ли Вэй, и в его голосе звучала та самая упрямая уверенность, что когда-то заставляла его часами отрабатывать удары мечами и изучать запутанные дела. Глубоко внутри он понимал: Фэн Хуан права. Логика и расчёт, его верные спутники в работе, безжалостно указывали на невозможность этого. Но та часть его души, что десять лет хранила её образ, отказывалась сдаваться, не желая признавать своё поражение.

— Ты совсем не изменился, — снова рассмеялась она, и

в этот раз в смехе прозвучала капля нежности.

Его взгляд скользнул по её лицу, выхватывая тонкие белые шрамы на скуле и у виска — безмолвные свидетельства битв, о которых он ничего не знал.

— А ты? — спросил он, уже зная ответ.

— Как будто ты сам не видишь, — парировала она, и в её глазах вспыхнул вызов. Она не просила жалости и не собиралась оправдываться. Та, кем она стала, была сильнее той, кем была когда-то.

Фэн Хуан внезапным движением ладони резко ударила ему в грудь. От неожиданности Ли Вэй отлетел к столу, опрокинув чернильницу, и тёмные чернила разлились по полу, словно кровь из раны. Не теряя ни секунды, Фэн Хуан распахнула окно и исчезла в ночной тьме сада.

Но Ли Вэй не мог так просто отпустить её. Собрав волю в кулак, он рванулся вслед. Выпрыгнув в темноту, он помчался за мелькающим среди деревьев силуэтом, почти настигнув её у внешней стены. Его пальцы вцепились в край её шёлкового рукава... И в этот миг из тени возникла мощная фигура Лао Хэя. Короткий, сокрушительный удар рукоятью меча по затылку — и сознание Ли Вэя погасло.

Последнее, что он успел увидеть, — спину ускользающей Сюэ Лань. Последнее, что услышал, — хриплый оклик, обращённый к ней:

— Фэн-ван, скорее!

Придя в себя через несколько минут, Ли Вэй почувство-

вал не только пульсирующую боль в виске, но и ледяную ярость, смешанную с пронзительной ясностью. Это имя, которое он знал лишь по докладам, — мифический Капитан-призрак, бич торговых путей. И теперь оно обрело лицо. Это была Сюэ Лань. Его Сюэ Лань. Та, что должна была стать его женой.

Он не стал поднимать тревогу. Приказ, отданный сквозь стиснутые зубы, был краток:

— Готовить мой самый быстрый корабль!

Ли Вэй был намерен перехватить её в море. На её территории.

4. Осколок маски на лаковом столике

Бай Ин стремительно мчался впереди, его шаги были лёгкими и бесшумными, будто он и вправду был тем лисом, в чьём обличье появился на балу. Он не бежал, а почти летел над дорогой.

Фэн Хуан, прижимая к груди веера, с трудом поспевала за ним. Длинное платье, ещё недавно бывшее частью изысканного образа, теперь путалось в ногах, а тяжёлая ткань, пропитанная потом и ночной влагой, казалась свинцовой. Дыхание сбилось, в боку кололо острой иглой, и каждый вдох обжигал лёгкие. Ей отчаянно хотелось остановиться, хотя бы на мгновение, чтобы перевести дух.

Сзади, тяжёлой и неумолимой поступью, бежал Лао Хэй.

Его сапоги гулко отдавались по брусчатке пустынных улиц, и этот звук, словно барабанная дробь, наполнял ночь.

Они не оглядывались. Не было ни времени, ни сил на это. Только бежать вперёд, сквозь серебристый свет луны и густую тень переулков. И когда в груди у Фэн Хуан уже началось ныть от нехватки воздуха, а в висках стучало, тогда она наконец почувствовала — достаточно. Выбрав тёмный, глубокий проулок между двумя слепыми стенами складов, она резко подняла руку, давая знак.

— Стой! — её голос прозвучал хрипло и срывающе.

Она прислонилась к прохладной каменной стене, откинув голову и закрыв глаза, вслушиваясь в отдалённый шум праздника, который они оставили позади. Фэн Хуан прислушивалась к каждому шороху, к каждому отзвуку шагов на пустынных улицах. Она знала — Ли Вэй не отступится так просто. В ту секунду, когда их маски упали и их взгляды встретились без преград, она прочла в его глазах не мимолётное изумление. Глубже, под слоем шока и неверия, пылало что-то иное — всепоглощающая тоска, та самая, что годами точила душу, и неистовое, почти отчаянное желание вернуть то, что было безвозвратно утрачено. Она видела в нём не следователя, выслеживающего преступницу, а человека, готового бросить вызов самой судьбе.

— Фэн-ван, — тихо, но чётко произнёс Бай Ин, приблизившись. — Вы в порядке?

Фэн Хуан коротко кивнула, открыв глаза. Дыхание её на-

конец выровнялось, и с губ сорвался протяжный, уставший вздох, в котором смешались и напряжение погони, и груз неожиданной встречи.

— Дацзе, за нами не идут, — доложил Лао Хэй, его низкий голос был спокоен, как всегда.

— Он не послал стражу? — не скрывая удивления, переспросил Бай Ин и тут же юркнул за угол, чтобы лично оценить обстановку. Улица и впрямь была пустынна. Ни тревожных огней, ни лязга оружия, ни тяжёлой поступи солдат — лишь звенящая тишина, изредка нарушаемая отголосками музыки с праздника.

— Следователь Ли, — проговорила Фэн Хуан, всё ещё прислонившись затылком к прохладной каменной стене, — наверняка уже строит новый план. — На её губах играла кривая, усталая усмешка. Даже живя вдали от этих стен, она знала всех, кто всерьёз охотился за пиратами. Имя Ли Вэя красовалось в этом списке на самом видном месте.

— Дацзе, до гавани путь не близкий, — Лао Хэй говорил медленно и обдуманно. Он заранее изучил район, готовя пути отступления. — Предлагаю укрыться в запасной точке и переждать. Сначала заляжем на дно, а с рассветом уйдём в море.

Фэн Хуан медлила с ответом, сжав губы. План был безупречным с точки зрения тактики. Но всё в ней рвалось прочь из Линьхая немедленно, сию секунду. Мысли путались, сбивая привычный хладнокровный расчёт. Встреча с

Ли Вэем лицом к лицу будто выбила почву из-под ног, и теперь её разум, обычно ясный и собранный, метался в попытках снова обрести опору.

— Хорошо, — наконец выдохнула Фэн Хуан, и в её голосе слышалась не просто усталость, а вся тяжесть прожитых лет. Она шумно выдохнула, сжимая в руке веера так, что костяшки пальцев побелели, словно пытаюсь вцепиться в единственную нить реальности.

Позволив себе ещё пару минут просто постоять, прислонившись затылком к шершавому, прохладному камню, она оттолкнулась от стены и твёрдо направилась за своими людьми. Каждый шаг давался с усилием, будто она оставляла на дороге частицу самой себя, но спина её оставалась прямой, а взгляд — устремлённым вперёд.

Отдав приказ о подготовке корабля, Ли Вэй не бросился опрометью из поместья. Вместо этого он вернулся в свой кабинет. Его острый взгляд скользнул по комнате, выхватывая детали хаоса, и остановился на осколках фарфоровой маски, разбросанных по полу, — последнем следе Сюэ Лань.

Он быстро пересёк комнату и, присев на корточки, с почтительной осторожностью поднял двумя пальцами крупный фрагмент с сохранившимся рисунком глаза. Поднявшись, он замер, не отрывая взгляда от находки. На его губах играла кривая, безрадостная усмешка.

— Значит, все эти годы ты была среди пиратов...

Его голос прозвучал приглушённо, обращаясь не к пусто-

те, а к тому призраку, что десять лет жил в его сердце. Он повернул осколок к лунному свету, и в его блеске ему почудилось её лицо — то, каким оно было до того, как её жизнь переломилась надвое.

— Сама бы ты никогда не пришла к ним, Лань. Значит, кто-то... помог тебе с этим выбором.

Его взгляд, тёмный и тяжёлый, устремился в распахнутую створку окна — ту самую, в которую исчезла её фигура. Он знал, что ответ где-то там, за распахнутой створкой окна, в том мире, куда она снова скрылась. И теперь ему предстояло не просто поймать пирата, а найти ответы на вопросы, десять лет не дававшие ему покоя.

Резкий звук шагов в коридоре заставил его вздрогнуть. Он развернулся, и за секунду его взгляд снова стал твёрдым и непроницаемым. В дверях с почтительным поклоном замер слуга.

— Господин?

— Приберите здесь, — отрезал Ли Вэй, голос ровный, но со стальным отзвуком. Однако слуга, знавший хозяина годы, уловил в его голосе непривычную хрипотцу.

— Слушаюсь, — слуга скрылся, чтобы распорядиться об уборке.

Больше не задерживаясь, Ли Вэй направился в свои покои — переодеваться. Каждый его шаг был отмерян с холодной решимостью.

Заперев за собой двери покоев, Ли Вэй чиркнул специаль-

ной палочкой-зажигалочкой, и мягкий свет нескольких свечей заструился по комнате, отбрасывая на стены колышущиеся тени. Этого приглушённого освещения ему вполне хватало.

Он методичным, почти ритуальным движением развязал пояс с нефритовой пряжкой и отбросил его на циновку. Затем стянул с себя ханьфу из узорчатого шёлка, отложив его в сторону. Броский церемониальный наряд сменился практичным, но оттого не менее дорогим облачением.

Новое одеяние было выдержано в глубоком чёрном цвете, словно выкроено из самой ночи. Сшитое из плотного материала, оно идеально сидело на его фигуре, не стесняя движений. Узкие рукава, стянутые у запястий кожаными манжетами, не мешали работе рук. Через грудь проходила тонкая, едва заметная вышивка серебряной нитью — стилизованный облачный узор, знак его статуса. Это был костюм человека, привыкшего к действию, но не забывающего о своём положении.

Осколок маски Ли Вэй оставил лежать на лаковом столике в своих покоях. На выходе он на миг задержался, обернувшись, и взгляд его скользнул по фарфоровому обломку. Он был похож на запечатлённую боль, память, которую он принудительно оставлял в стенах родового гнезда.

Но уже в следующее мгновение Ли Вэй резко развернулся. Дверь захлопнулась, отсекая прошлое. Его шаги по каменным плитам коридора звучали твёрдо и размеренно.

Он не собирался дожидаться, пока праздник в его поместье иссякнет сам собой. Его план был иным, дерзким и прямолинейным — перехватить корабль Сюэ Лань прямо в море, на её территории. А для этого нужно было опередить её, прибыть в порт и изучить всё до мелочей: карты течений и отмелей, расписание дозоров, где ошвартованы самые быстрые джонки и через какие протоки пираты обычно уходят от погони.

— Пусть всё досе на Капитана-призрака будет доставлено на борт ко мне в каюту.

У него ещё оставалось немного времени. И он намеревался потратить его с пользой.

Вместе с Ли Вэем поместье покинули несколько человек — его верные соратники, прошедшие вместе с ним не одно сложное дело. Они двигались бесшумно, словно тени, повторяя каждый жест своего начальника.

Было решено двигаться обходными путями, через лабиринт узких переулков и безлюдных набережных. Ли Вэй не желал привлекать ничьего внимания. Их продвижение должно было оставаться незримым.

Уголки его губ тронула усмешка. Сюэ Лань — носящая теперь имя Фэн-ван и командовавшая пиратами — наверняка уже расставила своих соглядатаев, чтобы те следили за каждым его шагом. Что ж, он был готов сыграть в эту игру. Ему предстояло иметь дело не с рядовыми контрабандистами, а с капитаном, чьи методы и дерзость были для него пол-

ной загадкой. Он не знал, как она мыслит, и это делало её опаснее любого изученного врага.

Корабль Ли Вэй «Ловец Теней» стоял на якоре в уединённой бухте, готовый к отплытию. Когда Ли Вэй ступил на палубу, внезапный порыв ветра рванул полы его практичного походного халата, словно сама стихия торопила его. Он спустился в каюту, ожидая документы, и в тишине, нарушаемой лишь скрипом обшивки, его мысли обратились к событиям десятилетней давности.

Тогда он был ещё зелёным служакой, только что получившим должность. У него не было ни опыта, ни авторитета, ни средств, чтобы как следует расследовать гибель семьи Сюэ. А когда всё это появилось — время было безвозвратно упущено. Всё же он пытался разобраться. Тайком. Его верные люди проверяли тётку Инлун и её мужа, но не нашли ни единой зацепки: ни свидетелей, ни документов. Такая кристальная чистота была подозрительнее любой улики.

Его взгляд упёрся в деревянную обшивку каюты. Чего он хочет сейчас — поймать Фэн Хуан как пирата, похитившую реликвию? Узнать наконец правду о её исчезновении? Или возродить чувства, что были похоронены заживо?

Ли Вэй с силой выдохнул и на мгновение закрыл глаза. Долг следователя требовал одного — обезвредить пиратов, терроризирующих морские пути. Но долг человека, того самого, что когда-то любил, влёк его к иному — к раскрытию правды и к теплу, которое он давно не позволял себе чув-

ствовать.

— Господин, документы, — доложил следователь Чжу, кладя на стол аккуратные свитки и тетради в синих обложках.

— Благодарю, — кивнул Ли Вэй. Чжу молча склонил голову и вышел, оставив начальника наедине с бумагами.

Ли Вэй развернул первый свиток. Его информаторы давно сообщали: среди моряков по всему побережью гуляет легенда о «Слезе Морского Дракона» — артефакте невероятной силы, путь к которому якобы зашифрован на парных веерах.

Внезапное возрождение древнего предания не могло быть случайностью. Ли Вэй был уверен: кто-то намеренно всколыхнул эту историю, вдохнул жизнь в красивый миф, тысячелетиями пролежавший под слоем пыли. И очень скоро слухи дали первые ростки: участвовавшие пиратские набеги на прибрежные города Цзиньлина, особенно на Линьхай. Каждое новое нападение ослабляло торговлю, подрывало доверие купцов и истощало казну — стратегический удар, который был на руку лишь одной стороне.

Парные веера «Танец Феникса и Дракона», столетиями хранившиеся в семье Ли, оказались не просто реликвией. Они были картой, ключом, который царство Шуйцзэ решило повернуть в свою пользу. Ослабленный пиратами Цзиньлин становился лёгкой добычей. И теперь все нити в расследовании Ли Вэя сходились к одному — к царству Шуйцзэ, извечному сопернику, который методично расшатывал устои

соседа, не оставляя за собой прямых улик.

Одолеваемый сомнениями, Ли Вэй решил проверить легенду на практике. Дни и ночи он проводил за изучением древних манускриптов, выискивая обрывочные упоминания о загадочных веерах. В одном полуистлевшем свитке ему удалось найти ключевую запись: лунный жемчуг на них был не просто украшением, а сложной системой крошечных линз.

Он начал кропотливые эксперименты. В ночь полной луны, после долгих проб и ошибок, ему наконец удалось поймать нужный угол. Свет, преломлённый жемчужинами, отбросил на стену кабинета призрачное серебристое сияние — таинственные линии, складывающиеся в очертания архипелагов, морских течений и созвездий.

Но восторг открытия скоро сменился разочарованием. Проявившаяся карта оказалась фрагментарной, лишённой ключевых деталей и координат. Она словно дразнила его, показывая лишь часть пути. Лунный свет открывал одну тайну, но скрывал другую, главную. Ли Вэй упёрся в тупик.

Тем временем охота за веерами уже шла полным ходом. Были совершены несколько дерзких попыток похищения, которые ему чудом удалось предотвратить. Хотя Ли Вэю и удалось схватить нескольких наёмников, выудить из них информацию оказалось невозможно — они действовали вслепую, не зная имени заказчика.

И тогда, используя суматоху, эту задачу блестяще ре-

шила Сюэ Лань. Та, чей острый ум он помнил ещё с юности, сумела сделать то, что не удалось ни одному пирату, — бесшумно проникнуть в самое сердце его поместья и унести заветные веера.

— Если я помогу тебе разгадать загадку вееров и найти «Слезу Морского Дракона»... ты позволишь мне очистить твоё имя?

Ли Вэй оторвался от текста, его взгляд утонул в мерцании ночных фонарей, висящих в его каюте. В их трепетном свете ему явственно виделся её образ — не пирата Фэн Хуан, а Сюэ Лань, чьё имя десятилетие было для него незаживающей раной.

Он понимал: просто догнать её в море — мало. Нужно было нечто большее. Предложение. Сделка. Пусть даже для этого придётся вступить в опасный альянс с теми, кого он поклялся преследовать. Но только так он мог убить сразу нескольких зайцев: вернуть реликвию, обезвредить заговор Шуйцзэ... и наконец дать прошлому ту развязку, которую оно заслуживало. Возможность исправить то, что не удалось десять лет назад, стоила некоторых компромиссов.

— Флотилия никогда не шла в лоб, — вслух прочёл Ли Вэй, проводя пальцем по пожелтевшей странице. — Корабли всегда появлялись из тумана, узких проливов или под покровом ночи.

Он задумчиво постучал по строке.

— Целая флотилия... — на его губах промелькнула

усмешка, в которой читалось не столько осуждение, сколько профессиональное признание.

Продолжая чтение рапортов, он выделил показания выживших с атакованных судов. Все, как один, упоминали высокую фигуру в плаще на кормовой надстройке флагмана «Месть Феникса». Лицо капитана скрывала маска, а приказы отдавались без единого слова — лишь глухой бой барабанов нарушал тишину перед атакой.

— Умно, Лань, очень умно, — прошептал он, и в уголках его глаз обозначились лучики восхищённой улыбки. — Теперь я понимаю, почему тебя прозвали призраком.

Дальнейшие показания оказались отрывочными и хаотичными. Ли Вэй взял кисть и стал выписывать ключевые детали на чистый лист бумаги, восстанавливая картину атаки по крупицам.

«Месть Феникса» и «Серый Призрак» возникали будто из ниоткуда. Атака начиналась без предупреждения. Первый залп тяжёлых баллист бил по парусам и рулевому, чтобы обездвижить, а не уничтожить. Цель была — парализовать и посеять панику. Пока жертва пребывала в смятении, из тумана медленно выплывал «Железный Горн». Его тяжёлый, бронированный корпус вселял особый ужас. Он сходил для абордажа вплотную. После быстрого и жестокого захвата добычи флотилия растворялась так же внезапно, как и появлялась. Они не задерживались для грабежа — брали лишь самое ценное и уходили, оставляя ошеломлённую, но

живую команду.

— Неудивительно, что все считали Капитана-призрака мужчиной, — размышлял Ли Вэй, глядя на восстановленную им схему. — Никто не видел твоего лица и не слышал твоего голоса. Кто бы мог подумать, что за столь жестокой и расчётливой тактикой скрывалась хрупкая женщина? Ты была гениальна, Лань.

Он отложил кисть, и его взгляд стал отрешённым.

— Уверен, ты использовала знания, переданные тебе отцом.

Вспомнился Сюэ Вэньхай, обожавший своих детей — Лань и Минфэя. Будучи старшей, Лань получила от отца всё, что обычно передавали бы сыну. Он учил её читать по звёздам, словно по свитку небес, и прокладывать курс. В его кабинете висели не украшения, а точные морские карты с течениями, мелями и сезонными ветрами. Он водил по ним пальцем, рассказывая дочери истории о каждом маршруте. Объяснял устройство кораблей, учил определять ценность товара и — что важнее всего — читать язык тела и скрытые намерения партнёров. Те самые уроки, что теперь позволяли ей читать море и людей с одинаковой лёгкостью.

Он откинулся на спинку кресла, его взгляд устремился в потолок каюты, будто сквозь него он видел ночное небо.

— Скоро мы с тобой встретимся, Лань, — тихо прошептал Ли Вэй, и в его голосе звучала не угроза, а обещание. Предвкушение разговора, который ждал десять лет.

С этим осознанием он выпрямился. Призраки прошлого могли подождать. Пришло время действовать. Ли Вэй с новой целеустремлённостью погрузился в изучение свитков и тетрадей, ища в них уже не просто информацию, а ключ к диалогу с женщиной, которая стала легендой.

5. Переговоры на нейтральном берегу

Фэн Хуан добралась до убежища — скромного домика у порта, где можно было на время исчезнуть. Только за толстыми стенами, в полумраке комнаты с обшарпанной мебелью, она позволила себе наконец выдохнуть. Фэн Хуан опустилась на стул у простого деревянного стола, и из груди вырвался протяжный, усталый вздох, с которым, казалось, ушло всё напряжение ночи.

— Вам нужно отдохнуть, Фэн-ван, — тихо сказал Бай Ин, ставя перед ней глиняную кружку с водой.

Она обхватила ладонями прохладный керамический сосуд и с закрытыми глазами сделала несколько долгих глотков. Лишь когда сухость во рту уступила влаге, опустила

кружку на стол.

— Спасибо, — её голос прозвучал приглушённо и устало.

В такие редкие мгновения она позволяла себе быть просто уставшей женщиной, а не грозным капитаном. Эту свою слабость она тщательно скрывала от команды. Если и случилось ей ронять маску, то лишь в четырёх стенах каюты, под защитой непроницаемых для чужих взглядов переборок.

— Пойду переоденусь и присоединюсь к Лао Хэю, — с лёгким поклоном сказал Бай Ин.

Он скользнул в соседнюю комнату, где начал быстро сбрасывать с себя театральное обличье. Исчез расшитый золотом халат Лиса, сложилась на столе шёлковая маска. Пальцы ловко распустили укладку, собрав волосы в простой хвост — так, как он носил всегда.

От элегантного образа не осталось и следа. В отражении зеркала был тот самый Бай Ин — в поношенных штанах из грубой ткани, простой рубахе и потёртом жилете. Его черты снова стали обычными и ничем не примечательными.

Он бесшумно прошмыгнул к выходу, притворил за собой дверь и оставил Фэн Хуан в полном одиночестве, наедине с её мыслями.

Фэн Хуан ещё несколько минут сидела в неподвижности, затем поднялась и направилась к ширме. Там она начала неспешно снимать с себя многослойный наряд — тот самый, что на один вечер вернул её в аристократическое прошлое. Шёлк мягко шуршал, спадая на пол. Вместо него на тело лег-

ли привычные штаны из грубой ткани, пропахшие морской солью и ветром, простая рубаша, а сверху — синий рабочий халат, перехваченный широким кожаным поясом.

Она медленно распустила сложную причёску, одну за другой вынимая шпильки. Пальцы помнили каждое движение, хоть и отвыкли от этой церемонии. Украшения она аккуратно разложила на столике, затем расчесала волосы и собрала их в простой практичный узел, закрепив его медной шпилькой — такой же, как у любой женщины из портового квартала. Сменив изящные туфли на высокие сапоги, она отодвинула их в угол.

Взгляд Фэн Хуан скользнул по сложенному платью. Всё это было опасно — как пахнувшая порохом улика. Решение пришло сразу: костюмы нужно сжечь. Но её внимание задержалось на серебряных шпильках с аметистами. Она взяла их в ладонь, ощутив прохладу металла.

— Красивые, — тихо прошептала она, глядя на игру света в камнях. — Но оставить их — всё равно что зажечь сигнальный огонь для погони.

На выдохе она отпустила украшения. Их следовало отдать первому нуждающемуся на улице. Так они принесли бы кому-то пользу, а след потерялся бы в лабиринте портовых улиц.

— Лао Хэй, — позвала Фэн Хуан, выйдя на улицу.

Её верный товарищ стоял у ограды, внимательно наблюдая за ночной улицей. Вдалеке маячила фигура Бай Ина —

Лао Хэй отправил его на разведку с парой проверенных пиратов. Пока от них не поступало тревожных вестей. В поместье Ли всё ещё продолжался праздник, который должен был завершиться на рассвете, а остальной город погрузился в сон. Именно эта непривычная тишина беспокоила Лао Хэя больше всего.

— Да, Дацзе? — повернулся он к капитану.

— Все костюмы нужно сжечь. Украшения — раздать нуждающимся в порту, — твёрдым голосом распорядилась Фэн Хуан.

— Понял, — кивнул Лао Хэй. — Дацзе, — остановил он её, когда та собралась вернуться в дом. — Следов следователя Ли нигде нет. Город спит слишком крепко. Не похоже, чтобы он просто так нас отпустил... — в его голосе слышалась напряжённая подозрительность.

— Не знаю, — тихо ответила Фэн Хуан. — Я не знаю его методов. Поэтому мы должны быть начеку и с рассветом уйти в море. — Она сделала короткую паузу. — Избавься от вещей, — повторила приказ.

— Есть, — кивнул Лао Хэй.

Он покинул свой пост и направился в дом, чтобы собрать костюмы и выполнить распоряжение капитана.

Фэн Хуан вернулась к столу, где лежали парные веера. Присев, она осторожно раскрыла их один за другим. Белый веер с вышитым фениксом и чёрный с драконом были украшены тончайшей серой вышивкой и мерцающими жемчужи-

нами. Она попыталась сложить их особым образом, чтобы поймать лунный свет, но после множества попыток ничего не вышло.

— Это сложнее, чем я предполагала, — тихо проговорила она, откладывая веера в сторону.

Достав свиток, добытый при захвате одного из кораблей, она быстро пробежалась глазами по тексту.

— Этого недостаточно... — разочарованно вздохнула она. — Лунный свет и особый угол... Но какой? Кажется, я перепробовала всё. Нужны новые подсказки.

Когда Фэн Хуан впервые услышала слухи о «Слезе Морского Дракона», она считала их просто красивой легендой. Но со временем рассказы моряков становились всё настойчивее и фантастичнее — поговаривали, будто артефакт может подчинять себе саму морскую стихию. Постепенно её скепсис уступил место любопытству, а затем и уверенности, когда в её руки попали документы из царского архива, подтверждавшие существование артефакта.

Согласно древним записям, «Слеза» не просто усмиряла волны — она позволяла владельцу влиять на погоду в радиусе многих ли. Для пиратов такая сила была невероятно заманчивой. Однако большинство морских разбойников были неграмотны, и лишь немногие капитаны могли изучать старинные манускрипты. Это породило жестокую охоту, расколовшую и без того разобщённое пиратское братство на враждующие кланы. Каждая банда жаждала заполучить артефакт,

чтобы установить господство над морем.

Для Фэн Хуан обладание артефактом означало не власть над стихиями и не господство на морских путях. Нет. «Слеза Морского Дракона» была для неё ключом. Единственным оружием, достаточно могущественным, чтобы наконец сокрушить тех, кто разрушил её жизнь — тётку Инлун и её мужа Цзи Кэдао. Это был шанс вырвать с корнем ту ложь и предательство, что десять лет отравляли её душу. Шанс превратиться из жертвы в судью.

Фэн Хуан неотрывно смотрела на веера, и чем дольше длилось это созерцание, тем настойчивее в её сознании возникал образ Ли Вэя. Прищурившись, она провела взглядом по жемчужинам, мерцавшим в лунном свете.

— Зная тебя, Вэй... ты уж наверняка не упустил шанса изучить их до мелочей. Интересно, удалось ли тебе разгадать хоть что-то? — она облизнула пересохшие губы и наконец отвела взгляд.

Её губы искривила горьковатая усмешка, а из груди вырвался короткий, безрадостный смешок. Фэн Хуан завела руки за голову и с силой тряхнула волосами, будто пытаясь стряхнуть наваждение.

— До чего же ты любишь поиздеваться, судьба...

Она поднялась из-за стола, достала специальный футляр и аккуратно убрала в него веера. Крышка закрылась на простую, но надёжную металлическую застёжку.

Оставшееся время Фэн Хуан потратила на сон, но он был

тревожным и поверхностным. Едва небо на востоке начало светлеть, в дом вернулся Лао Хэй.

— Дацзе, — тихо разбудил он Фэн Хуан. — Всё готово. Одежда сожжена, украшения розданы. Пора отплывать.

Фэн Хуан поднялась с постели и решительно пересекла комнату. Не оглядываясь, она вышла во двор и вместе со своими людьми направилась к неприметному судну, которое носило название «Тихий Ветер». Когда первые лучи солнца коснулись горизонта, корабль с тёмными, поглощающими свет парусами, созданный для скрытного перемещения, бесшумно отошёл от причала.

«Ловец Теней» стоял в полной готовности, ожидая приказа к отплытию, но Ли Вэй не спешил. Тщательно изучив все материалы о капитане-призраке, он теперь анализировал отчёты о нападениях, пытаясь вычислить если не точный маршрут, то хотя бы примерное направление, в котором могла следовать Сюэ Лань.

Однако донесения разведки о подозрительных судах в гавани оказались бесполезными. Ни один из отмеченных кораблей не вызывал серьёзных подозрений. Мысль о том, что флагман пиратов мог безнаказанно скрываться среди обычных судов, заставляла Ли Вэя сжимать кулаки от бессилия. Каждая такая неудача отдаляла его не только от долга, но и от ответов, которые он ждал целое десятилетие.

Наконец в хаосе отчётов ему удалось нащупать тонкую, но многообещающую нить — район, где дерзкие нападения

случались чаще всего. Ли Вэй сразу оценил стратегическую выгоду этого места: граница нейтральных вод, где пересекались торговые пути Цзиньлина и Шуйцзэ. Идеальная западня и идеальное укрытие. Решение созрело мгновенно.

— С якоря сниматься! — его команда чётко прозвучала над притихшей бухтой.

Небольшая, но отобранная лично Ли Вэем команда пришла в движение. «Ловец Теней» — быстроходная джонка, созданная для дальних морских походов, — плавно тронулась с места. Её узкий корпус легко рассекал неподвижную воду бухты, словно клинок разрезает шёлк. С каждым мгновением судно набирало ход, острым носом устремляясь в сторону открытого моря, где раннее утро уже заливало горизонт золотом. Вскоре силуэт корабля начал сливаться с линией моря и неба, уходя в туманную даль, навстречу неведомой, но неотвратимой встрече.

Ли Вэй позволил себе спуститься в каюту и ненадолго сомкнуть глаза — бессонная ночь давала о себе знать. Сначала маскарад и встреча, перевернувшая всё с ног на голову. Затем часы, проведённые за изучением донесений о капитане-призраке, который к его большому изумлению была Сюэ Лань. И наконец — мучительные попытки вычислить хоть какой-то намёк на её маршрут. Тело и разум отчаянно требовали передышки. Ли Вэй прилёг. Сон настиг его почти мгновенно, без сновидений, больше похожий на глубокий провал в пустоту.

«Тихий Ветер» стремительно скользил по водной глади, почти не оставляя следа. Лао Хэй, занявший пост у штурвала, твёрдо настаивал, чтобы капитан отдохнула.

— Фэн-ван, вам нужен сон, — его голос звучал не как просьба, а как разумная необходимость. — Если что-то случится, я знаю, что делать. Обещаю, побеспокоим только в крайнем случае.

Фэн Хуан собиралась возразить, но её собственная усталость оказалась сильнее. Она шумно выдохнула, смиряясь.

— Ладно, — коротко кивнула она, бросая на него испытующий взгляд, в котором, однако, мелькнула тень благодарности.

В своей каюте, под мерный скрип корабельных конструкций, она наконец почувствовала себя в безопасности — куда большей, чем в том временном убежище на суше. Прилегла на жёсткую койку, пытаясь упорядочить хаос мыслей: веера, артефакт, внезапно вернувшийся Ли Вэй... Но сознание отказалось подчиняться. Истома взяла верх, и она провалилась в глубокий, бессознательный сон, даже не заметив момента, когда это произошло.

Солнце уже пылало в зените, когда Бай Ин спустился в каюту и коротко постучал. Дверь распахнулась, и он встретился с прямым взглядом капитана.

— Фэн-ван, за кормой чужак, — выдохнул он, заметив, как у Фэн Хуан медленно поползла вверх бровь. — Имперская посудина, — добавил он, следя за её реакцией.

— Имперская, говоришь? — губы Фэн Хуан искривила усмешка. — Уже в наших водах?

— Буквально несколько ли осталось, — доложил Бай Ин. На его лице не осталось и следа от беспечного актёра с маскарада — только сосредоточенная серьёзность. Фэн Хуан мысленно отметила эту перемену, на мгновение вспомнив его в образе лисицы. Жаль, не удалось досмотреть его представление.

— Чей флаг? — на всякий случай уточнила она, хотя ответ уже зрел в голове.

— Цзиньлина, — лицо Бай Ина озарилось широкой, понимающей ухмылкой. — Готовить «гостеприимство» для следователя Ли?

— Сигналь своим, — скомандовала Фэн Хуан. — Он один?

— Да. Странно, а? — Бай Ин недоумённо покачал головой.

— Странно... — протянула Фэн Хуан, глядя в пустоту.

Она с силой хлопнула ладонью по косяку и резко захлопнула дверь. Теперь нужно было готовиться к встрече. Фэн Хуан надела кожаную маску, скрывавшую нижнюю часть лица, а сверху набросила шляпу с широкими полями. Так она чувствовала себя в безопасности — в этом мире, где сила и право на жестокость принадлежали мужчинам, анонимность была её главным оружием.

«Ловец Теней» шёл на всех парусах, когда на горизонте

появилась тёмная точка. Вахтенный на корме, всматриваясь в подозрную трубу, аккуратно подстроил линзу для чёткости изображения.

— Паруса по носу! — разнёсся его голос по палубе. — Похоже на пиратский корабль!

— Прибавить парусов! — скомандовал Ли Вэй, направляясь к корме уверенным шагом. Подойдя к матросу, он жестом потребовал подозрную трубу.

Прильнув к окуляру, Ли Вэй поймал в поле зрения фигуру в синем халате. Капитан стоял, скрестив руки на груди. Да, маска и шляпа скрывали лицо, но он узнал ее. Уголки его губ дрогнули в едва заметной усмешке.

— Как только сойдёмся на расстояние выстрела — убрать верхние паруса, — раздалась его следующая команда, отданная твёрдым, привыкшим к повиновению голосом.

Ли Вэй с холодной ясностью наблюдал за разворачивающейся на воде стратегией. Его аналитический ум, отточенный годами расследований, безошибочно классифицировал каждого нового противника.

Вот появился лёгкий, вёрткий корабль — «Тень Ворона». Построен для разведки и дерзких вылазок, решил Ли Вэй. Идеальный инструмент для удара и бегства.

Затем медленно выползла тяжёлая, неповоротливая громадина — «Железный Горн». Плавающая крепость, чья задача — сокрушать и подавлять. Ли Вэй усмехнулся — ударное ядро флотилии налицо.

Третий, корабль средних размеров с бронированным тараном на носу — «Серый Призрак». Универсальный солдат, способный и драться в строю, и проламывать борт врагу.

И, наконец, их первоначальная цель — тот самый «Тихий Ветер», что сейчас казался блеклым призраком даже при дневном свете. Его тёмные, матовые паруса почти сливались со свинцовой гладью воды. Но флагмана среди них не было. «Месть Феникса» не показывалась.

— Господин Ли! — Голос помощника, срывающийся от напряжения, прорезал воздух. — Нас берут в кольцо!

Ли Вэй не отводил взгляда от «Тихого Ветра», будто пытаясь пронзить его обшивку взглядом.

— Пускай, — его собственный голос прозвучал спокойно и глубоко, словно он комментировал погоду, а не неминуемое окружение.

— Но, господин... — начал кто-то ещё, но тут же замолчал под тяжёлым взглядом начальника.

— Замедлить ход! — чётко скомандовал Ли Вэй. — И поднять сигнал о переговорах. Белый флаг. Я хочу поговорить с тем, кто командует этим призраком.

Никто не посмел перечить. Приказ прозвучал с той ледяной убеждённойостью, что не оставляла места для споров. Едва «Ловец Теней» сбавил ход, один из матросов взбежал на корму и резким взмахом взметнул вверх белое полотнище, трепетавшее на ветру.

Этот сигнал не ускользнул от внимания Фэн Хуан. Её ост-

рый взгляд, привыкший выхватывать малейшее движение на горизонте, тут же отметил белый флаг на фоне тёмного корпуса джонки. Рядом, не отрываясь от длинной подзорной трубы, стоял Лао Хэй. Он медленно водил ею по палубе вражеского корабля, выискивая скрытую абордажную команду, засаду, любое свидетельство обмана. Но то, что он увидел, заставило его нахмурить свои густые брови. Палуба «Ловца Теней» была пустынна. Слишком пустынна для корабля его класса. Не было видно привычной суеты матросов, лишь небольшая команда, да пара личных помощников следователя Ли в тёмных одеждах, чьи лица были напряжены и непроницаемы. На высокой корме, у самого штурвала, замерли несколько лучников. Их луки были натянуты, но стрелы смотрели пока в небо — жест скорее предупреждающий, чем готовый к убийству. Экипаж выглядел не как боевая команда, а как минимальный штаб, собранный для одной конкретной цели.

Он опустил трубу. Его тяжёлый, испытующий взгляд упал на Фэн Хуан. Лао Хэй коротко, почти незаметно кивнул — чисто.

Этого было достаточно. Не говоря ни слова, Фэн Хуан резким жестом отдала приказ сигнальщику. Тот взмахнул разноцветными флажками, и вскоре их ответ замерцал в морском воздухе, обращённый к имперскому кораблю: «Переговоры. Безымянный остров. К северо-востоку».

Небольшой, безымянный островок был всего лишь оскол-

ком выветренной скалы, увенчанным колючим кустарником и чахлыми, изогнутыми ветром деревьями. К уединённой бухте, служившей местом встречи, «Ловец Теней» подойти не мог — Ли Вэя и двух его помощников, Чжу и Яня, доставила на берег вёсельная лодка с молчаливыми гребцами.

6. Две монограммы на одном свитке

Ли Вэй ступил на влажный песок и, не оглядываясь, двинулся вперёд твёрдым, размеренным шагом. За ним, словно две неотступные тени, следовали Чжу и Янь. На переговоры имперский следователь явился без оружия. Этот жест был одновременно и демонстрацией уверенности, и тонким вызовом.

Фэн Хуан уже ждала его в двадцати шагах от берега. За её спиной возвышался Лао Хэй, а по бокам замерли двое других пиратов, сжимающие рукояти своих дао. Но вооружённость свиты ничуть не смутила Ли Вэя. Его взгляд, холодный и отточенный, был прикован к Сюэ Лань. Она стояла в своей широкополой шляпе, но маски на её лице уже не было. И

теперь она смотрела на него прямо — её взгляд был тяжёл и непроницаем, полный вызова.

— Капитан Фэн, — голос Ли Вэя был ровным и веским. Он совершил едва уловимый, но безупречно вежливый кивок. Его взгляд, тяжёлый и пристальный, был устремлён на женщину перед ним. И в глубине души он с холодной ясностью признал: Сюэ Лань, хрупкая орхидея его юности, исчезла безвозвратно. Та, что стояла сейчас перед ним, была выкована из стали и воли. Фэн Хуан было не просто прозвищем — это было её настоящее имя теперь.

— Следователь Ли, — парировала она, и её голос, низкий и уверенный, разрезал воздух. Глаза, холодные и оценивающие, скользнули по его фигуре. — Я вижу, вы решили явиться на переговоры, пренебрегая даже видимостью оружия.

Лёгкий, почти невесомый кивок был исполнен ледяной учтивости, зеркала его собственную.

— Как видите, — отозвался Ли Вэй, и уголки его глаз дрогнули в мимолётной, почти невидимой усмешке.

— Опрометчиво, — бросила Фэн Хуан с откровенным, режущим сарказмом.

— Я уверен, оно мне не понадобится, — парировал он, не меняя тона.

Она фыркнула — громко, демонстративно, давая ему понять, насколько наивной считает его уверенность. Солёный ветер растрепал прядь её волос, выбившуюся из строгой причёски.

— Вот как? — её бровь язвительно поползла вверх. — И что же вселяет в вас такую непоколебимую веру?

Он выдержал паузу, позволив напряжению нарасти. Затем медленно и подчёркнуто склонил голову набок, прищурившись от слепящего солнца.

— Я хочу предложить вам сделку.

Фэн Хуан ответила не сразу. Её пронзительный взгляд впился в Ли Вэя, словно она пыталась проникнуть за неприступную крепость его глаз и прочесть каждую тайную мысль. Но она встретила со взглядом, отточенным годами судебных процессов и допросов, — взглядом, что умел быть абсолютно пустым, когда это было нужно.

— И какую же? — наконец спросила она, и в её голосе прозвучала осторожная сталь. Всё её существо напряглось в предчувствии; казалось, она уже знала, что сейчас услышит. Её руки скрестились на груди в защитной, выжидающей позе.

Ли Вэй, казалось, намеренно испытывал её выдержку. Он на мгновение опустил взгляд, разорвав зрительный контакт, и на его губах дрогнула сдержанная, почти неуловимая улыбка. Внутри у него всё замерло — то самое знакомое чувство, когда стоишь на краю и должен сделать решающий шаг в бездну. Он глубоко вдохнул и вновь поднял на неё взгляд — уверенный и непоколебимый.

— У вас наверняка возникли проблемы с расшифровкой вееров? — его голос прозвучал твёрдо и ровно, словно он

был свидетелем всех её тщетных попыток разгадать их тайну.

— С чего ты взял? — Фэн Хуан резко перешла на «ты», отбросив формальности, как ненужный хлам.

Уголки губ Ли Вэя вновь дрогнули в той же сдержанной, отточенной годами улыбке. Эта манера — сохранять маску учтивости, когда между ними клубилась густая пелена невысказанного, — действовала ей на нервы.

— Я помогу тебе расшифровать карту, скрытую в веерах, и заполучить «Слезу Морского Дракона», — произнёс он чётко, без тени сомнения или дрожи в голосе.

Его острый взгляд был прикован к Фэн Хуан, которая внешне оставалась невозмутимой. Но резкий, короткий выдох, последовавший за задержкой дыхания, не укрылся от его внимания.

Внутри у неё всё сжалось. Она прокрутила в голове десятки возможных сценариев этой встречи, но такое предложение стояло далеко не на первом месте. Резко выдохнув, она продолжила смотреть на него прямо.

— Не за просто так, — сдержанно констатировала Фэн Хуан. — Что ты хочешь взамен?

Сам вопрос был признанием: да, у неё были проблемы, а у него — доступ к архивам и знаниям, которых ей не хватало. Упустить такой шанс она не могла.

— Ты сможешь мне ликвидировать угрозу со стороны царства Шуйцзэ. И... — Ли Вэй сделал намеренную паузу.

Он не просто прервал речь, а шагнул вперёд в тишине. Ли Вэй едва заметно качнул головой.

Фэн Хуан сжала губы, прочитав этот безмолвный знак. Она резко подняла руку, согнутую в локте, — приказ своим людям оставаться на месте. Её шаги были быстрыми и решительными. Она остановилась перед ним на расстоянии вытянутой руки, но Ли Вэй сократил его ещё на два шага, так что между ними осталось лишь несколько дюймов.

— И? — дёрнув бровью, осведомилась она, её голос прозвучал тише, но острее.

— И ты расскажешь мне всё, что случилось с тобой после смерти твоих родителей. Без единой лжи, Фэн-ван, — произнёс он с холодной, неумолимой учтивостью. — И ты позволишь мне очистить твоё имя.

Затем, беззвучно, лишь шевельнув губами, он добавил одно-единственное слово, прозвучавшее как выстрел в тишине: «Лань».

Фэн Хуан не отвела взгляда. Не дрогнул ни один мускул на её лице, даже ресницы не шевельнулись. Лишь челюсти сжались на долю секунды чуть сильнее, чем того требовала простая сдержанность. Затем по её губам скользнула лёгкая, почти невесомая улыбка.

— Не зря ты дослужился до следователя по особым поручениям. Вижу, слухи о твоей проницательности не преувеличены.

Ли Вэй усмехнулся в ответ, приняв её слова за скрытый

КОМПЛИМЕНТ.

— Я буду готов ступить на борт твоего корабля, — заявил он, опережая возможные возражения.

— И не боишься? — Фэн Хуан слегка приподняла подбородок, и в её глазах вспыхнул холодный, испытующий огонёк.

— Уверен, это было бы одним из твоих условий, — парировал он без тени сомнения.

В следующее мгновение Ли Вэй протянул левую руку для рукопожатия — старый пиратский жест, скрепляющий договорённости. Среди морских волков его называли «рукопожатием от сердца». Подавая левую руку, пират на мгновение обезоруживал себя, буквально вкладывая своё сердце в ладонь другого. Это был миг хрупкого доверия, рождённого не из дружбы, а из взаимной выгоды и уважения к неписаным законам моря.

Фэн Хуан на мгновение задержала взгляд на его раскрытой ладони, а затем так же протянула свою. Их руки сомкнулись в крепком, властном рукопожатии.

— Окончательные условия договора обсудим и подпишем на моём корабле, — безапелляционно добавила Фэн Хуан, разжимая пальцы.

Ли Вэй не стал спорить. Он лишь коротко, по-деловому кивнул, принимая новые правила игры.

Когда Ли Вэй вернулся на борт «Ловца Теней», его приказы были кратки и неоспоримы: «Готовиться к отплытию».

На немые вопросы команды он ответил лишь резким взмахом руки — обсуждению не подлежит. Спустившись в каюту, он обнаружил там своих помощников — Чжу и Яня.

— Господин Ли, — начал Янь, тщательно подбирая слова. — Простите нашу дерзость, но... вы уверены в этом союзе? Доверять пиратам...

— Да, — тут же поддержал Чжу. — Это опасный шаг.

Ли Вэй медленно опустился за стол. В углах его губ заплясали тени улыбки.

— Здесь мы говорим без чинов, — твёрдо произнёс он. — Вы сомневаетесь в моём решении?

Он видел их опасения. Пираты — ненадёжные союзники, и даже скреплённый печатью договор для них — просто бумага. Он верил в Сюэ Лань, но перед ним была Фэн Хуан — женщина, которую жизнь закалила сталью. И всё же в глубине души теплилась надежда, что честность, когда-то жившая в ней, не угасла полностью.

Две пары глаз были прикованы к Ли Вэю. Чжу и Янь синхронно кивнули — они были убеждены, что стоит следовательно повернуться спиной к пиратам, как клинок Фэн Хуан найдёт его спину.

Ли Вэй громко усмехнулся, и его лицо озарила широкая, почти вызывающая ухмылка.

— Риск? Безусловно. Но я отдаю себе отчёт в каждом своём шаге, — его слова прозвучали чётко, без тени сомнения. — И скажите, разве приведение сюда всего флота Цзиньлина

было бы меньшим безрассудством? — Он приподнял брови, окидывая помощников изучающим взглядом. — Чтобы вести эскадру в чужих водах, нужно знать каждую подводную скалу, каждое течение. Эти проливы — не карта в императорском зале, а лабиринт, в котором корабли могут бесследно исчезнуть.

Он упёрся ладонями в стол и наклонился вперёд, его голос приобрёл металлический оттенок:

— И ещё... наша сделка взаимовыгодна. Капитан Фэн — не обычная морская волчица, вы и сами это поняли. — Брови Ли Вэя взметнулись вверх, а взгляд застыл, будто пригвождая собеседников. — А теперь слушайте внимательно. С этого момента я даю вам выбор. Вы можете остаться со мной, когда мне придётся ступить на борт «Мести Феникса», — он сделал паузу, давая словам проникнуть в сознание, — или вы останетесь в Линьхае. Решайте.

Чжу отреагировал первым. Он прослужил с Ли Вэем дольше Яня и за эти годы успел изучить все извилины мышления своего начальника. Он видел, как тот выходил победителем из ситуаций, где любой другой уже давно сложил бы кости на дне морском. Да, Вэй мог ошибаться, мог идти на неоправданный риск, но за каждым его безумным шагом всегда стояла холодная логика. Не будь он столь эффективен, разве позволили бы ему подняться так высоко?

— И оставить тебя одного в пасти у этих морских псов? — Чжу с силой ударил кулаком по столу, и в его голосе зазвуч-

чала стальная решимость. — Ни за что! Куда ты — туда и я.

Ли Вэй едва заметно кивнул в знак благодарности, и его пронзительный взгляд устремился на Яня. Тот молчал, погружённый в тяжёлые раздумья.

Янь служил под началом Ли Вэя не так долго, как Чжу, и многие решения старшего следователя вызывали у него сомнения. Но эта сделка с пиратами... она переходила все границы. Как можно было заключать союз с теми, кого сам же закон объявлял вне закона? Чёрное стало белым, враг — союзником.

Молодой идеалист пока не понимал, что за фасадом имперского порядка скрывалась сложная игра. Пираты были не просто «морскими псами» — они были стихией, которую нельзя было уничтожить, но можно было попытаться обуздать. И иногда для этого приходилось пачкать руки, вступая во временные, шаткие альянсы.

— Простите, господин Ли, — голос Яня дрогнул, но взгляд он старался удержать твёрдым. — Я... я не могу принять этого. Позвольте мне остаться в Линьхае.

Он замер, ожидая реакции, готовый к гневу или упрёкам. Но Ли Вэй лишь медленно кивнул, и в его глазах читалось не разочарование, а скорее понимание.

— Так тому и быть, — тихо, но твёрдо произнёс Ли Вэй.

Фэн Хуан стояла у борта своего флагмана, ритмично постукивая пальцами по потемневшему от солёных брызг дереву. Её взгляд был прикован к лодке, рассекавшей воду у

подножия высокого корпуса «Мести Феникса». Она только что доставила Ли Вэя обратно на «Ловец Теней» — договор был скреплён печатями, и теперь каждый возвращался на свой корабль. Основная часть переговоров завершилась здесь, на её территории.

Пока Фэн Хуан провожала взглядом удаляющуюся лодку, в её сознании чётко всплыла картина их прибытия на флагман после переговоров на острове. Она вспомнила, как первой взошла на палубу — спина прямая, шаг твёрдый. За ней, как тень, поднялся Лао Хэй, всегда прикрывавший тыл капитана. Затем появился Ли Вэй, а за ним — двое пиратов с обнажёнными дао наготове.

Фэн Хуан развернулась к трапу в тот момент, когда над сходней показалась фигура следователя. Он поднимался неспешно, с отстранённым видом, держа руки за спиной, будто это он был хозяином на этом корабле, а не она. Его взгляд, когда он ступил на палубу, был твёрдым и бесстрашным. Фэн Хуан мысленно отметила его выдержку: явиться одному, без охраны, на пиратский флагман, зная, что любая из этих бородатых глоток могла по приказу пронзить его сталью... а он даже бровью не повёл. Не озирался, не искал путей к отступлению — он просто шёл, глядя только на неё.

Их переговоры о договоре были стремительными и лишёнными всяких излишеств. Ли Вэй излагал свои позиции чётко и лаконично, Фэн Хуан отвечала ему в том же духе. Их диалог напоминал напряжённую шахматную партию, где

каждый продумывал ходы далеко вперёд, стараясь предугадать намерения оппонента.

Когда наконец был достигнут консенсус, все взаимные обязательства и условия были скрупулёзно зафиксированы на двух свитках. Оставался последний штрих — скрепление соглашения подписями.

Фэн Хуан вспомнила, как уголки губ Ли Вэя дрогнули в лёгкой, почти неуловимой улыбке.

— Предлагаю заверить это не просто отпечатком пальца, а личной монограммой, — произнёс он. — Для документа такой важности этого будет достойнее.

Фэн Хуан в ответ лишь усмехнулась, склонившись над свитком. Однако затем её пальцы уверенно обхватили кисть. Обмакнув её в тушь, она вывела внизу документа сложный, витиеватый знак — родовую монограмму клана Сюэ, которую не использовала десять лет. Рядом с её подписью Ли Вэй с той же торжественностью нанёс свой собственный клановый символ. Две монограммы легли рядом на бумаге, связав их прочными узлами договора.

— Какие будут приказания, капитан? — голос одного из пиратов вернул Фэн Хуан к действительности.

Она медленно перевела взгляд на «Ловец Теней», который уже разворачивал паруса, готовясь к отплытию.

— Курс на базу! — её голос прозвучал чётко и властно, когда она оттолкнулась от поручней. — К «Лагуне Разбитого Копья»!

Барабанная дробь, пронёсшаяся по палубе, тут же подхваченная сигнальщиками соседних кораблей, возвестила всю флотилию о новом курсе.

Фэн Хуан направилась к кормовой надстройке, мысленно подсчитывая время. У неё был месяц до следующей встречи с Ли Вэем. По их договорённости она должна была прибыть в Линьхай за три дня до полнолуния — к тому моменту следователь обещал вернуться из столицы.

На её вопрос «Почему именно полнолуние?» он ответил кратко и загадочно:

— Это первый ключ к прочтению карты.

Ли Вэй обязался доставить из императорских архивов документы, недоступные для неё. Даже при всём её желании, проникнуть в святая святых Цзиньлина — Луньгань — было невозможно. Столица располагалась в глубине континента — семь дней пути от моря. Да, через неё текла полноводная река, но для пирата это было не море, а лишь бледная тень родной стихии. Он чувствовал себя как рыба, выброшенная не на песок, а в чужой, пресный пруд, где всё было не так: ни запаха, ни размаха, ни свободы.

Фэн Хуан приняла ещё одно условие Ли Вэя — хоть и неохотно, но согласилась. По прибытии в Линьхай ей и её людям предстояло разместиться в специально подготовленном павильоне его поместья.

— Ради безопасности, — усмехнулась она про себя, стоя на кормовой надстройке. — Что ж, несколько дней под твоей

крышей — ничто по сравнению с неделями, что тебе предстоит провести на моём корабле, вдали от столичной роскоши.

«Месть Феникса» плавно разворачивалась, набирая ход. Фэн Хуан в последний раз бросила взгляд на удаляющийся корабль следователя.

— До встречи, Ли Вэй, — тихо прошептала она, прежде чем твёрдо устремить взгляд вперёд — к тайному морскому пути, что вёл в её убежище, сокрытое от чужих глаз.

7. Игра с огнём

Перед отъездом в Луньгань Ли Вэй вызвал к себе управляющего поместьем. Чжи Сю выслушал распоряжения хозяина с привычным вниманием, лишь слегка приподняв бровь, когда услышал о приготовлении гостевого павильона «Спящего Аиста» для некой госпожи Фэн и её свиты.

— Проследите, чтобы всё было готово к её прибытию за три дня до полнолуния, — сказал Ли Вэй, и в его голосе прозвучала та самая нотка, которая не допускала возражений.

Чжи Сю задал несколько вежливых, но точных вопросов относительно предпочтений в убранстве, провизии и охраны. Ответы хозяина были краткими и однозначными. Особое внимание Ли Вэй уделил тому, что визит должен остаться в тайне.

— Разумеется, господин Ли, — склонился управляющий.
— Всё будет исполнено в точности, как вы изволили повелевать.

Чжи Сю служил в поместье ещё при отце Ли Вэя и досконально изучил характер молодого господина. Он видел, как тот превращался из идеалистичного юноши в расчётливого чиновника, и знал: когда Ли Вэй говорил таким тоном, каждое его слово было продумано и имело свой вес. Будь то приём сановников или тайное размещение загадочной гостьи — управляющий действовал с одинаковой безупречной эффективностью.

— Когда ожидать вашего возвращения, господин? — почтительно осведомился Чжи Сю, когда Ли Вэй уже занимал место в экипаже.

— Через месяц, — последовал лаконичный ответ, и дверца захлопнулась.

Управляющий мысленно отметил: ровно к следующему полнолунию. Именно тогда, согласно распоряжениям хозяйна, должна прибыть и таинственная госпожа Фэн. Чжи Сю склонился в глубоком поклоне — жест, означавший и понимание, и безоговорочную готовность исполнить всё в точности.

Лёгкий экипаж, запряжённый парой статных коней, плавно тронулся с места, быстро набирая ход. Вскоре он скрылся из виду, увозя Ли Вэя в Луньгань, где предстояли переговоры с императором и кропотливый поиск в древних архивах.

Ли Вэй рассчитывал достичь столицы за семь дней — срок жёсткий, почти невыполнимый для обычного путника. Поэтому кучер получил чёткое указание: двигаться вперёд, невзирая на дожди и ветра.

Короткие остановки предусматривались лишь на почтовых станциях, где можно было вдохнуть запах горячей похлёбки, сменить взмыленных лошадей и на несколько минут преклонить голову, прежде чем снова бросаться в дорожную пыль. Даже ночью экипаж не останавливался надолго — только чтобы дать коням передохнуть и снова впрячь свежую упряжку.

Ли Вэй оторвался от бумаг и взглянул в окно повозки. Снаружи мелькали размытые силуэты деревьев, сливавшиеся в сплошную серо-зелёную полосу. Стояла дождливая погода, и влажный воздух проникал даже сквозь щели экипажа.

Но его взгляд был обращён не на пейзаж — он смотрел сквозь него, вглубь собственных мыслей, где образ Сюэ Лань тесно переплетался с грузом предстоящей миссии.

Неожиданно он провёл рукой по внутреннему карману дорожного плаща и извлёк небольшой свёрток — белый шёлковый платок, аккуратно сложенный в несколько раз. Развернув его, он увидел изящную вышивку: две золотые рыбки, плывущие навстречу друг другу среди стилизованных волн.

Уголки его губ дрогнули в едва заметной улыбке, а взгляд смягчился. Это был подарок от Сюэ Лань, вручённый ею в день помолвки. Он снова ощутил тот весенний воздух, на-

полненный ароматом цветущих слив, и её счастливый смех, когда она передавала ему этот платок — символ их будущего единения.

Ли Вэй медленно провёл пальцем по вышитым рыбкам, ощущая подушечкой каждый стежок. Этот платок хранил память о другом времени, о другой жизни — той, где он был помолвлен с Сюэ Лань, а не связан холодным браком с Ван Шуан.

Теперь Сюэ Лань стала Фэн Хуан — капитаном пиратов, а его собственный брак был лишь политической сделкой, лишённой тепла. Он сомкнул веки, и в темноте перед ним чётко встал образ женщины с твёрдым взглядом, в котором лишь изредка мелькали отголоски прежней Лань.

— Никак не могу забыть тебя, Лань, — тихо пробормотал он под стук колёс. — Хотя ты теперь Фэн Хуан, а я связан узами с другой... Посмотрим, что из этого получится... — На его губах появилась лёгкая, грустная улыбка, в которой смешались сомнение и слабая надежда.

Луныгань встретил Ли Вэя ясным небом и палящим солнцем. Пыльный дорожный экипаж остановился у ворот его столичной резиденции. Следующим пунктом был императорский дворец, но прежде предстояло смыть с себя дорожную пыль и облачиться в парадные одежды.

Едва Ли Вэй завершил омовение и начал повязывать официальный пояс с нефритовой подвеской, в покоях появился слуга. Склонившись в почтительном поклоне, он доложил:

— Госпожа Шуан изволит просить супруга о встрече.

Ли Вэй замер на мгновение, почувствовав знакомое напряжение. Отказать супруге в её положении он не мог — хотя беременность Шуан была ещё в первых месяцах, утренняя тошнота и слабость не отпускали её.

Он ловко затянул пояс с нефритовой подвеской, бросил беглый взгляд на своё отражение в лакированном зеркале и ровно произнёс:

— Передай госпоже, что я буду ждать её в крытой галерее у сада.

Слуга склонился в безмолвном поклоне и удалился. Ли Вэй же отдал распоряжение служанкам приготовить тёплый чай и лёгкие закуски. Ему доложили, что Шуан уже несколько дней не выходит из покоев из-за недомогания, и он счёл, что крытая галерея — идеальный компромисс: она защищала от случайного ветра, но позволяла насладиться свежим воздухом и видом на сад, не подвергая здоровье супруги лишнему риску.

Шуан, одетая в простое, но дорогое платье из голубого шёлка, сидела в кресле, прислонившись к подушкам. Её лицо, обычно безупречное, было бледным, с лёгкой тенью под глазами. Пальцы, тонкие и бледные, поглаживали живот. Несмотря на дискомфорт, осанка её оставалась безупречно прямой — с детства привитая привычка держать себя с достоинством.

Шуан подняла на Ли Вэя взгляд, когда он занял место на-

против. Её лицо, бледное от недомогания, оставалось невозмутимым, а в глазах, ясных и спокойных, не читалось ничего, кроме холодной учтивости.

— Благодарю, что нашёл время, — её голос прозвучал ровно, без единой эмоциональной ноты.

— Как твоё самочувствие? — спросил Ли Вэй, соблюдая формальности. Он жестом остановил служанку и сам налил чай в фарфоровую чашку Шуан, затем в свою.

— Утренняя слабость постепенно отступает. Лекарь говорит, что всё идёт как положено.

— Это радует.

Наступила непродолжительная пауза, которую заполнил лишь шелест листвы в саду. Ли Вэй отпил глоток ароматного чая и взял одно из изящных печений с подноса.

— Мне придётся отбыть через две недели, — сообщил он; его тон оставался бесстрастным и деловым. — В Линь-хае вновь участились пиратские набеги. Таков императорский приказ.

Шуан медленно кивнула. Её взгляд скользнул по краю чашки, затем поднялся на Ли Вэя. Она не испытывала к мужу любви, хотя и признавала, что он красив и статен. Ли Вэй всегда был с ней обходителен, пытался когда-то разделить с ней досуг, но так и не сумел растопить лёд в её сердце. Его попытки встречали лишь вежливую, но непреодолимую стену отчуждения.

— Надолго? — спросила она, как подобало супруге.

— Сроки возвращения не определены. Всё будет зависеть от развития событий на побережье.

— Я понимаю, — Шуан аккуратно сложила руки на коленях. — Будь осмотрителен.

— Позаботься о себе, — ответил он, поднимаясь. — Лекари будут регулярно сообщать мне о твоём состоянии.

— Благодарю.

Он склонил голову в неглубоком, церемонном поклоне — ровно настолько, сколько требовали приличия, — и удалился. Шуан ещё долго сидела неподвижно, глядя в пустоту, прежде чем медленно поднести к губам чашку с уже остывшим чаем.

Ли Вэй достиг императорской резиденции во второй половине дня. Соскочив с коня у величественных ворот дворца, он твёрдым шагом направился к страже. Ловким движением он отстегнул с пояса нефритовую табличку с выгравированным именем, должностью и уровнем доступа.

Старший стражник, приняв табличку, скрупулёзно изучил рельефные знаки, хотя прекрасно знал Ли Вэя в лицо. Церемония проверки была неизменным ритуалом, пренебречь которым не смел никто.

— Пропустить! — наконец раздалась команда.

Массивные ворота с глухим скрипом приоткрылись ровно настолько, чтобы пропустить одного человека. К Ли Вэю тут же пристроился молчаливый офицер сопровождения. Стражи, сложив руки в традиционном приветствии, склонились

в почтительном поклоне.

— Следователь Ли, прошу следовать за мной.

Ли Вэй ответил кратким кивком и переступил порог. За его спиной ворота бесшумно сомкнулись, отделяя шумный внешний мир от безмолвной торжественности императорского дворца.

Солнце уже склонялось к западу, отмечая третий час дня, и Ли Вэй знал, что в этот час император Цзянь-цзун обычно уединялся в личном кабинете, посвящая время работе с документами. Приёмная для докладов чиновников уже завершилась, но дело, с которым прибыл Ли Вэй, не терпело отлагательств. Сам император направил его в Линьхай для борьбы с пиратской угрозой и ожидал вестей. Поскольку за всё время следователь не отправил ни одного письменного донесения, его личный отчёт наверняка будет принят.

Провожатый-евнух, за которым следовал Ли Вэй, остановился у Врат Золотого Заката — массивных створов из тёмного дерева с инкрустацией из золота и перламутра. За ними открывался Внутренний двор — мир, скрытый от посторонних глаз. Пространство здесь было выдержано в духе строгой гармонии: вымощенные светлым камнем дорожки, вековые сосны, склонившиеся над искусственным ручьём, и идеально подстриженные кусты. Воздух был напоён тонким ароматом цветущих османтусов.

Именно здесь, в самом сердце запретной зоны, располагался Зал Глубинной Мысли — низкое изящное здание с

изогнутой черепичной крышей. Его стены, окрашенные в тёмно-красный цвет, казались поглощающими свет, а резные оконные решётки отбрасывали на пол замысловатые тени. Перед входом, застыв в безупречной стойке, стояли двое стражей в лакированных доспехах — последний рубеж перед императорским кабинетом.

Евнух, скользя бесшумными шагами, приблизился к возвышению и склонился в глубоком придворном поклоне.

— Сын Неба, да продлятся ваши осени и лета вдесятеро! — его голос прозвучал приглушённо в тишине кабинета. — Осмеливаюсь прервать ваше высочайшее сосредоточение.

— Говори, — не отрываясь от развёрнутого на столе свитка, произнёс император Цзянь-цзун.

— У врат Чертога ожидает следователь по особым поручениям Ли Вэй. Он только что прибыл из Линьхая и просит о безотлагательной аудиенции. Он ведаёт о приливах и отливах пиратской угрозы.

Император медленно отложил кисть. Его лицо, обрамлённое сединой у висков, оставалось невозмутимым, но в глазах вспыхнул острый интерес. Цзянь-цзун откинулся на спинку трона из тёмного сандала, украшенного резными драконами.

— Пусть войдёт, — прозвучало властно.

Тем временем Ли Вэй стоял в знакомой ему прихожей Чертога Глубинной Мысли. Его взгляд скользнул по лакированным панелям стен, свиткам в чёрных лаковых шкатулках и матовому блеску бронзовых курильниц — он бывал здесь

не раз, но каждый раз эта комната, где решались судьбы царства, вызывала в нём смесь почтительного трепета и собранности. Услышав разрешение, он выпрямил спину, готовый к докладу.

— Проходите, господин Ли, — тихо произнёс евнух, отступая в тень.

Ли Вэй пересёк порог зала ровной, размеренной походкой. Его спина была прямой, но взгляд скользил по полированному полу — смотреть прямо на Сына Неба было немыслимой дерзостью. Он ощущал на себе тяжёлый, изучающий взгляд императора, но головы не поднял. Остановившись на положенном расстоянии, он совершил три церемониальных поклона, касаясь лбом холодного камня.

— Итак, Ли Вэй. Говори. И можешь смотреть Нам в лицо, — голос Цзянь-цзуна прозвучал властно, нарушая тишину зала. — Твои глаза нужны Нам, чтобы видеть правду.

Эта милость была исключительной и требовала осторожности. Ли Вэй сделал глубокий вдох, прежде чем поднять взгляд. Сколько бы раз он ни докладывал императору, тот всегда внушал благоговейный трепет — не только своим положением, но и той безжалостной решимостью, что читалась в его глазах. Ли Вэй слишком хорошо знал, чем заканчивалось неповиновение.

— Усилившиеся нападения пиратов связаны со слухами, что распространились среди морских разбойников, — начал Ли Вэй, тщательно подбирая слова. — Речь идёт о древнем

артефакте, известном как «Слеза Морского Дракона».

Он мельком взглянул на императора, но почти сразу опустил глаза — непрерывный зрительный контакт был бы нарушением этикета.

— Ваше Величество, в своей мудрости, ведаёт, что артефакт сокрыт от мира. Чтобы его обрести, необходима карта, запечатлённая на парных веерах. Слухи гласят, что они находятся в Линьхае, чем и объясняется учащение пиратских налётов.

Ли Вэй умолк, уловив в глазах императора проблеск интереса.

— Продолжай, — коротко приказал Цзянь-цзун.

— Уверен, слухи возникли не на пустом месте. Легенда о «Слезе» столетиями пребывала в забвении, но ныне её целенаправленно возродили. Каждое нападение пиратов на наши суда подрывает торговлю, лишает казну доходов и подрывает доверие купцов. Такой удар выгоден лишь одной стороне...

Ли Вэй вновь ненадолго опустил взгляд, соблюдая правила приличия, а затем, подняв глаза, твёрдо и отчётливо произнёс:

— ...царству Шуйцзэ.

Цзянь-цзун едва заметно усмехнулся. Он медленно потёр пальцы друг о друга, не отрывая взгляда от Ли Вэя. В словах следователя была железная логика. Царство Шуйцзэ действительно было главным морским соперником Цзиньлина. Борьба за торговые пути длилась не одно десятилетие, но по-

сле гибели семьи Сюэ позиции Цзиньлина серьёзно пошатнулись.

Император мысленно провёл параллель. Сюэ Вэньхай, глава погибшего клана, не просто контролировал «Нефритовый Путь» — самый прибыльный морской маршрут на Южные острова. Он был «Тенью Императора на Море». Его корабли везли не только шёлк и фарфор, но и ценнейшие разведданные: о настроениях при дворах соседних царств, о передвижениях флотов Шуйцзэ, о планах пиратских кланов.

Цзи Кэдао и Инлун, унаследовавшие состояние Сюэ, не смогли удержать ни морское влияние, ни аристократические связи. Им не хватало авторитета покойного Сюэ Вэньхай, и император не мог на них положиться.

— Я вижу, следовательно, у тебя уже есть готовое решение, — медленно проговорил Цзянь-цзун, и в уголках его глаз заплясали лучики заговорщицкой улыбки. — Излагай.

— Карта действительно существует, — твёрдо произнёс Ли Вэй. — Но её необходимо расшифровать. Для этого требуется доступ к свиткам в Императорском архиве.

Сердце Ли Вэя бешено заколотилось. Самое главное он ещё не сказал. Сделав паузу, он собрался с духом.

— Доступ к архивам будет предоставлен, — кивнул Цзянь-цзун.

— Но это ещё не всё, Ваше Величество. — Ли Вэй сложил руки в церемониальном жесте и склонился в почтительном поклоне. Выпрямившись, он встретился с императором

взглядом. — Чтобы вернуть утраченные позиции на море и ослабить Шуйцзэ, у меня есть план. Но он... чрезвычайно дерзок.

— Я тебя знаю, Ли Вэй, — император усмехнулся. — Говори.

— Необходимо заключить временный союз с капитаном-призраком, — выдохнул Ли Вэй, чувствуя, как холодеют ладони. — Наш флот не может одновременно противостоять и пиратам, и Шуйцзэ. Распылять силы — верная гибель. Этот союз даст нам шанс найти артефакт и использовать его для устранения главной угрозы — царства Шуйцзэ.

В зале воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь мерным дыханием. Ли Вэй опустил взгляд, а император погрузился в раздумья. План действительно был дерзким до безрассудства. Пираты — сила непредсказуемая, вероломная, способная обернуться против самого Цзиньлина. Но возможность получить артефакт, способный сокрушить главного морского соперника... Это искушение было слишком велико.

Цзянь-цзун вспомнил прошлые попытки договориться с морскими разбойниками. Не все они оказались удачными — некоторые обернулись предательством, другие лишь усилили влияние пиратов. Однако сейчас ситуация была иной. Ли Вэй не стал бы рисковать своей головой, предлагая такой план, не имея веских оснований. То, что следователь чётко указал на конкретного капитана, говорило о многом: он уже

установил контакт, изучил этого человека и был уверен в его влиянии среди пиратов.

Император медленно провёл пальцами по подбородку. Мысль о том, чтобы использовать пиратов в качестве оружия против Шуйцзэ, приобретала всё более чёткие очертания. Риск был огромен, но и потенциальная выгода — тоже. Если Ли Вэй смог заручиться доверием этого Капитана-призрака, значит, у них уже есть общие интересы. А общий враг — лучшая основа для временного союза.

— Твой план подобен игре с огнём, — наконец проговорил Цзянь-цзун, и в его голосе слышалось не осуждение, скорее, признание смелости. — Но иногда только огнём можно выжечь заразу. — Он сделал паузу, изучая Ли Вэя. — Ты уверен, что сможешь контролировать этого пирата?

— Контролировать — нет, Ваше Величество. Но направить его ярость в нужное русло — да, — твёрдо ответил Ли Вэй.

Цзянь-цзун кивнул. В его глазах вспыхнула та самая решимость, которая когда-то помогла ему укрепить трон.

— Что ж... — император откинулся на спинку трона. — Используй этот меч. Но помни: если он обратится против Цзиньлина, твоя голова полетит первой.

— Да, Ваше Величество, — склонился Ли Вэй в глубоком, почтительном поклоне.

— Можешь идти, — император отстранённо махнул рукой; взгляд его уже был устремлён на следующий свиток.

Ли Вэй вышел из зала ровным, размеренным шагом, но лишь когда массивная дверь за его спиной бесшумно закрылась, он позволил себе сделать глубокий, освобождающий вдох. Напряжение, сковывавшее его плечи всё это время, наконец начало отпускать. Он не был уверен в согласии императора — предложение союза с пиратами было опасной игрой, где ставкой могла стать его собственная голова.

Внутри всё ликовало — первый и самый рискованный шаг был сделан. Но здесь, в коридорах императорского дворца, где даже стены, казалось, обладали слухом, он не позволил себе ни малейшего проявления эмоций. Лишь на мгновение, уже выходя за пределы внутреннего дворца, уголки его губ дрогнули в лёгкой, почти невидимой улыбке.

8. Выдох горы и дыхание луны

База «Флотилии Призраков» под командованием Фэн Хуан была устроена в самом сердце архипелага «Зубья Подводного Змея» — на самой границе территориальных вод Цзиньлина и Шуйцзэ. Этот архипелаг представлял собой настоящий лабиринт из остроконечных скал, скрытых подводных рифов и коварных перекрёстных течений, где даже самые опытные капитаны имперских флотов предпочитали не появляться.

Единственный безопасный проход в лагуну был скрыт за стеной низвергающегося водопада, падавшего с высоких скал. Этот путь знали лишь несколько доверенных лоцманов флотилии. Во время отлива здесь обнажались острые, как бритва, рифы, способные распороть днище любого корабля,

осмелившегося последовать за пиратами без проводника.

Это место было идеальным укрытием — сама природа защищала его от незваных гостей. Все, кто пытался преследовать «Флотилию Призраков» в этих водах, либо возвращались с пустыми руками, либо навсегда оставались среди подводных скал, став добычей моря.

Когда корабли «Флотилии Призраков» встали на якорь в укрытой лагуне, Фэн Хуан первой сошла по скрипучему трапу на каменистый берег. В её руках был прочный футляр с заветными веерами — её пальцы сжимали его так крепко, будто это была сама её судьба.

Уверенной походкой она направилась к своему дому, высеченному в основании скалы. Он не мог сравниться с роскошным поместьем её семьи в Линьхае, потерянным десять лет назад, но для пиратского логова это было внушительное сооружение. Двухэтажное строение из тёмного дерева и камня с широкой террасой, выходящей на всю лагуну, больше напоминало укреплённую резиденцию, чем обычное жилище.

Устроившись в своём своеобразном кабинете — помещении с грубыми каменными стенами, но уютно обставленном добытой в набегах мебелью, — Фэн Хуан поставила на массивный стол футляр с веерами. Открыв его, она извлекла оба веера, раскрыла их и разложила перед собой.

Её внимательный взгляд скользил по шёлковой ткани, узорам и мерцающим жемчужинам, изучая каждую деталь.

Уголки её губ дрогнули в лёгкой, почти невесёлой усмешке.

— Теперь ясно, почему у меня ничего не вышло. Полнолуние... — покачав головой, тихо прошептала она, словно делая выговор самой себе за упущенную ранее очевидность.

Она шумно выдохнула, её пальцы начали нервно постукивать по деревянной столешнице.

— Вэй говорил, что нужен не просто лунный свет, но и что-то ещё... — Фэн Хуан на мгновение сомкнула веки, пытаясь сосредоточиться. — Создатель этой карты явно не искал лёгких путей, — с коротким, сухим смешком произнесла она, открывая глаза.

Её взгляд снова устремился на веера. Рядом с «Танцем Феникса и Дракона» лежал тот самый потрёпанный манускрипт, добытый с большим трудом. Именно он когда-то окончательно убедил её в том, что «Слеза Морского Дракона» — не вымысел. Она, казалось, знала каждую букву в нём наизусть. И вот снова принялась вчитываться в знакомые строки, надеясь найти ранее упущенную деталь.

Но манускрипт упорно не выдавал новых секретов. Тогда её осенила другая мысль: а что, если истинное послание скрыто невидимыми чернилами? Такой способ тайнописи был не редкостью для особо важных документов. Она попробовала нагреть бумагу над пламенем свечи, подержала её под разными углами к свету — но страницы оставались чисты, не проявляя ни единого скрытого символа. Загадка упрямо не желала раскрываться.

— Я не могу просто сидеть сложа руки целый месяц, — она с силой ударила ладонью по столу, отчего вздрогнули лежащие на нём веера. Её взгляд устремился к окну, за которым начинал накрапывать дождь, оставляя разводы на промасленной бумаге. — Я не могу явиться к Ли Вэю с пустыми руками. Нет, у меня тоже должны быть козыри...

Фэн Хуан откинулась на спинку стула, закрыв глаза. Глубокий вдох, медленный выдох — она заставила себя успокоиться и начала перебирать в уме все возможности. И вдруг её осенила мысль, до которой она раньше не додумалась.

Пиратское братство обширно и многослойно. Слухи о веерах и артефакте взбудоражили всех — от мелких разбойников до могущественных капитанов. Но где-то в тени существовали старейшины, живые хранители знаний. Эти седовласые, покрытые шрамами морские волки помнили легенды, которые ещё не были записаны, знали устные хроники кланов и тайны, унесённые их предками в могилу. Они были чем-то вроде живых архивов, хранивших «ключи» к давно забытым сокровищам.

Такие старики не любили гостей и предпочитали уединённую, скрытную жизнь. Выманить их из тени было непросто — с ними можно было говорить, только задавая правильные вопросы. Фэн Хуан усмехнулась. Возможно, к ним уже наведались сотни пиратов, жаждавших найти артефакт. Но ни у кого из них не было вееров. А у неё — были. И ей была нужна не очередная легенда о «Слезе», а конкретный ключ

к расшифровке карты.

С того момента, как Фэн Хуан приняла решение разыскать одного из старых морских волков, её лучшие лазутчики не знали покоя. Действовать приходилось в строжайшей тайне, пока они по крупицам собирали сведения о местонахождении старого Шэньгуаня.

В пиратской среде тем временем назревало беспокойство. Слухи о парных веерах и «Слезе Морского Дракона» будоражили умы, разжигая амбиции и алчность. Фэн Хуан и её люди хранили молчание о том, что реликвия уже в их руках. Однако вскоре по всем пиратским притонам поползла новость: «Танец Феникса и Дракона» был похищен из Линь-хая, и теперь реликвия находится у одного из пиратских капитанов.

С этой вестью к Фэн Хуан ворвался взволнованный Бай Ин.

— Фэн-ван! — он тяжело дышал, его лицо пылало от гнева. — Это дело рук того имперского выродка!

Фэн Хуан в это время неторопливо изучала добычу с последнего рейда. Она медленно повернула голову и приподняла бровь, встречая его взгляд.

— Ты так думаешь? — её голос прозвучал на удивление спокойно.

— А кто ещё?! — выпалил Бай Ин, хотя его пыл уже поугас под её взглядом. Он нахмурился, не отрывая глаз от капитана.

— Если следовать твоей логике, — продолжила Фэн Хуан, — то почему следователь Ли не назвал имя вора? Ведь это было бы в его интересах — направить на нас гнев всех пиратов.

Вопрос повис в воздухе. Бай Ин замер, мысленно перебирая возможные ответы. Если бы Ли Вэй хотел их подставить, он бы непременно раскрыл их имена — это было бы самым простым и эффективным способом уничтожить флотилию. Но вместо этого он сохранял молчание, оставляя всех в неведении. Это было... стратегически мудро, что ли?

Фэн Хуан наблюдала, как в глазах Бай Ина гнев постепенно сменяется недоумением, а затем и медленным пониманием. Она сама уже обдумала этот вопрос. Ли Вэй не стал бы действовать так прямо — ему было выгоднее сохранять видимость нейтралитета и использовать ситуацию в своих целях. Публичное обвинение лишило бы его главного козыря — элемента неожиданности и возможности контролировать поток информации. Его молчание было тактическим ходом, а не опрометчивым поступком.

— Тогда кто это сделал? — уже более сдержанно спросил Бай Ин.

Фэн Хуан не ответила сразу. Её губы медленно растянулись в хищном оскале, в котором читалось не столько раздражение, сколько холодное понимание. Несколько дней назад один из её шпионов принёс весьма показательный доклад: в портовых тавернах Линьхая появились странные бол-

туны, целенаправленно распространявшие слух о краже веров. Проследив ниточку, её люди вышли на агентов царства Шуйцзэ.

— Шуйцзэ, — прозвучало тихо, но так весомо, что Бай Ин невольно выпрямился. — Их шпионы в Линьхае пустили этот слух, чтобы стравить между собой пиратские кланы и имперские власти.

Она взяла со стола потрёпанный манускрипт и повертела его в руках.

— Раньше я не обращала внимания на этот знак, — её палец лёг на едва заметную печать в углу последней страницы. — Монограмма царского архива Шуйцзэ. Всё это время я держала в руках не просто легенду, а их приманку.

Внезапно она вспомнила отца. Сюэ Вэньхай тоже возвращался из плаваний с подобными донесениями — не просто с товарами, а с разрозненными кусочками информации, которые складывались в картину заговоров против Цзиньлина. Теперь она занималась тем же, только по другую сторону закона.

Мысль о Ли Вэе заставила её оценить всю хитрость замысла. Как следователь по особым поручениям, он обязан вернуть веера. Но если все пираты будут знать, что он ищет реликвию, его жизнь превратится в бесконечную войну со всей морской братией. А гибель Ли Вэя, уже успевшего не раз сорвать планы Шуйцзэ, была бы для царства лакомым куском. Все нитки вели к одному выводу — Шуйцзэ наме-

ренно стравливает всех между собой.

Бай Ин уже открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но Фэн Хуан резко подняла руку. Этот жест, отточенный за годы командования, говорил яснее любых слов: «Всё. Тема закрыта».

Бай Ин замер на мгновение, челюсть напряглась от сдержанного возражения, но дисциплина и верность взяли верх. Он лишь коротко, почти незаметно кивнул, склонил голову и бесшумно вышел, оставив капитану гулкую тишину для размышлений.

К острову «Слёзы Русалки» Фэн Хуан решила подойти на «Тихом Ветре» — самом быстром и незаметном корабле своей флотилии. Остальные суда получили приказ оставаться на внешнем рейде, готовые в любой момент прийти на помощь или осуществить отвлекающий манёвр. Лао Хэй и Бай Ин остались на флагмане — в случае опасности им предстояло действовать по заранее согласованному плану.

Остров «Слёзы Русалки» был небольшим зелёным островком с пологими берегами, покрытыми бамбуковыми рощами и дикими сливами. Своё название он получил из-за печального поверья: местные рыбаки верили, что по ночам здесь можно услышать плач морской девы, оплакивающей погибших моряков. В центре острова на возвышенности, полускрытый зарослями древних баньянов, стоял заброшенный храм морского бога. Его стены, некогда покрытые яркой росписью, теперь осыпались, а каменные плиты двора порос-

ли густым мхом. Именно в этом забытом богом и людьми месте обитал старый Шэньгуань.

«Тихий Ветер» бесшумно скользнул в уединённую бухту, где золотой песок сливался с изумрудной водой. Фэн Хуан и трое её самых проверенных пиратов сошли на берег. Воздух был густым и влажным.

Они двинулись вглубь острова по едва заметной тропе, петляющей между стройными стволами бамбуковой рощи. Свет пробивался сквозь густую листву, создавая на земле кружевные узоры. Вскоре тропа начала подниматься в гору, становясь всё круче.

Чем выше они поднимались, тем больше менялся пейзаж. Бамбук уступил место древним баньянам; их воздушные корни спускались с ветвей, словно седые бороды. Наконец, сквозь завесу лиан и мха показались очертания храма. Резные драконы на карнизах смотрели на них пустыми глазами, а каменные стражи у входа почти полностью скрылись под покровом плюща.

Фэн Хуан остановилась перед массивными деревянными дверями, почерневшими от времени и влаги. Глубокий вздох — и она толкнула их. Дверь с тихим скрипом поддалась.

— Покой? — раздался хриплый, пропитанный солёным ветром голос из глубины зала. — Был у меня покой, пока вы все не вспомнили про ту проклятую «Слезу».

Из тени, медленно переставляя ноги, вышел Шэньгуань. Его фигура, некогда могучая, теперь была согнута годами

и тяготами морской жизни. Лицо, покрытое сетью глубоких морщин, напоминало старую морскую карту, а в глазах, выцветших от солёных брызг, светился острый, не угасший ум.

— С тех пор как поползли слухи, — проскрипел он, с ненавистью глядя на непрошенных гостей, — у меня отбоя нет от таких вот визитёров. И всем вам одно нужно — старик, расскажи, где искать. Так и быть, выкладывай, что принёс. Может, хоть твоя находка окажется интереснее прежних.

Фэн Хуан выдержала многозначительную паузу, её прямой и пронзительный взгляд не отрывался от старого пирата. Эта выправка, это спокойное достоинство не остались незамеченными Шэньгуанем. Затем она медленным жестом сняла маску, скрывавшую нижнюю часть её лица, и слегка сдвинула широкие поля шляпы. Она позволила ему увидеть больше, чем видел кто-либо другой из посторонних в последние годы. Он медленно прищурился, и взгляд его из раздражённого стал оценивающим, в нём загорелась искра живого интереса.

Плавным, почти церемониальным движением Фэн Хуан извлекла из складок одежды футляр и, не сводя с него глаз, открыла его прямо перед стариком. Щелчок замочка — и крышка откинулась, обнажив два сложенных веера: белый и чёрный, лежащие на тёмном бархате.

Шэньгуань наклонился ближе, его дыхание на мгновение замерло. Затем Фэн Хуан одним за другим извлекла веера, и в полумраке храма замерцали вшитые в шёлк жемчужины,

словно россыпь крошечных лун.

— Любопытно... — проскрипел старик, и в его голосе впервые прозвучало не раздражение, а неподдельный азарт учёного, увидевшего редкий артефакт.

— Мне нужна не та информация, что ищут все, — твёрдо произнесла Фэн Хуан. — В морских преданиях есть легенда о парных символах, что говорят лишь при лунном свете, и о дыхании, что оживляет мёртвые чернила. Но история забыта, и никто не помнит её целиком. — Она склонила голову в почтительном, но не подобострастном поклоне. — Мудрый Шэньгуань всегда славился памятью, в которой не терялась ни одна глава из морского эпоса. Уверена, эта история всё ещё живёт в вашем сердце.

Шэньгуань медленно растянул губы в ухмылке, больше похожей на гримасу.

— Льстить тебе не занимать, — проскрипел он, но в его выцветших глазах мелькнуло одобрение. — Но ты первая за долгие годы, кому удалось меня удивить.

Его взгляд всё ещё был прикован к веерам, лежавшим в раскрытом футляре, словно он видел сквозь них что-то недоступное другим.

— Идём за мной, — коротко бросил старик и, развернувшись, заковылял вглубь храма.

Фэн Хуан жестом велела двум пиратам остаться у входа, а с третьим последовала за Шэньгуанем.

Они вошли в главный зал. Воздух здесь был густым от за-

паху ладана, пыли и влажного камня. В полумраке, пронизанном лучами света сквозь щели в кровле, возвышалась покрытая патиной времени бронзовая статуя повелителя морей и водной стихии. В одной руке он сжимал нефритовую табличку — символ высшей небесной власти и мандат на управление водами, а другая была поднята в повелевающем жесте. У его ног извивались каменные изваяния меньших драконов, а у подножия постамента лежали истлевшие остатки подношений — несколько старых монет и раковин. По стенам стояли низкие каменные скамьи, когда-то служившие для медитаций, а теперь покрытые мхом.

Шэньгуань тяжело опустился на одну из таких скамей, откинувшись спиной к холодной стене. Фэн Хуан села напротив; её прямая спина и собранный вид резко контрастировали с сгорбленной фигурой старого пирата.

Шэньгуань надолго задумался; его взгляд устремился вглубь памяти, сквозь десятки лет и сотни услышанных легенд.

— Ладно, слушай, — наконец проскрипел он. — Есть одно древнее сказание, такое старое, что его уже и за правду не считают. Говорили, что Морской Дракон, когда прятал своё величайшее сокровище, поступил хитро. Он укрыл его не в морской пучине, а высоко в горах, в пещерах, куда даже птицы не долетают.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями.

— И защитил он его не заклинаниями и не стражами, а

своим собственным дыханием. Таким особым дыханием, которое... делало видимым невидимое. Говорили, что оно могло проявить тайные письма, скрытые от глаз. Но сила эта была короткой — лишь один раз за полную луну можно было ею воспользоваться.

Старый пират посмотрел на Фэн Хуан.

— А потом всегда следовала одна странная фраза, которую я никогда не мог толком понять. Говорили так: «Чтобы увидеть истину, нужно направить на веера свет, а затем поймать выдох горы». — Шэньгуань безнадёжно махнул рукой. — Что за «выдох горы»? Горы не дышат. Может, речь о паре из горячих источников? Или о пещерном ветре? Не знаю. Легенда как легенда — загадочная и бестолковая. Но раз уж у тебя в руках сами веера... Может, для тебя в этих словах будет больше смысла, чем для старого дурака.

Всё время, пока звучал хриплый голос Шэньгуаня, ум Фэн Хуан работал, отсеивая сказочные обороты от зёрен истины. Образование, данное отцом, включало не только классические трактаты, но и практические знания — свойства трав, минералов, поведение стихий.

«Выдох горы», — мысленно повторила Фэн Хуан.

Эта фраза казалась бессмыслицей, но только для того, кто не привык читать между строк. Для Фэн Хуан же она складывалась в иную картину. Эта фраза заставила её вспомнить уроки алхимика, что когда-то гостил у отца.

«Лунный свет... и дыхание... — размышляла она. — Что

если свет полной луны — не просто условие, а своего рода особый растворитель? А „дыхание“ — невидимая субстанция, которая, соединяясь с этим особым светом, проявляет сокрытое? Как проявительная жидкость в тайнописи, но куда более утончённая.»

На её губах появилась лёгкая улыбка понимания. Она всё ещё не знала, что именно служило тем «дыханием», но теперь ясно понимала принцип и видела направление поиска.

С почтительной сдержанностью Фэн Хуан склонила голову.

— Ваша легенда, мудрый Шэньгуань, оказалась куда ценнее, чем я могла предположить. Вы дали мне не просто сказку, а ключ. Благодарю вас.

Фэн Хуан жестом подозвала одного из своих пиратов. Тот поставил перед Шэньгуанем небольшую, но увесистую деревянную шкатулку.

— За твою мудрость и за твой покой, который мы потревожили, — сказала она.

Старый пират открыл крышку. Внутри на мягкой ткани лежал аккуратный брикет тёмного пуэра, от которого исходил насыщенный земляной аромат, и стояла запечатанная фарфоровая фляга с рисовым вином редкой выдержки. Уголки губ Шэньгуаня дрогнули в подобии улыбки. Он провёл корявым пальцем по гладкому фарфору, а затем коротко кивнул.

— Капитан знает толк, — проскрипел он. Этого было до-

статочно. Дар был принят.

Перед тем как покинуть храм, Фэн Хуан вновь скрыла лицо под маской. Когда она с людьми выходила из полуразрушенного святилища, никто не заметил тень, притаившуюся за обломками каменной статуи.

Фигура бесшумно скользнула в сторону, протиснулась через пролом в восточной стене и растворилась в зарослях. А Сю бежал, не оглядываясь, заливаясь потом от страха быть обнаруженным. Лишь достигнув уединённой бухты, где его ждал корабль, он смог перевести дух. Согнувшись пополам, он стоял, пытаясь унять дрожь в коленях и вытереть пот со лба.

— Ну, что разузнал, А Сю? — раздался сверху вкрадчивый, но требовательный голос. Над ним возвышалась фигура капитана Лин Юя — такого же охотника за веерами и «Слезой Морского Дракона», как и многие другие.

— Капитан Фэн... — А Сю сглотнул, пытаясь выровнять дыхание. — Он показывал старому Шэньгуаню два шёлковых предмета с древними знаками. Спрашивал о «дыхании луны» и «выдохе горы».

— Ты рассмотрел его лицо? — прозвучал следующий вопрос, резкий и безжалостный.

— Нет... — А Сю беспомощно покачал головой. — Как всегда, маска и широкополая шляпа.

Лин Юй замер, но углы его губ медленно поползли вверх, обнажая хищные зубы в беззвучной ухмылке. Так вот на ко-

го стоило сделать ставку! Кто, как не этот неуловимый Капитан-призрак, мог оказаться достаточно умным и дерзким, чтобы выкрасть веера прямо из-под носа имперского следователя.

Теперь предстояло самое сложное — переиграть одного из самых хитрых капитанов на море. Но Лин Юй, бывший чиновник, изгнанный с позором и нашедший новую жизнь в пиратстве, не сомневался в своих силах. За годы он не просто освоился в этом ремесле — он отточил его, превратив в изощённое оружие мести.

— Достану веера... добуду артефакт... — прошептал он, поднимаясь на кормовую надстройку и сжимая перила руками с такой силой, что костяшки побелели. — И тогда я сомну империю, как старый свиток. А после... после моё слово станет законом на всех морских путях.

Он развернулся к морю, и его фигура на мгновение застыла на фоне набегающих волн.

— Поднимать якоря! — раздался его резкий командный голос, внезапно прорезавший тишину бухты. — Все корабли выходят в море. Курс — к логову «Флотилии Призраков».

Его эскадра, словно стая голодных акул, тронулась с места, направляясь в открытое море. Лин Юй стоял на кормовой надстройке, не сводя глаз с горизонта, где где-то впереди его ждала добыча и битва, что должна была решить, кому достанется власть над этими водами.

9. Барабанная дробь над кровавой водой

День был тихим и безмятежным. «Флотилия Призраков» возвращалась к своей базе, рассекая лазурные воды. Фэн Хуан на кормовой надстройке «Мести Феникса» изучала карты, когда со смотровой площадки раздался отчаянный крик: — Паруса на горизонте! Пять кораблей! Идут на сближение!

Это было уже слишком поздно. Прежде чем Фэн Хуан успела отдать приказ к построению, из-за скалистого мыса, скрывавшего их до этого момента, вынырнула эскадра Лин Юя. Флагман «Император» вёл за собой ещё четыре корабля. Они шли на всех парусах, используя попутный ветер и элемент внезапности.

— «Тень Ворона», атакуй их флагман с кормы! «Серый Призрак» — на правый фланг, не дай «Разящему Клинку» обойти нас! — голос Фэн Хуан звенел сталью, заглушая грохот сражения.

Едва её команда прозвучала, как барабанщик на «Мести Феникса» отбил короткую дробь — три быстрых удара, два медленных. Этот сигнал мгновенно подхватили барабанщики на других кораблях флотилии.

Бум-бум-бум... бум-бум!

«Железный Горн» Лао Хэя, услышав сигнал, немедленно развернулся, подставив свой бронированный борт под залп «Кровавой Мести». Дубовые доски «Горна» содрогнулись от удара, но выстояли.

Бум-бум-бум-бум! — новая барабанная команда, и ответный залп из катапульт «Горна» был страшен — каменные ядра проломили борт «Кровавой Мести», вызвав хаос на его палубе.

В это время «Тень Ворона» Бай Ина, словно призрак, вынырнул с другой стороны. Две короткие дроби с флагмана — и корабль-разведчик осыпал палубу «Императора» градом стрел. Но «Чёрный Ветер» уже разворачивался, чтобы отсечь юркого разведчика.

Бум... бум-бум! — сменившийся ритм заставил Бай Ина резко изменить курс, уводя свой корабль в сторону и заманивая «Чёрный Ветер» под бортовой залп «Серого Призрака».

«Серый Призрак» в это время вёл жестокую дуэль с «Ра-

зующим Клинком». Непрерывная барабанная дробь с флагманом указывала на необходимость удерживать позицию. Корабли сблизилась на расстояние полёта стрелы, и пространство между ними превратилось в ад из свистящих болтов. Капитан «Серого Призрака», старый ветеран, хладнокровно руководил обороной, пока его лучшие стрелки выбивали врагов с матчт.

Пользуясь общим замешательством, «Месть Феникса» пошла на сближение с флагманом Лин Юя. Глухой рокот барабанов учащался. Когда борта кораблей с грохотом столкнулись, началась жестокая абордажная схватка.

Среди хаоса боя Фэн Хуан и Лин Юй наконец сошлись лицом к лицу. Лин Юй, вооружённый длинным гуань дао, с размаху атаковал Капитана-призрака.

— Твоя хитрость кончилась! — проревел он. — Отдай веера!

Фэн Хуан, вооружённая парными дао, парировала удар. Её движения были быстры и точны. Но длина его оружия давала ему преимущество.

— Слишком много чести для того, кто нападает из засады, — холодно бросила она в ответ, делая молниеносный выпад, который едва не достиг его горла.

В ярости Лин Юй сделал мощный горизонтальный взмах. Фэн Хуан резко отклонилась, но остриё копья скользнуло по её правому плечу, разрезая ткань и кожу. Она не вскрикнула, лишь стиснула зубы, чувствуя, как по руке разливается

жгучая боль. Не давая ей опомниться, он тут же сделал выпад вперёд. Отскакивая, она ощутила резкий укол в боку — кончик гуань дао лишь слегка задел её, но и этого хватило, чтобы тёмное пятно проступило на её одежде.

Именно в этот миг, когда она кратковременно потеряла равновесие, остриё его гуань дао не просто пролетело мимо, а зацепилось за маску на её лице. Резким движением он сорвал её.

Перед изумлённым Лин Юем предстало не мужское лицо, а черты женщины — прекрасные, но искажённые холодной яростью. На её левой щеке алела свежая царапина.

— Женщина? — прошептал он, застыв на мгновение. — Капитан-призрак... женщина?

Это мгновение замешательства дорого ему стоило. Фэн Хуан, воспользовавшись его шоком, проигнорировав пронзающую боль в плече и боку, сделала молниеносный выпад. Лезвие одного из её дао блеснуло и скользнуло по его предплечью, оставив глубокую кровотокающую рану. Лин Юй вскрикнул от боли, поспешно отступая и пытаясь перехватить оружие другой рукой.

— Капитан! Их «Горн» идёт на нас! «Свирепый Дракон» не может его сдержать! — крик помощника вернул Лин Юя к реальности.

«Железный Горн», отбив атаку «Чёрного Ветра», теперь неумолимо приближался к «Императору». «Кровавая Мечь» дрейфовал с пробоиной в борту, а «Разящий Кли-

нок», проиграв перестрелку «Серому Призраку», отходил с потрёпанными парусами.

Лин Юй сжал зубы. Длинная серия ударов барабана с «Мести Феникса» явно координировала манёвр всех кораблей призраков для решающего удара.

— Отступить! Все корабли — отход! — проревел он, зажимая рану.

Его корабли, получив приказ, начали отползать от поля боя. Барабаны «Флотилии Призраков» смолкли — приказ на преследование не поступил.

Фэн Хуан, стоя на окровавленной палубе, смотрела на удаляющиеся паруса. Маска была сорвана, и один из самых опасных её врагов теперь знал её величайшую тайну.

Стоя на корме «Императора», Лин Юй сжимал окровавленную руку, но физическая боль меркла перед яростью и изумлением, пылавшими в его груди.

Женщина.

Это слово отдавалось в его сознании оглушительным гулом, заглушая даже стоны раненых. Капитан-призрак, неуловимая легенда морей, бич имперских флотилий... женщина. Его ум, воспитанный в строгих традициях, отказывался принимать это. Как? Как она смогла подчинить себе самых отъявленных головорезов? Как строила эти дерзкие планы? Унижение жгло его изнутри — он, Лин Юй, образованный чиновник, был побеждён женщиной.

Его взгляд упал на удаляющийся силуэт «Мести Феник-

са». Теперь, зная правду, он видел в её манёврах не просто военную хитрость, а какую-то иную, почти интуитивную грацию. И это бесило его ещё сильнее.

«Она переиграла меня. С самого начала», — жгучая мысль пронзила сознание Лин Юя, оставляя во рту привкус горечи и ярости.

Он мысленно прокручивал бой: безупречная работа её барабанщиков, слаженность манёвров, хладнокровие в абордажной схватке. Всё это было плодом не грубой силы, а расчёта и воли. А его собственная атака, которую он считал образцом военного искусства, оказалась грубой силовой попыткой.

Жгучее унижение сменилось ледяной решимостью. Он повернулся спиной к удаляющимся кораблям Фэн Хуан. Отныне его цель была не просто артефакт. Его целью было полное уничтожение Капитана-призрака.

Фэн Хуан стояла у поручней, чувствуя, как под ногами покачивается палуба её корабля. Морской ветер гулял в её растрёпанных волосах, но не приносил облегчения. Взгляд её скользнул по поскрипывающим доскам и остановился на предмете у её ног — затоптанной в грязь маске. Та самая маска, что годами скрывала её лицо и создавала легенду о капитане-призраке.

С шумным выдохом она наклонилась и подняла её. Горькая усмешка тронула её губы. Вся «Флотилия Призраков» хранила секрет, но другие пираты и представить не могли,

что грозный капитан — женщина. И теперь этот секрет знал Лин Юй. Это была не просто угроза. Эта информация была прямой и явной опасностью для её авторитета.

— С другой стороны, — тихо проговорила она, глядя на исчезающие вдали корабли Лин Юя, — кто поверит опустившемуся чиновнику? — но внутренний голос настойчиво твердил: «Нужно подстраховаться».

Лин Юй был опасен не как воин, а как стратег. Бывший чиновник, он знал цену слов и силу слухов. Предугадать его ход было сложно, но Фэн Хуан не сомневалась — он будет мстить. Его раненое самолюбие требовало ответа.

Мысли её невольно перенесли к Ли Вэю. Сейчас он должен был быть в Луньгане, в архивах. От его поисков зависело слишком многое. Если он найдёт ключ к шифру на карте, они смогут найти «Слезу Морского Дракона». Этот артефакт был не просто сокровищем — он был исполнением их договора и гарантией её могущества. С ним ни один капитан, включая Лин Юя, не посмеет ей перечить.

— ФЭН-ван?

Она медленно обернулась. Перед ней стоял молодой пират Мао Цзе — один из её самых способных учеников, которого она сама обучала искусству навигации и чтению морских карт. Его лицо было испачкано пороховой копотью, а рукав пробит стрелой, из-под ткани проступала кровь.

— Докладываю о состоянии флота, — его голос дрогнул, когда он увидел её лицо. — «Серый Призрак» получил про-

боину у самой воды, команда заделывает. «Железный Горн» отделался вмятинами. Потери... семь человек убиты, пятнадцать ранены.

Его взгляд скользнул по её окровавленному виску, задержался на рассечённом рукаве и ране на боку. В его глазах читалась не только забота, но и трезвое понимание ситуации.

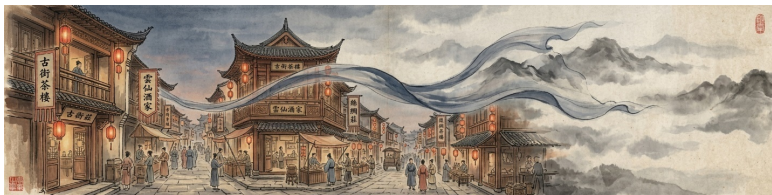
— Капитан... Ваши знания бесценны для флотилии, — в его голосе прозвучала не просто констатация факта, а твёрдая, почтительная требовательность. — Нужно позвать лекаря. Ваши раны необходимо обработать.

Фэн Хуан молча кивнула. Боль, наконец, начала пробиваться сквозь адреналин — тупая пульсация в виске, резкая боль в плече и ноющая в боку. Мао Цзе был прав. Её знания и ясный ум были главным оружием флотилии, тем, что отличало их от обычных разбойников.

— Пусть лекарь придёт в мою каюту, — тихо распорядилась она.

Пират коротко кивнул, и в его глазах вспыхнула особая преданность, рождённая из уважения.

10. Взгляд, утонувший в серой дымке

Время оказалось безжалостным попутчиком. Оно неумолимо текло сквозь пальцы, пока Фэн Хуан выслеживала Шэньгуаня, готовилась к встрече, а затем вела изматывающий бой с флотом Лин Юя. Месяц, данный Ли Вэем, подходил к концу, и теперь дорога вела в Линьхай.

Фэн Хуан медленно выдохнула, ощутив, как ноет недавно затянувшаяся рана на боку. Удар Лин Юя был точным, и, хотя лекарь уверял, что повреждения неглубоки, каждое движение отзывалось тупой болью. Она подошла к самой кромке воды, и её задумчивый взгляд утонул в серой дымке над морем. Резким жестом она подозвала лоцмана.

— Ань Ши, — когда старый моряк приблизился, она, не

глядя на него, произнесла: — Пойдём запасным путём.

— Но, капитан, — Ань Ши непроизвольно бросил взгляд на горизонт, — море сегодня не в духе. «Зубья Подводного Змея» и в штиль ласковы не бывают, а при такой погоде...

Он мысленно видел этот лабиринт — остроконечные скалы, скрытые рифы, что в непогоду поднимались почти к самой поверхности, и перекрёстные течения, способные разорвать джонку в щепы. Он знал этот путь, но знал и его цену.

— Выбора нет, — голос Фэн Хуан прозвучал жёстко. — У водопада нас могут ждать. Я не могу рисковать.

Секунду Ань Ши молча смотрел на затянутое тяжёлыми тучами небо, где назревала буря, затем коротко кивнул.

— Слушаюсь. Готовить «Тихий Ветер»?

— Нет, — капитан покачала головой. — Возьмём «Безымянный Прилив».

— Есть! — Ань Ши развернулся и зашагал к причалу, где покачивались на поднимающейся волне корабли.

Первая капля упала на песок, оставив тёмное пятно. Потом ещё. Вскоре берег превратился в размытое полотно, а море слилось с небом в серую массу.

Лао Хэй мрачнел с каждым словом Фэн Хуан. Её план, продуманный до мелочей, предполагал, что он, Цюй Бэйцзе, Лао Гоу и Гань Шоу останутся в «Лагуне Разбитого Копья». Их задача была непростой — периодическими вылазками создавать видимость, что вся «Флотилия Призраков» по-прежнему здесь, на охоте, отвлекая тем самым внимание

от настоящего местоположения капитана.

— Это неверный путь, — упрямо бубнил он, скрестив на груди мощные руки. — Идти в Линьхай одной...

Он понимал её расчёт умом. Логика была безупречной: его присутствие здесь придавало легенде правдоподобия, а её след в городе должен был остаться невидимым. Но помимо логики существовало что-то другое — глубокая, животная тревога, сжимавшая его грудь каждый раз, когда она уходила из поля его зрения.

В сердце этого сурового великана, выдавшего всякое, Фэн Хуан занимала особое место. С момента её появления среди пиратов между ними возникла связь, прочная как сталь. Для него она стала настоящей сестрой.

Фэн Хуан тихо усмехнулась и положила ладонь на его могучее плечо, чувствуя под пальцами, как он напрягся.

— Успокойся. Со мной отправляется Цзян Чжэнь — его дао быстрее змеиного языка. Бай Ин, чьи уловки способны обвести вокруг пальца хоть самого императора. И ещё восемь лучших бойцов, которых ты сам обучал.

Она с лёгкой силой сжала его плечо, заставляя встретиться с её взглядом, твёрдым и уверенным. Лао Хэй кивнул с неохотой, умом понимая её правоту. Но тихое ворчание так и не прекратилось.

«Безымянный Прилив» — узкая, стремительная джонка с низкой посадкой и потускневшими от солёных ветров парусами — будто притаился среди скал, сливаясь с серым кам-

нем. По сигналу Ань Ши паруса были осторожно подняты, и судно, словно тень, выскользнуло из укрытия «Лагуны Разбитого Копья» прямо в объятия разбушевавшейся стихии.

Ветер с рёвом налетел на них, едва они миновали скалистые ворота. Дождь, сменившийся ледяной крупой, хлестал по лицам, застилая глаза. Море, ещё недавно лишь неспокойное, теперь вздымалось грозными свинцовыми валами.

Ань Ши, упёршийся спиной в мачту и вцепившись в штурвал, превратился в продолжение корабля. Его глаза, узкие щёлки, считывали невидимые другим знаки: едва различимую пену над подводным рифом, особый изгиб волны, предвещавший встречное течение. Он вёл джонку не по прямой, а по прихотливой зигзагообразной траектории, используя сам шторм как союзника.

— Право на забирай! — его голос, низкий и хриплый, пересиливал вой ветра, и рулевой послушно отпускал штурвал, позволяя волне на мгновение отбросить судно в нужную сторону, прочь от торчащего из воды острого «клыка» скалы.

— Лево, подрезать! — и «Безымянный Прилив», кренясь на борт так, что палуба уходила из-под ног, проскальзывал в узкий проход между двумя рифами, его киль с глухим скрежетом чиркал по скрытой гряде, но выдерживал.

Волны швыряли лёгкую джонку как щепку. Она взлетала на гребень, на мгновение замирая в пустоте, где под килем зияла бездна бушующей воды, а затем с размаху обрушивалась вниз, в водяную пыль и пену, так что казалось — сле-

дующая волна поглотит её навсегда. Команда, обмотав вокруг поясов просмоленные канаты и зацепившись крючьями за скобы в палубе, работала молча и слаженно, подчиняясь лаконичным командам Ань Ши.

Через несколько часов изматывающей борьбы шторм начал понемногу стихать, исчерпав свою ярость. Свинцовые тучи стали светлеть, уступая место грязно-серому свету. Ветер превратился из безумного рёва в упругий, попутный бриз.

На горизонте, окутанный утренней дымкой, показался силуэт Линьхая — зубчатые стены, многоярусные крыши домов и храмов, и лес мачт в гавани.

«Безымянный Прилив», промокший насквозь и тяжело оседающий в воду от нахлебавшейся за шторм волны, вошёл в спокойные воды залива на рассвете. Судно было измотано, такелаж оборван, паруса изорваны в клочья. Но корпус держался, а изнурённая, промокшая до костей команда — стояла на ногах. Никто не погиб. Никто даже не был серьёзно ранен. Это было чудом, рождённым из мастерства Ань Ши, прочности корабля и несгибаемой воли команды.

Фэн Хуан не стала сразу являться к воротам поместья Ли Вэя. Переход через бурное море вымотал команду, и она дала людям сутки на отдых в укромной рыбацкой хижине неподалёку от бухты, где укрыли «Безымянный Прилив». Лишь на следующий день, ближе к вечерним сумеркам, небольшая группа в количестве шести человек двинулась в сторону вла-

дений Ли.

Остальные пираты остались в хижине, получив чёткие указания: двое должны были присматривать за кораблём и начать срочный ремонт такелажа и парусов, изрядно потрепанных штормом. Остальные — раствориться в городе, став ушами и глазами капитана.

Когда они приблизились к массивным воротам, Фэн Хуан жестом остановила спутников. Её собственный облик был тщательно скрыт: простой, но добротный мужской халат из тёмного хлопка, волосы убраны под шляпу с широкими полями, от которой ниспадала полупрозрачная шёлковая вуаль, полностью скрывавшая черты лица. Цзян Чжэнь, Бай Ин и трое других пиратов были облачены схожим образом — их костюмы не привлекали внимания, но свободный крой не скрывал привычной к оружию осанки.

Их встретил у ворот сам Чжи Сю. Управляющий стоял безупречно прямо, его руки были скрыты в широких рукавах. Он молча, с почти незаметной оценкой в глазах, окинул взглядом группу, прежде чем его внимание остановилось на завуалированной фигуре в центре.

— Госпожа Фэн, — произнёс он без единой нотки вопроса в голосе, склонив голову в точном, выверенном поклоне. — Вас ожидают. Позвольте мне проводить вас.

Он повёл их не через главный двор, а по боковой аллее, петляющей среди садовых деревьев и искусственных холмов. Дорога вела к уединённому гостевому павильону «Спя-

щий Аист», стоявшему на берегу тихого пруда. Всё здесь — от безукоризненно подметённых дорожек до едва слышного звона колокольчиков под карнизом крыши — говорило о порядке и предварительной подготовке.

Переступив порог главной комнаты павильона, Фэн Хуан наконец подняла руку и откинула вуаль. Её взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по убранству — резным деревянным панелям, свиткам с каллиграфией, дорогой, но сдержанной мебели.

Чжи Сю, наблюдавший за ней с почтительной дистанции, оставался невозмутим, но его пронизательный взгляд отметил каждую деталь: властную осанку, скрытую силу в движениях спутников, мгновенную, инстинктивную оценку ею пространства на предмет угроз и путей отхода.

— Павильон и прилегающий сад полностью в вашем распоряжении, госпожа, — его голос был ровным и бесстрастным. — Персонал обучен соблюдать дистанцию. Если у вас возникнут какие-либо потребности, вам стоит лишь послать слугу. Угодно ли будет поднести вам и вашим спутникам прохладительные напитки и еду после дороги?

Фэн Хуан медленно обернулась, и теперь он увидел её лицо — прекрасное, но отчуждённое, с твёрдым взглядом.

— Покажите моим людям их комнаты, — распорядилась она, не отвечая на его вопрос. — И прикажите, чтобы нас не беспокоили до утра.

— Так и будет сделано, — вновь склонился Чжи Сю. Его

задача была выполнена. Гостья прибыла, её разместили с подобающей тайной и комфортом. Теперь всё остальное было делом его господина.

***

— Фэн-ван, это обязательно? — Цзян Чжэнь, обычно молчаливый, как скала, скептически окинул взглядом приготовленные одеяния. Его лицо выражало немое недоумение.

Фэн Хуан помнила его с первых своих дней среди пиратов. Он был мастером абордажного боя, тем, кто первым ступал на вражескую палубу и последним покидал поле боя. Его авторитет среди бойцов был непререкаем — и именно поэтому его недовольство сейчас было особенно весомым.

— Обязательно, — её голос прозвучал твёрдо и властно. — Вы должны быть умыты и переодеты. Ни запаха моря, ни следов смолы на руках. Ничто в вас не должно выдавать вашу сущность, когда мы выйдем в город.

Цзян Чжэнь тяжело вздохнул, его взгляд скользнул по деревянным чанам с парящей водой и аккуратно сложенной стопке простых, но добротных хлопковых одеяний. Капитан говорила ясно: вопросы закрыты. Молча, с покорностью, рождённой из глубочайшего уважения, он потянулся к ближайшей одежде.

Фэн Хуан, удовлетворённо кивнув, вышла в сад.

Воздух встретил её плотной, горячей лаской. День стоял ясный до беспощадности — ни единого облачка на чистой лазурной глади, залитой палящим солнцем. От сырой

после недавнего дождя земли поднимался пар, делая воздух влажным и тяжёлым для дыхания. Фэн Хуан укрылась в прохладной тени раскидистой павловнии, её пальцы бессознательно теребили соломенную шляпу с длинной вуалью — её сегодняшнюю маску. В тишине сада, нарушаемой лишь стрёкотом цикад, она мысленно прокручивала предстоящий путь.

Сегодня ей предстояло подойти к родовому поместью — тому самому, что вот уже десять лет как перешло в руки её тётки, Инлун. При одном этом имени на губах Фэн Хуан появилась холодная, безрадостная усмешка. Кончики её пальцев скользнули по полям шляпы, а взгляд устремился в даль.

На мгновение её посетила соблазнительная, ядовитая мысль — начать свою маленькую месть уже сейчас. Что, если подойти к воротам, показаться на мгновение, словно призрак из прошлого, и тут же раствориться? И возвращаться снова и снова, день за днём, пока тень былой хозяйки не начнёт преследовать узурпаторшу каждую ночь, пока её существование не превратится в паранойю?

Она почти ощутила вкус этого мщения — сладкий и горький одновременно. Но, резко тряхнув головой, Фэн Хуан отбросила наваждение. Нет, не сейчас. Слишком рискованно.

«Всему своё время», — мысленно повторила она, и эти слова успокоили жар в крови. Сегодня — лишь разведка. Простая, холодная, безэмоциональная оценка. Она подойдёт, посмотрит, а уж потом, когда придёт её час, она сыграет

с тёткой в такие игры, от которых у той действительно помутится рассудок.

Когда её люди были готовы, Фэн Хуан коротко уведомила управляющего Чжи Сю о своём намерении прогуляться по городу. Старый слуга склонился в почтительном поклоне, не задавая лишних вопросов. Единственное, что он позволил себе спросить, было:

— К вашему возвращению подготовить трапезу и напитки?

— Да, — коротко бросила Фэн Хуан, поправляя шляпу с вуалью.

Только убедившись, что ни одна черта её лица не видна, она кивком подала команду спутникам и вышла за ворота.

Чжи Сю проводил её взглядом, и что-то щёлкнуло в его памяти. Даже в простой одежде, даже скрытая вуалью, эта женщина несла в себе необъяснимую властность. Её осанка, манера держать голову, сам ритм шага — всё выдавало в ней нечто иное, чем её спутников. Что-то глубоко знакомое.

Ворота закрылись с глухим стуком. Управляющий медленно пошёл по дорожке, его обычно бесстрастное лицо омрачилось лёгкой складкой у переносицы. Он перебирал в памяти образы многочисленных гостей, посещавших поместье при старом господине.

Внезапно он замер. Брови его взметнулись вверх, глаза расширились от изумления.

— Госпожа Сюэ? — вырвалось у него шёпотом.

Да, теперь он понимал. Та самая Сюэ Лань, невеста молодого господина, чья помолвка когда-то была расторгнута из-за страшной трагедии. Семья Сюэ часто бывала здесь, и он, Чжи Сю, много раз видел юную наследницу — ту самую, что считалась сбежавшей.

Но если это она... Если госпожа Сюэ жива... Мысли управляющего закружились в вихре. Что это значит для его господина? И почему она возвратилась сейчас, под чужим именем и в таком странном окружении?

Чжи Сю медленно выдохнул, словно пытаясь рассеять неожиданное озарение. Он провёл ладонью по лицу, собираясь с мыслями. Нет, он всего лишь управляющий. Его обязанность — безусловно исполнять распоряжения господина, а не предаваться догадкам о его личных делах.

Мудрость, приобретённая за долгие годы службы, подсказывала ему: некоторые тайны подобны ядовитым цветам — прикасаться к ним опасно. Если господин Ли Вэй пожелает, он сам посвятит его в свои планы. А до тех пор... до тех пор старый слуга должен оставаться слепым, глухим и немым.

Он распрямил плечи, вновь обретая привычное невозмутимое спокойствие. В его мире порядок и верность долгу значили куда больше, чем любые, даже самые сенсационные, открытия.

Фэн Хуан неспешно брела по улицам Линьхая, и её охватывало странное чувство. Город почти не изменился за десять лет. Каждая улочка, каждый поворот будили в памяти

отголоски прошлой жизни — той, что принадлежала Сюэ Лань. Она шла, словно ведомая призраками воспоминаний, пока не вышла на шумную рыночную площадь.

Её шаги сами замедлились у знакомого ларька со сладостями. Воздух здесь был густым и сладким, пахнущим мёдом, имбирём и жареным кунжутным маслом. На прилавке в идеальном порядке были разложены засахаренные фрукты, блестящие как драгоценные камни, нежные рисовые пирожки, хрустящие шарики из теста, облачка воздушного тофу под золотистым сиропом. Фэн Хуан замерла, рассматривая это изобилие, и на мгновение снова стала той девочкой, что когда-то ждала здесь угощения.

— Фэн-ван, — тихий голос Бай Ина донёсся сзади. — Хотите купить?

Под вуалью губы Фэн Хуан дрогнули в лёгкой улыбке. Она сделала шаг вперёд.

— Что госпожа желает? — услужливо спросил продавец, сметливым взглядом оценивая качество её скромной, но добротной одежды.

Фэн Хуан молча указала на хрустящие шарики, вспомнив, как когда-то обожала их.

— Мудрый выбор, госпожа! — торговец тут же принялся накладывать угощение. — Для вас — всего десять медяков!

Услышав цену, Фэн Хуан беззвучно усмехнулась. Некоторые вещи в Линьхае действительно не менялись — алчность торговцев, готовая обобрать доверчивого покупателя, была

всё той же.

Позади Фэн Хуан Бай Ин непроизвольно фыркнул. Цзян Чжэнь лишь угрожающе сдвинул брови, но тут же поймал на себе предостерегающий взгляд капитана. Фэн Хуан молча отсчитала монеты. Она знала, что её обманывают, но сегодняшний визит не для того, чтобы учить жуликов уму-разуму.

Взяв в руки тёплую, пахнущую маслом упаковку, она развернулась и пошла прочь, оставив за спиной болтливую продавца. Шарик напоминали ей о беззаботном детстве, но сейчас, скрытая вуалью, она ощущала лишь горьковатый привкус ностальгии.

Фэн Хуан медленно доедала хрустящие шарики, застыв на углу улицы в тени развесистой ивы. Из-за её ветвей открывался вид на родовое поместье — то самое, где когда-то жила Сюэ Лань.

Каждый конёк изогнутой крыши, каждое резное окно было ей знакомо до боли. Здесь она училась каллиграфии, сидя рядом с отцом, и слушала его неторопливые поучения. Здесь бегала по саду с младшим братом, их смех эхом разносился под сводами арок. Здесь она тайком мечтала о будущем, представляя себе жизнь с Ли Вэем.

Всё это оборвалось в один миг, когда пришла весть о кораблекрушении. Гибель отца, матери и брата стала пропастью, поглотившей её прежнюю жизнь.

А затем появилась она — тётка Инлун. Явилась не как

скорбящая родственница, а как стервятник, учуявший добычу. Её соболезнования были такими же фальшивыми, как и её улыбка. Фэн Хуан с силой разжевала последний шарик, словно перемалывая вместе с ним и горькие воспоминания.

Она не сводила глаз с закрытых ворот. За ними осталось не только её детство, но и всё, что было у неё отнято — право носить фамилию Сюэ, законное наследство, сама её личность. Ветер шевельнул вуаль, и на мгновение показалось, что в одном из окон мелькнула тень. Фэн Хуан резко отвернулась.

11. Десять лет в одном взгляде

Десять лет назад.

Воздух в поместье Сюэ был насыщенным от запаха ладана и тихой скорби. Прошло всего несколько дней после похорон, когда тётка Инлун навестила племянницу в её покоях под предлогом заботы.

— Дитя моё, ты не можешь оставаться в этом доме, полном теней, — голос её звучал сладко и ядовито. — Это губит тебя. Поезжай в наше загородное поместье, на берег моря. Воздух поправит твоё здоровье, а тишина успокоит душу. Я позаботилась обо всём.

Сюэ Лань, сломленная горем и доверявшая единственной оставшейся «родственнице», согласилась. Это была её роковая ошибка.

Поздним вечером её посадили в занавешенный паланкин.

Но вместо дороги к морю, носильщики, подкупленные Цзи Кэдао, мужем Инлун, понесли её в безлюдный док на окраине Линьхая. Там их уже ждал человек с лицом, не выражавшим никаких эмоций.

— Делайте что должны, — прошипел Цзи Кэдао, торопливо суя ему кошель. — Чтобы мы больше никогда о ней не слышали.

Лю Цзыган равнодушно пересчитал монеты.

— Она будет работать на рудниках архипелага Шуйцзэ. Оттуда не возвращаются. Ваша совесть может быть чиста, — с чистейшим цинизмом проговорил он.

Сюэ Лань, всё ещё ничего не подозревая, вышла из паланкина, чтобы пересесть на «лодку к поместью». В этот миг из тени появились двое моряков Лю. Один с силой зажал ей рот тряпкой, пропитанной горьким снотворным. Другой связал её руки. Последнее, что она увидела перед тем, как сознание поглотила тьма — это удаляющуюся спину своей тётки, которая, не обернувшись ни разу, спокойно села в ожидающую её повозку. Предательство было настолько полным, что в нём не было даже намёка на сожаление.

Её бесчувственное тело перенесли в трюм «Торговца Ветром», где оно стало всего лишь одним из двадцати таких же «товаров». Корабль отплыл до рассвета, а Цзи Кэдао и Инлун возвратились в свой новый дом, чтобы приступить к следующему этапу плана: полному юридическому оформлению захвата наследства клана Сюэ.

Спустя несколько дней плавания, на горизонте появились два быстроходных судна. Это были не торговые и не военные джонки, а пиратские корабли. Они шли на перехват. Лю Цзыган попытался уйти, но его тяжёлый корабль не имел шансов против ловких пиратских джонок. После короткой, но яростной абордажной схватки, команда работорговцев была перебита, а его корабль — захвачен.

Пираты не были благородными освободителями. Для них рабы в трюмах были такой же добычей, как шёлк или специи. Трюм вскрыли, и пленников, включая Сюэ Лань, вывели на палубу. Начался холодный и циничный осмотр «живого товара».

Крепких мужчин отбирали для самой тяжёлой работы на кораблях — на вёслах, на помпах, на чистке корпуса. Молодых женщин осматривали с ещё более меркантильным интересом, оценивая их для продажи в портовые бордели или в качестве прислуги.

Когда подошла очередь Сюэ Лань, её внешность — изящные, неприспособленные к труду руки, безупречная, хоть и бледная кожа — выдали в ней знатную особу. Один из пиратов грубо схватил её за подбородок.

— Ну и штучка! — фыркнул он, грубо поворачивая её лицо к свету. — Видали, братцы, черты-то какие! Прямо с небесным фениксом из сада императора слетела. Иль из нефритовых покоев сановников каких?

Она молчала, сжимая зубы, но её взгляд, горящий нена-

вистью, выдавал в ней не простую рабыню.

Капитан пиратов, грубый и прагматичный старый морской волк, наблюдал за сценой. Он видел не только её красоту, но и неукротимый дух в её глазах. Такой «товар» мог быть проблемным. Но его умный и хитрый старший помощник подошёл и тихо сказал:

— Не спеши, капитан. Такая девушка... её облик говорит сам за себя. Такие обычно из знатных семей — либо дочь чиновника, либо из купеческого рода. За такую знатную пленницу её клан отсыплет золота мешками.

Он прищурился, понизив голос до доверительного шёпота.

— А может, она знает, где искать настоящие сокровища? Какие корабли везут шёлк и нефрит, в каких усадьбах хранятся фамильные ценности... Её знания могут указать нам на куда более сочные цели, чем этот старый работоровец.

Эта мысль возымела действие. Прагматизм победил. Сюэ Лань не продали и не убили. Её в цепях отправили в трюм уже пиратского корабля, как потенциальный актив.

Именно там, в темноте, в окружении чужих и вонючих тел, окончательно умерла Сюэ Лань. В тот миг родилась Фэн Хуан. Её путь к капитанству начался не с меча, а с этого холодного, стратегического решения пиратов оставить её в живых — того самого шанса, которым она впоследствии воспользовалась с безжалостной гениальностью.

Фэн Хуан резко вдохнула, словно пробуждаясь от кошма-

ра, и тряхнула головой, отгоняя призраков прошлого. Десять лет — целая вечность, а воспоминания всё ещё сидели в ней занозой, готовые вонзиться болью при малейшем прикосновении.

Она бросила последний взгляд на родовое поместье Сюэ. Затем, не меняя выражения лица, сделала едва заметный жест рукой. Бай Ин возник рядом словно из-под земли, его обычно игривые глаза теперь были серьёзны.

— Хочу знать всё о семействе Цзи, — голос Фэн Хуан прозвучал тихо, но с той самой стальной холодностью, что заставляла пиратов беспрекословно повиноваться. — Как живут, с кем водят дружбу, какие у них слабости и страхи. Пока мы в Линьхае, разузнай каждую мелочь.

Бай Ин коротко кивнул — ему не требовалось лишних объяснений. Лёгким движением он дал знак двоим пиратам, и в следующее мгновение все трое растворились в ближайшем переулке, словно тени.

Фэн Хуан же, в сопровождении мрачного Цзян Чжэня и бдительного Ду Хая, развернулась и неспешным, почти прогулочным шагом направилась обратно, к поместью Ли Вэя.

Ли Вэй прибыл в Линьхай на закате, когда последние лучи солнца окрашивали черепичные крыши в цвет расплавленного золота. За день до полнолуния, как и было условлено. Выйдя из повозки, он едва сдержал порыв ускорить шаг, пересекая порог своего поместья. По его расчётам, Фэн Хуан уже должна была находиться здесь. Нетерпение жгло его из-

нутри. Ему нужно было не просто увидеть её, но и показать плоды своих изысканий: свитки и копии документов из архивов Лунганя, над которыми он провёл бессонные недели.

Именно тогда на аллее, ведущей к жилым покоям, его остановила невозмутимая фигура управляющего. Ли Вэй резко замер, словно наткнувшись на невидимую преграду.

— Господин, с возвращением, — Чжи Сю склонился в безупречном поклоне. — Ваша гостья, госпожа Фэн, прибыла. В настоящее время она находится в восточном саду, у пруда с карпами.

Ли Вэй лишь кивнул, сжимая пальцы на лакированном футляре, который держал при себе. Мудрый старый слуга, казалось, читал его мысли.

— Позвольте предложить вам освежиться после дороги, — продолжил Чжи Сю ровным голосом. — И прикажете ли приготовить вечернюю трапезу?

Эти спокойные слова подействовали на Ли Вэя как ведро холодной воды. Он мысленно усмехнулся собственной нетерпеливости. Явиться к ней сейчас, покрытый дорожной пылью, с разгорячённой головой — не лучшая тактика.

— Благодарю, Чжи Сю, — произнёс он, уже владея собой. — Прикажи накрыть стол в беседке у лotosового пруда. И передай госпоже Фэн, что я буду ждать её там через час.

— Слушаюсь, — вновь склонился управляющий. — Всё будет исполнено.

Развернувшись, Ли Вэй наконец направился к своим по-

коям, чувствуя, как адреналин сменяется собранностью.

Ли Вэй прошёл в свои покои быстрым, целеустремлённым шагом, но, переступив порог, на мгновение замер. Здесь царил знакомый с детства порядок и прохлада. Он сбросил дорожный халат, пропитанный пылью чужих дорог, и погрузился в прохладную воду омовения. Вода смыла усталость, но не смогла унять внутреннее напряжение.

Ли Вэй переоделся тщательно, но без излишеств — в халат из темно-синего шелка, расшитый серебряной нитью лишь по краям рукавов и ворота. Его причёска была безупречно убрана, но без вычурности. Образ дышал сдержанной элегантностью и статусом — именно таким, каким и должен был быть следователь по особым поручениям, даже в стенах родового поместья. В руках Ли Вэй сжимал футляр с копиями документов — плод своих трудов.

Дорогу к лotosовому пруду он проделал неспешно, владея каждым своим шагом.

Фэн Хуан сидела в беседке, неподвижная, как изваяние. Её профиль чётко вырисовывался на фоне вечернего неба. На ней было простое платье из сероватого хлопка, без единого украшения. Волосы были гладко зачёсаны назад и собраны в скромный узел, открывавший изгиб шеи. В этой намеренной простоте была такая мощь, что его собственный дорогой наряд вдруг показался ему ненужной мишурой. Она обернулась. Её лицо было чистым от косметики, а взгляд — прямым и твёрдым. В нём читалась не просто сила, а та са-

мая бездна, что отделяла их миры.

Ли Вэй продолжал идти к беседке, и каждый шаг отдавался в нём глухим эхом внутренней борьбы. С той самой встречи на маскараде, когда он узнал её в таинственной незнакомке, в его душе вспыхнуло пламя, которое он считал давно угасшим.

Он был связан узами брака с Шуан — женщиной прекрасной, но чужой. Их союз был холодным договором, скреплённым печатью долга и общественных условностей. Рядом с ней он чувствовал себя тенью, актёром, безупречно исполнявшим свою роль. Его служба императору, его положение — всё это образовывало прочный панцирь, в котором он медленно угасал.

Но с Фэн Хуан... С ней он снова дышал полной грудью. Каждая их встреча, каждая стычка заставляла кровь бежать быстрее, а сердце — биться в ритме, забытом за годы бесцветного существования. Это было мучительно и прекрасно одновременно.

Он понимал всю греховность своих мыслей, всю невозможность этого чувства. Но в этот вечер, глядя на её силуэт в беседке, Ли Вэй принял молчаливое решение. Пока судьба дарует им эти редкие мгновения, он будет пить этот яд как нектар. Он позволит себе чувствовать, быть живым.

— Рад нашей встрече, — голос Ли Вэя прозвучал чуть глубже обычного, когда он переступал порог беседки.

Он занял место напротив, отложив лаковый футляр с дра-

гоценными документами рядом. Фэн Хуан ответила на приветствие скупым кивком, но её острый, оценивающий взгляд не отрывался от него. Ли Вэй видел в её глазах не просто интерес, а то самое напряжённое ожидание, что заставляло её пальцы чуть заметно постукивать по столешнице.

— Ты вовремя, — произнесла она.

— Сначала ужин, — мягко, но настойчиво предложил Ли Вэй, жестом указывая на изящные фарфоровые блюда с закусками. — А потом я покажу тебе результаты своих поисков.

— Я бы предпочла начать с дела, — парировала Фэн Хуан; её нетерпение было почти осязаемым.

Уголки губ Ли Вэя дрогнули в лёгкой, сдержанной улыбке.

— Умственная работа требует сил, — возразил он спокойно, беря в руки палочки. — Особенно после долгой дороги. — Ловким, отточенным движением он подхватил нежный ломтик маринованной утки и переложил его в её пиалу с золотистым рисом. Жест был одновременно заботливым и властным.

Фэн Хуан на мгновение замерла; её взгляд скользнул от лакового футляра к рису в её пиале, а затем встретился с упорным взглядом Ли Вэя. Лёгкий, почти невесомый вздох вырвался из её губ — звук капитуляции, который был слышен лишь ему.

— Твоя правда, — произнесла она. В её голосе прозвучала усталая уступчивость. Фэн Хуан взяла палочки, и её пальцы

сомкнулись вокруг них с привычной ловкостью. — Ум на пустой желудок — тупой клинок.

Между ними повисла тишина, наполненная лишь шелестом листьев и плеском карпов в пруду.

— Но как только мы закончим, — добавила она, и её взгляд снова стал твёрдым, — ты покажешь мне всё.

Уголки губ Ли Вэя дрогнули в новой, на этот раз более тёплой и открытой улыбке. В его глазах вспыхнула искра.

— Обещаю, — тихо, но весомо произнёс он, прежде чем снова погрузиться в трапезу.

Трапеза проходила в почти полном молчании, прерываемом лишь редкими, тщательно подобранными фразами.

— Передай соевый соус, — просила Фэн Хуан.

— Это блюдо приготовлено по старому рецепту наших поваров, — замечал Ли Вэй.

Их слова висели в воздухе пустыми оболочками, за которыми скрывалось невысказанное. Но в тишине между фразами рождался иной диалог — язык взглядов, мимолётных пауз, едва уловимых изменений в дыхании. Когда их глаза встречались, в беседке становилось тесно от всего не проговорённого.

Сад, погруженный в вечерние сумерки, казался безлюдным. Слуги, выученные Чжи Сю, стали тенями среди деревьев, появляясь лишь по едва уловимому знаку. Но в этот час в тени плакучих ив и за декоративными валунами скрывались и другие наблюдатели.

Люди Фэн Хуан — Цзян Чжэнь, Бай Ин, Ду Хай и двое других — замерли в своих укрытиях, слившись с наступающей ночью. Их глаза, привыкшие к темноте, безотрывно следили за каждым движением в беседке. Они видели, как следователь подал их капитану утку, как его пальцы ненадолго задержались на пиале дольше необходимого. Видели, как Фэн Хуан приняла угощение с вежливостью, но не торопилась отвечать на его взгляд.

Бай Ин, притаившийся в кроне дерева, жестом показал остальным: «всё спокойно». Но его собственные пальцы не отпускали рукоять кинжала. Они слышали каждый звук — звон фарфора, шёпот листьев, ровное дыхание своих товарищей. Из беседки доносились лишь отрывистые, вежливые фразы, будто читали по церемониальной книге.

Ли Вэй отчётливо чувствовал на себе тяжёлые, недружелюбные взгляды. Он знал — пираты здесь, в саду, притаились в сумерках и следят за каждым его движением. Так же, как и его собственная стража, незримо окружившая беседку и готовая появиться по первому сигналу.

Он понимал: для людей Фэн Хуан он — враг номер один. И именно с этой строптивой, верной ей командой ему предстояло провести долгие недели в морской экспедиции, в тесном пространстве корабля, где каждый неверный шаг может стать последним.

Ли Вэй не боялся их. За десять лет службы следователем по особым поручениям он бывал в таких переделках, где

смерть дышала в затылок. Он смотрел в глаза убийцам и стоял на краю пропасти — в прямом и переносном смысле.

Но говорить, что страха не было вовсе, было бы ложью. Он был. Глухой, холодный ком где-то под сердцем, привычное предостережение организма перед лицом реальной опасности. Просто Ли Вэй научился его не показывать. Страх стал для него тёмным инструментом, что заставлял мозг работать быстрее, а чувства — быть острее. Он прятал его за маской невозмутимости, как прятал клинок в ножнах — до нужного момента.

Фэн Хуан украдкой скользнула взглядом по затенённым уголкам сада, кожей ощущая незримое присутствие своих людей. Она знала — они здесь, в готовности, и любое её слово, любой жест станут для них законом. Эта мысль согревала холодным, стальным теплом.

Её внимание вернулось к Ли Вэю. В этот момент он делал неторопливый глоток чая, и ни единая черта его лица не выдавала напряжения. Казалось, его совершенно не тревожило, что в стенах его поместья притаились те, кого он по долгу службы должен был бы отправить на виселицу.

Уголки губ Фэн Хуан дрогнули в усмешке, скрытой краем чашки. Они оба слишком сильно изменились за эти десять лет. Каждый из них научился носить не одну маску, оттачивая искусство показного спокойствия до совершенства. Под этой тонкой плёнкой приличий скрывалась целая бездна невысказанных слов, обид и той опасной игры, в кото-

рую они ввязались.

— Надеюсь, ужин был тебе по вкусу, — произнёс Ли Вэй; его взгляд задержался на Фэн Хуан дольше, чем требовала простая вежливость.

— Благодарю, всё было превосходно, — откликнулась она, встретив его взгляд без колебаний. Затем, оставив чашку, Фэн Хуан перешла к сути без лишних церемоний. — Теперь давай перейдём к делу. — Её голос прозвучал ровно, но в нём явно читалась требовательность, а взгляд уверенно опустился на лаковый футляр.

Уголки губ Ли Вэя дрогнули в почти незаметной улыбке. Эта прямолинейность, столь несвойственная аристократическим манерам, за которыми обычно скрывались двусмысленности и намёки, вновь напомнила ему, с кем он имеет дело.

— Как и обещал, — согласился он, беря в руки футляр и ставя его перед собой на стол. Он отодвинул посуду, освобождая место, и почти сразу же, словно из воздуха, возникли слуги. Действуя быстро и бесшумно, они убрали со стола всё лишнее. По едва заметному кивку Ли Вэя им принесли небольшой чайник с дымящимся чаем и две простые пиалы. Через мгновение стол был пуст, если не считать футляра и чайного набора.

Ли Вэй открыл замочек, раздался тихий, но отчётливый щелчок. Он откинул крышку и бережно извлёк свёртки — копии документов из императорских архивов, тщательно завернутые в шёлк для сохранности. Разложив их перед Фэн

Хуан, он указал на тетрадь.

— Сведения о «Слезе Морского Дракона» и веерах фрагментарны. Мне пришлось собирать их по крупицам, — пояснил он. Документ, на который он указал, был его личными записями — аккуратными пометками, переплетением выдержек из древних свитков и его собственных умозаключений.

Фэн Хуан взяла его записи. Её пальцы скользнули по страницам, а взгляд выхватил знакомый почерк, ставший ещё более уверенным и строгим за эти годы. Она молча протянула руку к указанному им свитку, чтобы сверить данные.

— У меня тоже есть кое-что, — сказала она, не отрываясь от чтения. — Мне удалось найти старого Шэньгуаня. Он рассказал мне легенду о «выдохе горы».

Ли Вэй воспользовался её погружённостью в чтение, чтобы позволить себе мимолётную слабость — его взгляд на мгновение задержался на её лице, освещённом мягким светом фонарей.

«Какой парадокс, — пронеслось у него в голове. Десять лет, отданные морю и мечу, не смогли стереть эту врождённую утончённость».

Простой наряд, отсутствие украшений, строгий пучок волос — всё это лишь подчёркивало то, что нельзя было скрыть: изящные линии скул, тёмную глубину глаз, ту самую аристократическую гармонию черт, что когда-то сводила с ума половину знатной молодёжи Линьхая. Она старалась вы-

глядеть суровой и простой, как её пираты, но в этой сосредоточенной простоте была такая пронзительная красота, что сердце сжалось от щемящей нежности. Время и тяготы жизни лишь отточили её облик, как море шлифует нефрит, делая его ещё более прекрасным и недосыгаемым.

— «Выдох горы»? — переспросил он, искренне удивлённый. — Никогда не слышал.

Фэн Хуан усмехнулась про себя. Конечно, откуда бы Ли Вэю, выросшему в мире императорских указов и канонических текстов, знать о таких легендах? Эти сказания не записаны ни в одних архивах. Они живут лишь в памяти старейшин — седовласых морских волков, чьи лица иссечены ветрами и временем. Эти истории передаются шёпотом у костра, между глотками рисовой водки, и забываются вместе с уходом последних хранителей. Большая часть пиратов и сама о них не ведаёт.

— В легенде говорится, что так Морской Дракон защищал свои сокровища, — кратко пояснила Фэн Хуан, наконец подняв на него глаза. — Его дыхание делало видимое — невидимым.

Ли Вэй замер, его брови сдвинулись. Он опёрся локтями о стол, сцепив пальцы.

— «Дыхание, делающее видимое невидимым...» — тихо повторил он. — Это что-то вроде тайнописи, что проявляется лишь при особых условиях?

— Вероятно, некое вещество, которое проявляет скрытое,

— кивнула Фэн Хуан.

— Любопытно, — прошептал Ли Вэй, погружаясь в размышления. Спустя паузу он продолжил: — Веера — творение гения. Когда я изучал их, то понял: лунный свет, проходя через жемчужины, отбрасывает на стену очертания. Это не просто узоры — это точные координаты, привязанные к звёздам. Я уверен. Но для полноты картины не хватает последнего элемента.

Фэн Хуан оторвалась от документов.

— Ты видел эти проекции? — спросила она, и в её голосе прозвучало сдержанное нетерпение.

— Видел, — подтвердил Ли Вэй, и на его губах появилась та самая усмешка, которая когда-то нравилась Фэн Хуан. — Но без недостающей части они бессмысленны. Ты увидишь их сама, — добавил он, опережая её следующий вопрос. — Завтра ночью, в полнолуние. Я тебе всё покажу.

Не спрашивая разрешения, Ли Вэй начал собирать документы. Его движения были плавными и уверенными, будто он не допускал даже мысли о возражении. Аккуратными движениями Ли Вэй обернул документы в мягкий шёлк, будто совершая некий ритуал, и уложил их в лаковый футляр. Крышка захлопнулась, а замочек издал тот самый, знакомый щелчок — звук, ставящий точку.

Он чуть склонил голову, и в уголках его губ затаилась мягкая, но непроницаемая улыбка. Ладони обхватили футляр, и он плавным движением передвинул его через стол к Фэн

Хуан.

— Пусть они будут у тебя, — произнёс он, поднимаясь.
— Спокойной ночи, Фэн Хуан.

И, отдав ей лёгкий, почтительный поклон, развернулся и вышел из беседки; его силуэт быстро растворился в ночной темноте сада.

Фэн Хуан замерла; её пальцы так и остались висеть в воздухе, где только что лежали бумаги. В глазах вспыхнула мгновенная искра возмущения от его самоуверенности, но тут же погасла, сменившись странным изумлением.

Взгляд скользнул по лаковой поверхности футляра, игравшей бликами в свете фонарей. Она на мгновение сжала губы, сдерживая порыв сразу же обхватить его руками. Этот ход — передать документы, не спрашивая, поставив её перед фактом, — был чистым Ли Вэем. Не тем юношей из её прошлого, а следователем по особым поручениям, чья должность обязывала проверять и испытывать даже тех, кому он, казалось бы, доверял. Это была не просто игра на опережение — это была профессиональная привычка, вьёвшаяся в плоть и кровь. Привычка оставлять партнёрам лишь видимость выбора, всегда сохраняя последнее слово за собой.

Но сейчас, в этом безмолвном вызове, не было раздражения. Фэн Хуан шумно выдохнула, и из груди вырвалась короткая, почти невольная усмешка. Да, это напоминало игру — сложную, многоходовую, где каждая сторона проверяла прочность другой.

В следующее мгновение её руки уверенно обхватили футляр, придвигая его к себе. Она на мгновение прикрыла глаза, позволив себе наконец глубокий выдох.

«Он куда опаснее, чем я предполагала», — промелькнуло в сознании. Опаснее не как противник, а как... искушение. Как ключ к двери, которую она считала наглухо запертой. Он будил в ней то, что, как она была убеждена, умерло десять лет назад — ту часть её души, что ещё помнила, что значит доверять, чувствовать, быть уязвимой. И это пугало Фэн Хуан куда сильнее, чем любая открытая угроза.

12. Мера небесной гармонии в лунном свете

В течение следующего дня Ли Вэй не появлялся в восточном крыле, предоставив Фэн Хуан полное уединение. Его собственный график был расписан по часам: с рассвета он принимал доклады о новых нападениях пиратов на торговые караваны у побережья Линьхая, затем инспектировал укрепления порта и распределял дополнительные гарнизоны вдоль наиболее уязвимых участков.

Особое внимание он уделял тайной операции по внедрению своих людей в царство Шуйцзэ. Это коварное соседнее государство методично ослабляло Цзиньлин из тени, поддерживая пиратов и устраивая диверсии на торговых путях. Ли Вэй лично проинструктировал двух своих самых надёж-

НЫХ ПОМОЩНИКОВ:

— Чжу, тебе следует отобрать трёх человек из отряда «Теневых клинков». Они должны втереться в доверие к советнику Шуйцзэ под видом торговцев редкими специями.

— Янь, ваша группа отплывает с утренним приливом под видом рыбаков. Соберите сведения о передвижениях их флота у архипелага Острых Зубьев.

Пока Ли Вэй был поглощён государственными делами, Фэн Хуан получила долгожданную возможность без помех погрузиться в изучение документов. Она разложила свитки и записи на столе в строго продуманном порядке, создав собственную систему. Ближе всего лежала раскрытая тетрадь с личными выводами Ли Вэя — та самая, что он вёл с педантичной точностью.

— Даже древние легенды ты сумел разложить по логическим схемам, — тихо произнесла она, слегка качнув головой. С её губ сорвался короткий, почти невесомый смешок, в котором читалось невольное уважение к его методичному уму.

Фэн Хуан прерывалась лишь тогда, когда голод давал о себе знать настойчивым требованием. Она практически не покидала комнату, полностью погрузившись в лабиринт информации, собранной Ли Вэем.

Постепенно перед ней начала вырисовываться грандиозная картина. Веера оказались не просто картой в привычном понимании, а сложнейшим звёздным навигационным шифром, созданным для одного человека — Императора-Осно-

вателя Люй Хая. Именно он создал великую Морскую Империю Хай, эпоху беспрецедентного мира и процветания, где торговые пути надёжно охранялись могущественным флотом.

Но со смертью Люй Хая и исчезновением «Слезы Морского Дракона» начался неизбежный закат. Его преемники не смогли удержать наследие. Крупные провинции, военные губернаторы и аристократические кланы вступили в жестокую борьбу за власть. Великая Империя раскололась на Три Царства: Цзиньлин, Шуйцзэ и Мулин, погрузившись в пучину междоусобиц.

Фэн Хуан несколько раз перечитала заметки Ли Вэя о трёхуровневой защите навигационной карты. И именно тогда она обнаружила брешь — момент, где его логика, всегда безупречная, останавливалась перед неизвестным. Взяв кисть, она чётким почерком вписала на полях недостающую информацию о растительном веществе, способном проявлять невидимое. И в тот же миг пазл сложился.

Чтобы вскрыть второй уровень защиты, требовались познания в ботанике и алхимии. Это открытие поразило её до глубины души.

— Гениально... — вырвалось у неё шёпотом, полным благоговения. — Лунный свет как источник, жемчужины в роли линз, а теперь ещё и растительный порошок... Каждый уровень защиты обращён к разным граням знания.

Эта многослойная защита восхищала и одновременно

тревожила её. Император Люй Хай не просто скрыл путь к артефакту. Он будто бы устраивал проверку каждому, кто попытается его найти. Только тот, кто обладал знаниями в астрономии, ботанике и алхимии, мог разгадать эту головоломку.

Фэн Хуан поднялась из-за стола и начала медленно прохаживаться по комнате, ощущая тяжесть новой задачи. Её познания в ботанике ограничивались практическими знаниями о морских травах и ядовитых растениях побережья — для расшифровки замысла Императора-Основателя этого было катастрофически мало.

Они с Ли Вэем стояли перед необходимостью погрузиться в изучение растений, и это означало неизбежную отсрочку. Да, сегодня ночью он покажет ей звёздные проекции, но без нужного растительного компонента они останутся всего лишь красивым зрелищем.

Фэн Хуан замерла у окна, глядя на заходящее солнце. Месяц. Ровно столько времени у них было до следующего полнолуния. С одной стороны — целая вечность, учитывая, сколько опасностей могло подстергать её «Флотилию Призраков» за это время. С другой — ничтожно мало для поисков загадочного вещества, о котором они не имели ни малейших зацепок.

Мысли её метались, выстраивая и тут же отменяя планы. Где она проведёт этот месяц? Оставить «Флотилию Призраков» без капитана сейчас было бы верхом безрассудства. Лин

Юй не просто противник — он хищник, терпеливо выслеживающий добычу. Его флотилия «Нефритовый Коготь» давно точила зубы на её владения, а теперь, когда он узнал её главную тайну, угроза стала втрое опаснее. Каждая минута раздумий отзывалась внутренним напряжением — будто часы уже начали свой обратный отсчёт, безжалостно отмеряя время, которого и так было в обрез.

Фэн Хуан шла по вечернему саду в сопровождении бесшумного Чжи Сю. Управляющий, как тень, скользил на два шага впереди, освещая путь изящным фонарём, чей свет дробился о листву садовых деревьев. В руках Фэн Хуан был тот самый лаковый футляр — теперь уже отягощённый не только документами Ли Вэя, но и её собственными открытиями, аккуратно вписанными на поля.

Она шла не как гостья, а как союзник на военный совет. Сегодня им предстояло объединить её пиратскую смекалку и его следовательскую методичность в поисках ответа, скрытого в ботанических трактатах.

— Ты пришла раньше, чем мы договаривались, — в голосе Ли Вэя прозвучало неподдельное удивление, когда дверь за управляющим закрылась.

— Ты разве против? — Фэн Хуан приподняла бровь, ставя лаковый футляр на его стол с характерным стуком.

Уголки губ Ли Вэя дрогнули в почти незаметной усмешке, его взгляд скользнул с футляра на её лицо.

— Разумеется, нет, — парировал он. — Но ты бы не по-

явилась здесь заранее, если бы не было веской причины... — он намеренно сделал паузу, прежде чем произнести её новое имя с лёгким ударением: — Хуан.

— Есть вопросы, которые нужно решить до полуночи, — её тон был твёрдым и деловым.

— Неужели? — Ли Вэй удивлённо вздёрнул брови, но тут же жестом указал на резной стул, приготовленный для неё напротив. Фэн Хуан приняла приглашение, заняв место и положив руки на футляр.

— Император Цзянь-цзун знает об Императоре-основателе Люй Хае? — спросила она, не открывая ещё футляр.

— О том, что именно он создал единую империю, распавшуюся на Три Царства? — уточнил Ли Вэй. Получив кивок, он покачал головой. — Нет. Эти сведения я собирал по крупицам. Древние рукописи сильно пострадали от времени и небрежения. Ты же знаешь, предыдущие правители не слишком заботились о царских архивах.

— И ты умолчал? — Фэн Хуан замерла, впиваясь в него взглядом.

— Да, — ответил Ли Вэй без тени сомнения. — Такое знание могло бы всё усложнить. — Он сделал паузу, вспоминая тот момент, когда сложил все фрагменты в единую картину. Осознание истинного масштаба находки ударило его тогда с силой приливной волны. Стоило ему сообщить Цзянь-цзуну, что артефакт способен восстановить былое единство Трёх Царств, и император мог бы принять совсем иное ре-

шение.

Фэн Хуан медлила с ответом, пальцы её нервно постукивали по лаковой крышке футляра. Она взвешивала каждый возможный вариант, но правда была в одном — выбора у неё не оставалось.

— Изучая твои записи, — она откинула крышку и достала тетрадь, — я нашла пробел в твоих выводах. — На полях рядом с его аккуратными иероглифами виднелись её собственные пометки, сделанные твёрдым, решительным почерком. — Чтобы карта проявилась полностью, нужно растительное вещество, способное показать невидимое. Но ни намёка, что это за растение. Насколько глубоки твои познания в ботанике?

Ли Вэй откинулся на спинку стула, его взгляд ушёл в сторону. В тишине кабинета было слышно лишь потрескивание свечей.

— Не настолько, чтобы сходу назвать нужное растение, — наконец признался он. — Травы, которые я знаю, в основном те, что используются в медицине или... в расследованиях, для обнаружения ядов.

— Я так и думала, — Фэн Хуан с лёгким стоном выдохнула. — Значит, у нас есть месяц, чтобы выяснить, что это за растение, найти его и использовать в следующее полнолуние.

— Слишком мало времени... — задумчиво произнёс Ли Вэй, проводя рукой по подбородку.

— Я знаю, — голос Фэн Хуан на мгновение дрогнул, вы-

дав её напряжение. — Но другого у нас нет.

— Почему? — Ли Вэй мгновенно уловил эту слабинку. Он наклонился вперёд, и в его пристальном взгляде читалась вся острота следователя. — Что случилось, Хуан?

Фэн Хуан отвела взгляд. Просить помощи у него было горькой пилюлей, но глотать её приходилось.

— Когда я возвращалась на базу от Шэньгуаня, флотилия Лин Юя напала на мою. — Она снова посмотрела на Вэя, не отводя глаз. — Кто-то пустил слух, что веера уже похищены и находятся у одного из капитанов. — Она сделала паузу, давая ему понять намёк. Ли Вэй кивнул — он сразу понял, что это работа агентов Шуйцзэ.

— Продолжай, — попросил он ровным голосом.

— Во время боя... так вышло, — Фэн Хуан сделала глубокий вдох, — Лин Юй сорвал с меня маску. — Она резко подняла ладонь, пресекая его возможную реплику. — Он не оставит это просто так. Он будет использовать это знание. Но сначала он попытается разгромить мой флот и...

— Тебе нужно, чтобы имперский флот отвлёк «Нефритовый Коготь» на время наших поисков? — закончил за неё Ли Вэй.

— Да, — коротко кивнула Фэн Хуан.

— Я позабочусь об этом, — так же коротко ответил Ли Вэй.

Оставшееся время до полуночи они посвятили разработке стратегии. После долгих обсуждений сошлись на том, что

Фэн Хуан придётся ненадолго вернуться к своей флотилии — возможно, в пиратских преданиях и легендах, передаваемых из уст в уста, сохранились сведения о нужном растении. Вопрос с отвлечением Лин Юя Ли Вэй взял на себя: пока «Нефритовый Коготь» будет занят противостоянием с имперским флотом, его внимание хотя бы на время переключится с Фэн Хуан.

Когда до полуночи оставались считанные секунды, Ли Вэй встретился с Фэн Хуан взглядом:

— Веера?

— Здесь, — она достала из складок одежды узкий футляр и извлекла оттуда «Танец Феникса и Дракона».

В её пальцах замерли два веера — белый с фениксом и чёрный с драконом. Ли Вэй принял их, и на мгновение его пальцы коснулись её ладони. Затем он плавно раскрыл оба веера и поднялся. Жестом пригласив Фэн Хуан последовать за ним, он вложил раскрытые веера обратно в её руки, после чего встал за её спиной. Его руки мягко, но уверенно обхватили её запястья, направляя их к потоку лунного света.

— Сто тридцать семь с половиной градусов, — тихо произнёс он, найдя нужный угол.

Это была первая с момента маскарада такая близость. Запах её волос — тонкий аромат османтуса, смешанный с солёным дыханием моря — ударил ему в голову. Кровь заструилась быстрее, а сердце забилося с такой силой, что потребовалось настоящее усилие воли, чтобы голос оставался ров-

ным. Прикосновение к её коже вызвало давно забытое тепло, пробудив память тела, которую не смогли стереть годы.

Фэн Хуан замерла, когда он обошёл её и встал сзади. Её дыхание прервалось, и скрыть это было невозможно. Взгляд скользнул от перламутровых переливов вееров к его пальцам, обхватившим её запястья. По телу разлился непривычный жар. Его голос, прозвучавший совсем рядом с ухом, заставил её вздрогнуть и выйти из оцепенения.

— Сто тридцать семь с половиной градусов... «Мера небесной гармонии», — тихо выдохнула она, вспомнив сакральную геометрию, где это число означало гармонию между небом и землёй.

И в этот момент поверхность вееров замерцала. Ли Вэй, тоже заметивший свечение, чуть развернул свой корпус, направляя веера в сторону стены. Лунный свет, преломлённый через жемчужины, отбросил на поверхность призрачное серебристое сияние. Тонкие линии складывались в очертания архипелагов, морских течений и созвездий. Изображение было фрагментарным, обрывистым, словно карта с недостающими частями, но от этого зрелища у Фэн Хуан перехватило дыхание. Восхищение и трепет заставили её глаза расшириться, на мгновение стерев с её лица всю суровость и оставив лишь чистое изумление.

Они замерли, наблюдая, как призрачные линии пульсируют на стене, словно живая карта дышит в такт их сердцам. Затем Ли Вэй медленно разжал пальцы, отпуская её запя-

стья, и отступил на шаг назад.

Фэн Хуан беззвучно выдохнула, ощущая, как напряжение спадает с её плеч. Она опустила руки, и в тот же миг лунный свет соскользнул с поверхности вееров. Серебристые очертания на стене растаяли, оставив после себя лишь призрачное воспоминание. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием свечей и собственным учащённым сердцебиением, которое Фэн Хуан слышала теперь слишком отчётливо.

Она не поворачивалась к Ли Вэю, чувствуя, как жар на щеках постепенно уступает место привычной равнодушной маске. Но её пальцы сжали веера слишком крепко.

Ли Вэй отвернулся к столу, упираясь в него ладонями. Его плечи напряглись под тканью халата. Он сделал глубокий, беззвучный вдох, прикрыв глаза, пытаясь обрести контроль над дыханием, что сбилось от близости и воспоминаний, что нахлынули с новой силой. Ему потребуется вся его хваленая выдержка, когда он окажется на её корабле, в её мире, где каждый день будет испытанием на прочность. Но решение оставалось непоколебимым. И отступить Ли Вэй не собирался.

13. Цветок Драконьего Сна

После полнолуния луна медленно пошла на убыль, отсчитывая отведённое им время. Месяц. Ровно столько было у Ли Вэя и Фэн Хуан, чтобы раскрыть тайну растительного вещества и сделать следующий шаг к артефакту. Но их спешка определялась не одним лишь нетерпением.

Каждый из них был зажат в тисках своих обязательств. Ли Вэй, как следователь по особым поручениям, нёс прямую ответственность перед императором Цзиньлина. Хотя правитель и дал согласие на рискованный союз с пиратами, его терпение не было безграничным. Двор ждал быстрых результатов, ощутимых доказательств того, что эта необычная коалиция работает.

У Фэн Хуан над головой нависла угроза куда более личная

и немедленная. Лин Юй, капитан флотилии «Нефритовый Коготь», теперь владел её секретом. Знание того, что Капитан-призрак — женщина, было кинжалом, который он мог обнажить в любой момент, чтобы подорвать её авторитет или выставить её лёгкой мишенью для насмешек и нападок. Каждый день бездействия давал ему время на подготовку удара, который мог уничтожить всё, что она построила.

Ли Вэй и Фэн Хуан договорились, что для достижения цели им придётся разделиться. Это было рискованно, но неизбежно. Пути поиска информации лежали в разных мирах. Ли Вэй углубится в пыльные архивы библиотеки и канцелярий, взывая к мудрости, записанной чернилами на свитках. Фэн Хуан же вновь обратится к живому знанию — будет искать среди седовласых, выдавших виды морских волков, чья память хранила легенды, не попавшие ни в один официальный фолиант.

Ли Вэй не забыл просьбу Фэн Хуан. Открыто направить против пирата имперские корабли он не мог — слишком много вопросов возникло бы. Вместо этого он вызвал к себе своего самого надёжного помощника Чжу и старого моряка Шэнь Бо.

— «Нефритовый Коготь» нужно занять, — без преамбулы начал Ли Вэй, когда они вошли в его кабинет. — Но так, чтобы наше участие осталось невидимым. Никаких флагов империи на горизонте, никаких указов с императорской печатью. Понятно?

— Понятно, господин, — кивнул Чжу, его узкие глаза уже просчитывали варианты. — Нанять вольных стрелков? Безродных капитанов с поддельными бумагами?

— Именно. Шэнь Бо, — Ли Вэй повернулся к старому моряку, — ты знаешь людей, которые сделают дело и не проговорятся. Тех, кто дерётся грязно и любит золото больше, чем свою репутацию.

Шэнь Бо, хрипло кряхтя, кивнул, почесав седую щетину на подбородке.

— Таких найдётся с дюжину в каждой прибрежной луже. Их задача?

— Не топить корабли Лин Юя, а... потрепать им паруса, — холодно пояснил Ли Вэй. — Пусть каждый день приносит ему новую, мелкую, но досадную потерю.

Чжу одобрительно прищурился:

— Сделать вид, что это разборки между самими пиратами. Обычная грызня за влияние.

— Именно так, — подтвердил Ли Вэй.

— Поняли, господин, — в один голос ответили оба. — Никаких следов к вам.

Ли Вэй кивнул, и они удалились. Через час Шэнь Бо уже вёл переговоры в душной портовой таверне, а Чжу готовил фальшивые бумаги и вымышленные легенды для наёмников. Цель была проста: опутать Лин Юя невидимой сетью мелких, но изнурительных проблем, заставив его оглядываться на собственную тень, а не на горизонт, где могла быть Фэн

Хуан.

Фэн Хуан, едва вернувшись в «Лагуну Разбитого Копья», собрала в своей резиденции небольшую, но проверенную группу. В неё вошли Ю Мо — за его хладнокровие и умение видеть суть, У Шэн — за его способность растворяться в любой толпе и выуживать слухи, и Лэн Гэн — чья преданность и интуиция были непоколебимы.

— Ли Вэй дал слово, что отвлечёт внимание Лин Юя, — сказала она, обводя их взглядом, — но слов недостаточно. Лин Юй — не тот, кто ждёт удара. Он уже начал свою игру из тени.

Задачи она поставила чётко: нужно было узнать, чем именно занят капитан «Нефритового Когтя». Какие слухи он запускает в портовых тавернах и на чёрных рынках? С кем из других капитанов, местных чиновников или контрабандистов пытается сблизиться? Кого подкупает, а кого запугивает?

— Его сила — в интригах и информации, — резюмировала Фэн Хуан, и в её голосе прозвучала стальная уверенность. — Он узнал мою тайну. Сейчас он ищет, как превратить её в оружие. Вы должны узнать, куда он направляет это оружие, прежде чем он нанесёт удар.

С Бай Ином у Фэн Хуан была отдельная, тайная договорённость. Он не вернулся с ней в лагуну, а остался в Линьхае, получив задание, которое мог выполнить только он, — полностью вскрыть дела семьи Цзи. Фэн Хуан знала, что легаль-

ная торговля её тётки Инлун и её мужа, Цзи Кэдао, должна была трещать по швам. Ведь её «Флотилия Призраков» годами методично грабила их корабли, оставляя команды в живых, но забирая каждый ценный груз. Вопрос был в другом: на что же тогда жила семья? Откуда брались средства на содержание поместья, слуг, роскошь? Значит, существовал другой, скрытый источник дохода — и Фэн Хуан намеревалась его найти.

Бай Ин тихо вздохнул. Бросать капитана, когда она уходила в море, было против его природы.

— Фэн-ван... остаться здесь, пока вы там... — он не договорил.

— Твоё место здесь сейчас важнее, чем на палубе, — перебила она, но в её глазах мелькнуло понимание. — Эта информация может стать нашей главной силой против них. Найди её.

Приказ был приказом, и он, мастер перевоплощений и ушлый собиратель слухов, понимал его важность лучше кого бы то ни был. У него уже были первые ниточки — обрывки разговоров, подслушанные в портовых кабаках, имена подозрительных контрагентов, записанные после той разведки у стен поместья Сюэ. Но этого было каплей в море. Чтобы докопаться до истины, нужно было не просто собирать слухи, а внедриться в самые тёмные уголки финансовой паутины Линьхая — наладить контакт с менялами, подкупить канцелярских крыс, проследить за курьерами. Эта работа требо-

вала времени, терпения и полного растворения в городской жизни, чего он не мог позволить себе, находясь рядом с капитаном на корабле.

На этот раз Ли Вэй не отбыл в столицу. Он остался в Линь-хае, практически поселившись в городских архивах и частных библиотеках, доступ к которым даровало его положение. Дни напролёт он проводил за изучением манускриптов разных эпох: трактатов по ботанике, алхимическим рецептам, собраниям морского фольклора и древним руководствам по тайнописи.

Порою на его губах появлялась горьковатая усмешка, когда он выписывал особо интересные моменты. Как следователь по особым поручениям, он должен был разбираться в тайнописи, но за долгие годы практика свелась к расшифровке обычных шифров и поддельных печатей. Более же тонкие, почти мистические знания, передававшиеся из поколения в поколение учёных, оказались утрачены — размыты кровавыми междоусобицами двух предыдущих правлений, когда борьба за трон была важнее сохранения знаний. Император Цзянь-цзун, придя к власти, начал кропотливо восстанавливать утраченное, но некоторые сведения канули в Лету безвозвратно.

Однажды, в тишине, специально отведённой для него комнаты в главной библиотеке, его взгляд зацепился за строчку в потрёпанном манускрипте алхимика давно ушедшей эпохи:

«Для проявления невидимого — ищи дыхание Луны в каменной утробе Моря. Опаловый цветок, что светится в ночи, но увядает на заре...»

Слова отозвались эхом в его памяти. Ли Вэй тут же отыскал «Хроники Прибрежных Княжеств», где среди моряковских суеверий упоминался «Цветок Драконьего Сна» — растение, якобы растущее лишь в морских пещерах и охраняемое духами глубины.

Медленно, как пазл, в его уме начала складываться гипотеза. Для проявления второго слоя карты требовалось не просто растительное вещество, а конкретный цветок — редкий, эфемерный, чья пыльца или нектар обладали уникальными свойствами. Он рос там, где соединялись две стихии: камень (пещеры) и море. Но где именно? Побережье Трёх Царств было изрезано сотнями гротов и подводных лабиринтов. Искать нужную пещеру без более точных указаний было всё равно что искать иголку в стоге сена на дне океана.

Фэн Хуан времени зря не теряла, но на этот раз ей пришлось действовать с удвоенной осторожностью. Слухи, будто веера «Танец Феникса и Дракона» находятся у Капитана-призрака, уже ползли по пиратским тавернам, как ядовитая плесень. Она без труда вычислила источник — Лин Юй. Пока что её репутация и неприступность «Лагуны Разбитого Копья» держали хищников на расстоянии, но в воздухе витало напряжение, плотное и зловещее, как предгрозовая тишина. Фэн Хуан чувствовала, как под ногами зреет земле-

трясение — рано или поздно кто-то рискнёт на удар, соблазнённый обещанием легендарной силы.

Именно в этот момент её разведчики вернулись с первыми плодами. Новости были тревожными, но информативными. Во-первых, Лин Юй, похоже, был занят отражением серии внезапных, досадных нападений на свои тылы — что-то, напоминающее работу наёмных грызунов. Во-вторых, и это было куда важнее, он вёл активные переговоры с тремя другими капитанами: Лао Цю, Хай Дунем и Мэн Шэ.

Услышав эти имена, Фэн Хуан усмехнулась — звук был низким, почти рычанием.

— Смотри-ка, играет по-крупному... — прошипела она про себя.

Она знала их всех. Лао Цю был старым морским волком, грубым и практичным до мозга костей. Его не интересовали легенды — лишь тяжёлые сундуки и выживание своего экипажа. Он уважал грубую силу и презирал всё, что от неё отвлекало. Хай Дунь, бывший офицер береговой стражи, осуждённый по ложному обвинению, сохранил военную выправку и тактический ум. Он был опасен не яростью, а дисциплиной. Но самым тревожным звеном в этой цепи был Мэн Шэ. Его происхождение окутывала тайна, а специализация — яды, диверсии и бесшумные похищения — делала его орудием точечного и беспощадного удара. Его люди не шли на abordаж с криками — они просачивались в трюмы как тень.

Лин Юй собирал не просто союзников — он собирал инструментарий. Лао Цю для грубой силы, Хай Дунь для тактики, Мэн Шэ для удара в спину. Это означало, что его планы были далеко идущими и предельно конкретными. И Фэн Хуан понимала — целью этого нового альянса была она.

Фэн Хуан не собиралась отступить от своего плана ни на шаг. Пока Лин Юй плёл сети, она методично искала ключ к разгадке — того, кто знал бы о загадочном растении.

Шэньгуань, увы, не смог помочь во второй раз. Выслушав её, старик лишь покачал седой головой.

— Мои знания заканчиваются там, где начинается «дыхание камня под водой», — сказал он с тихой досадой. — Но есть один... Ши Цюань. Штурман, а ныне отшельник. Он избородил моря так, как никто. Если кто и знает о таких вещах, так это он.

Наводка привела её к острову Костяного Звона — уединённому клочку суши вдали от основных торговых путей, входящему в состав дикого архипелага. Своё мрачное название остров получил из-за ветра: пронизывая бесчисленные природные каменные арки и гроты, он издавал протяжный, похожий на похоронный звон или стон, звук, от которого стыла кровь.

Это место было временной стоянкой, перевалочным пунктом и прибежищем для тех пиратов и контрабандистов, кому нужно было исчезнуть из поля зрения — будь то власти или конкуренты. Здесь не было никакого закона, кроме гру-

бой силы и негласного перемирия, которое действовало ровно до тех пор, пока последний из пришлых не покинет берег. Воздух был солёным и сырым от молчаливой угрозы. Каждый, кто сюда попадал, знал — вопросы здесь задают только те, кто готов платить за ответы железом или золотом.

В таверну «Глоток перед пропастью» Фэн Хуан вошла в сопровождении Лао Хэя, Цзян Чжэня и Ду Хая. Нижняя часть её лица, как всегда, была скрыта маской, а голос, когда она говорила, звучал нарочито хрипло и низко, с лёгкой сипотцой, которую она отрабатывала годами. Воздух в помещении был спёртым от запаха дешёвого, мутного шаоцзю, пота и морской соли.

Они нашли Ши Цюаня в углу, где старый штурман, сгорбившись над столом, неспешно потягивал крепкую, жгучую настойку. Его руки, покрытые шрамами и татуировками, уверенно держали чашку.

Фэн Хуан без лишних слов опустилась на табурет напротив. Её спутники встали позади, образуя молчаливый, но ощутимый барьер.

— Ши Цюань, — её голос прозвучал тихо, но отчётливо, искусственная хрипота скрывала природный тембр. — Говорят, ты знаешь моря лучше, чем свои ладони.

Старик медленно поднял на неё мутноватый взгляд, оценивающе окинул её и её людей.

— Знаю, — хрипло пробурчал он. — А ещё знаю, что такие визиты редко сулят что-то хорошее. Чего надо, капитан?

— Информация. О цветке, что растёт в морских пещерах и светится в темноте, — прозвучал низкий, намеренно бесцветный голос из-под маски. Эта ниточка пришла к ней не из пиратских сказаний, а в лаконичной, зашифрованной весточке от Ли Вэя.

Ши Цюань фыркнул, отхлебнул своего пойла.

— Сказки. Бредни старых моряков, чтобы молодняк пугать.

— Для ценных сведений найдётся и достойная плата, — продолжила Фэн Хуан, положив на стол небольшой, но тяжёлый мешочек. Звук, которым он лёг на дерево, говорил сам за себя.

Старик на мгновение замер, его взгляд задержался на мешочке, затем снова поднялся на маску Фэн Хуан.

— Проклятье на свою голову ищешь, — прошипел он, но уже без прежней бравады. Он потянулся за напитком, но рука его дрогнула — не от страха, а от давнего воспоминания. — Ладно. Капитан... слышал я в молодости... на «Поющих Утёсах», там, где волны гудят, как трубы, а пещеры чернее могилы, растёт диковина. Цветок, что светится лунным светом. Старики говорили — это драконы дышат, трогать нельзя, а то буря насмерть забьёт. Брехня, конечно... — он махнул рукой, но в его глазах мелькнула тень настоящего суеверного страха, — но место то гиблое, никто туда не суётся... И слава Небесам.

***

После сокрушительного поражения от Капитана-призрака Лин Юй затаился. Неделю его флотилия «Нефритовый Коготь» не показывалась на основных торговых путях. Это было время для зализывания ран — и буквальных, и метафорических.

В уединённой бухте кипела работа: плотники латали пробоины, смолили такелаж, зашивали изорванные паруса. Но главной заботой была рана на предплечье самого Лин Юя — глубокая, оставленная клинком Фэн Хуан. Первые дни лекарь применял холодные компрессы из отвара хризантемы и жимолости и прикладывал пасту из корня лопуха и куркумы, но воспаление не спадало. Когда рана начала «портить плоть», был вызван опытный лекарь-хирург.

Тот, осмотрев повреждение, мрачно констатировал:

— Огонь яда сильнее огня лекарства. Нужен огонь железа.

Процедура была суровой. Хирург раскалил на древесном угле серебряную иглу для огненного иглоукалывания. Быстрыми, точными движениями он прижёт воспалённые края раны, чтобы остановить распространение порчи. Лин Юй, стиснув зубами кожаный ремень, лишь хрипло выдохнул, его тело покрылось холодным потом. Затем врач аккуратно удалил омертвевшие ткани специальным ложечковым скальпелем и промыл рану едким спиртовым настоем мирры и ладана, дымящимся и пахнущим смолой. Для дренирования он вложил в неё тонкую полоску шёлка, пропитанную пастой из реальгара — ядовитого для заразы, но спасительного для

плоти минерала.

После этого рану засыпали порошком из корня пиона и коры корицы для роста новой плоти и перевязали стерильным шёлком, пропитанным мёдом и крепким рисовым вином. Внутри Лин Юй трижды в день принимал горький как полынь отвар — противоядие от внутреннего жара, и настойку женьшеня, чтобы поддержать истощённую борьбой с болезнью ци.

Физическая боль постепенно отступала, уступая место ясности и холодной ярости. Сидя в каюте с тяжело заживающей, но чистой раной, Лин Юй строил планы. Теперь это была не просто вражда — а личная война. И в этой войне он намеревался использовать все средства.

Первым делом Лин Юй выпустил своё самое острое оружие — слово. Через верных людей в каждой крупной пиратской таверне до самых диких бухт поползли ядовитые слухи. Сначала прямой и соблазнительный:

— Те самые веера «Танец Феникса и Дракона» уже в руках Капитана-призрака. Он нашёл ключ к «Слезе Морского Дракона» и держит путь к ней в тайне ото всех.

Затем, когда жадность и зависть были разожжены, последовали слухи более тонкие, подрывающие основы:

— «Флотилия Призраков» больше не довольствуется своей долей. Они диктуют, кому и где можно охотиться. Мои два корабля они отогнали от жирного каравана у мыса Каменного Стража просто потому, что «это теперь их вода».

Завтра они приплывут к вашим берегам.

А в довершение, с показным страхом и панибратством:

— Слыхали? Капитан-призрак собирает новый флот. Не для поиска сокровища, а, чтобы установить свои порядки на всех морях. Скоро мы все будем просить у него разрешения просто поднять парус.

Расчёт был точен: посеять зерно сомнения, страха и алчности. Однако пиратские капитаны, хоть и ворчали в своих каютах, не спешили поднимать паруса для атаки. Репутация Капитана-призрака как непобедимого тактика и зловещая слава его базы — «Лагуны Разбитого Копья», куда без лоцмана-призрака не мог войти ни один чужой корабль, — всё ещё действовали как ледяная вода на самые горячие головы. Пока что слухи лишь создавали гулкое, тревожное напряжение в воздухе, будто натянутую тетиву.

Но главную свою добычу — личность Капитана-призрака — Лин Юй пока держал при себе, как последний козырь. Это знание жгло его изнутри, но выложить его на стол означало проиграть в другом.

Ведь по всем пиратским тавернам уже гуляла горькая для него весть: «Нефритовый Коготь» был разбит «Флотилией Призраков» в открытом море. Его, Лин Юя, отбросили с потерями, чуть не потопили флагман. Это ударило по его репутации сильнее любого шторма — в мире, где сила и победа были единственной валютой уважения.

И если бы он теперь заявил, что его победила... женщина?

Его бы не просто подняли на смех. Его бы освистали в каждом портовом кабаке. От его имени шарахались бы как от чумы. Влияние, которое он выстраивал годами через страх и силу, рассыпалось бы в прах. Он стал бы не грозным капитаном, а посмешищем, басней о том, как «Лин Юя побила девчонка». Этот позор был бы хуже смерти.

Поэтому он молчал, вынашивая тайну как яд замедленного действия. Пусть сейчас все думают, что он проиграл равному противнику. Эта иллюзия хоть как-то сохраняла его лицо. Но в тишине своей каюты он клялся, что однажды заставит Фэн Хуан заплатить за это вдвойне — и за рану на руке, и за ту, невысказанную, рану в его гордыне.

Ядовитые слухи, которые Лин Юй методично сеял через своих людей, наконец начали приносить первые плоды. Признаком этого стала возможность поговорить начистоту с Лао Цю — старым, как сами скалы, капитаном, чьё уважение покупалось только реальной выгодой.

Лин Юй нашёл его в дымной таверне «Ржавый якорь», где тот, откинувшись на стуле, тянул из чашки крепкую, пахнущую дрожжами и полынью настойку. Лин Юй опустил ся напротив, отодвинув пустую кружку.

— Моим людям последнее время не дают покоя, — начал он, не повышая голоса. Говорил он не о слухах, а о конкретной, досадной проблеме, которая мучила его самого. — То вёсла ночью пилят, то воду в цистернах портят. Мелкие пакости, а сил отнимают больше, чем открытый бой. И знаешь,

в чём подвох? — Он сделал паузу, глядя прямо в мутные глаза старика. — Все шишки валят на «Призраков». Говорят, это их почерк — изматывать, нервировать, прежде чем нанести удар.

Лао Цю хмыкнул, поставив чашку с глухим стуком.

— У всех сейчас нервы на пределе, — буркнул он. — Особенно с этими сказками про «Слезу». Все носятся как угорелые, а Капитан-призрак, видать, решил, что пора всех остальных поставить на место. Дурацкая игра.

Лин Юй уловил в его тоне не просто раздражение, а усталость от этой невидимой войны. Это была его точка входа.

— А если я предложу не нить, а прекратить эту игру? — спросил он, понизив голос до доверительного шёпота. — Разом. Если ты примешь моё предложение, всё, что плавает под флагом «Призраков» — корабли, грузы, оружие — станет твоим. Я беру только ту самую «безделушку», из-за которой весь этот переполох. Только представь их склады, старина. Десятилетиями копили. — Он дал этой картине повисеть в воздухе. — А потом... вода снова станет спокойной. И титул того, кто укротил самого неуловимого капитана, будет стоить дороже любого золота.

В глазах Лао Цю, обычно бесстрастных, как морская галька, промелькнул тот самый холодный, алчный блеск, которого ждал Лин Юй. Охотник учуял добычу.

— Хм. Ловко подмечено, — проскрипел старик. — А тебе-то что с этого, кроме игрушки и пары лишних монет?

— Удовольствие от хорошо сделанной работы, — с лёгкой, едва уловимой ухмылкой ответил Лин Юй. — И уверенность, что после этой победы мой голос при дележе любого другого каравана... будет звучать весомее. Мы расчистим стол. Обоим на пользу.

Лао Цю долго молчал, его взгляд блуждал где-то за спиной Лин Юя, будто он прикидывал не только богатства, но и риски. Наконец, он медленно, по-стариковски, кивнул. Его не волновали ни легенды, ни амбиции. Его мир сводился к полным трюмам, свободным путям и почёту, который держится на страхе. Лин Юй предлагал всё это — и даже давал видимое оправдание для войны. Грубая, мозолистая ладонь старика протянулась через стол. Сделка была заключена.

Следующая встреча была назначена в месте, которое сам Мэн Шэ выбрал в качестве ответа на приглашение — на заброшенном маяке, чья разбитая башня вонзалась в ночное небо, как кость в горле у моря. Лин Юй, поднимаясь по скрипучим ступеням, чувствовал, как его собственная, ещё не зажившая рана пульсирует в такт шагам.

Мэн Шэ стоял неподвижно у разбитого фонаря, его тёмный халат сливался с тенями так, что казалось, будто в полумраке висит лишь бледное, отчуждённое лицо и повязка, скрывающая глаз. Лин Юй, выдавший всякое, почувствовал, как по спине пробежал холодок. Этот человек был опаснее любой бури.

— Ты позвал, Лин Юй, — голос Мэн Шэ был тихим,

почти шёпотом, но каждое слово падало в тишину с весом свинцовой печати. — Говори. Моё время ценно, а ночь коротка.

Лин Юй подавил порыв начать с обычных пиратских угроз или посулов.

— Ты слышал, конечно, — начал он, стараясь, чтобы его голос звучал ровно, — о неуловимости «Призраков». Никто не знает, как они появляются и исчезают. Никто не видел лица их капитана. Их сила — в тайне. В том, что их нельзя найти.

Мэн Шэ не шевельнулся.

— Это знает каждая портовая крыса, — его губы едва дрогнули. — Ты привёл меня сюда, чтобы констатировать очевидное? Говори дело или иди своей дорогой.

Внутри у Лин Юя всё закипало от ярости — он держал в руках величайший секрет и не мог им воспользоваться. Сказать правду сейчас значило не только раскрыть последний козырь, но и выставить себя посмешищем — капитаном, которого победила женщина.

— Я предлагаю партнёрство, — продолжил он, заставляя свой голос звучать почтительно, хотя каждая клетка его тела протестовала против этой лести. — Мне нужен специалист твоего уровня. Тот, кто может найти то, что не хочет быть найденным. — Он выдержал паузу, вглядываясь в неподвижное лицо Мэн Шэ. — А в награду... ты получишь то, чего не добивался ещё никто. Право сорвать с него маску. Снять

трофей, который не брал ни один капитан. Доказать, что даже самая охраняемая тайна в этих морях — не устоит перед тобой.

Мэн Шэ медленно поднял руку и начал барабанить костяшками пальцев по собственному плечу. Тикающий, неровный звук нарушал ночную тишину.

— Это вся моя плата? — его вопрос повис в воздухе, острый и холодный.

— Всё, что найдёшь в его личной каюте. Карты, дневники, секреты. И право первого вопроса, когда мы возьмём капитана живым. Для тебя это ведь не просто добыча, — Лин Юй позволил себе лёгкую, почти незаметную ухмылку. — Это трофей. Доказательство твоего мастерства. Что нет такой тайны, которой ты не мог бы овладеть.

Уголок рта Мэн Шэ дрогнул в чём-то, что можно было с натяжкой назвать улыбкой. В его мире, где информация ценилась выше золота, а нарушение чужих границ было высшей формулой власти, это предложение было идеальным. Его мотивация была не в богатстве, а в обладании — в том, чтобы сделать чужую глубочайшую тайну своим инструментом. Лин Юй, сам будучи мастером манипуляций, угадал эту струну безошибочно. Без единого звона монеты сделка была заключена. Тихий убийца вошёл в игру.

Лин Юй сидел в строгой, почти аскетичной каюте флагмана «Громовая Стена». Хай Дунь, бывший офицер, слушал, выпрямив спину.

— «Флотилия Призраков» — это не флот, это болезнь, — начал Лин Юй, его тон был ровным и деловым, как донесение. — Они нападают из тени и растворяются в ней. Нет строя, нет кодекса, один лишь хаос. Я предлагаю не сходку, а военную операцию.

Он разложил на столе схему, на которой стрелками и значками были обозначены роли, будто перед штабным совещанием.

— Твой флот — «Громовая Стена», «Волнорез», «Прибой» — будет главным кулаком и щитом. Мои корабли отвлекут и рассеют их внимание. А Мэн Шэ со своими людьми ударит по самому уязвимому — по тылам.

Хай Дунь молча изучал схему, его тяжёлый взгляд скользил по линиям.

— Ты описываешь их как болезнь, — наконец произнёс он, и его голос, низкий и размеренный, заполнил каюту. — Но болезнь лечат, а не вырезают мечом. В чём твой план лечения, Лин Юй? Просто разбить их в море — и они снова вырастут, как сорняк.

— Мы не просто разобьём, — парировал Лин Юй. — Мы ломаем их миф. Ты, твоя дисциплина, твой безупречный строй — вы покажете всем, что против настоящей силы их хитрости — прах. Ты восстановишь порядок. Силу — против силы, флот — против флота. А после, когда дым рассеется, те, кто останется на этих водах, будут уважать новые правила. Правила, которые установим мы с тобой.

Хай Дунь медленно поднял на него взгляд. В его глазах не было ни алчности, ни азарта — лишь холодная, аналитическая оценка.

— Ты говоришь, как штабист, — заметил он. — Это хорошо. Хаос рождается от глупости, порядок — от расчёта. Ты будешь мозгом этой операции. — Он ткнул пальцем в схему, в центр, где был обозначен его собственный флагман. — А я буду её кулаком. Но знай: если твой расчёт окажется ошибочным, если план даст трещину... — Он замолчал, и в тишине его недоговорённость прозвучала громче любого крика. — Я раздавлю и «Призраков», и того, кто завёл меня в тупик. Понятно?

В этих последних словах был ясный, недвусмысленный намёк. Угроза была направлена не только на возможный провал, но и лично на Лин Юя. Хай Дунь давал понять: в этой игре нет неприкосновенных, и, если мозг окажется слабее кулака, он будет разбит первым. Лин Юй кивнул, не отводя глаз.

14. Свет фонарей и тень прошлого

Бай Ин не знал прошлого Фэн Хуан. Не знал её настоящего имени, не ведал о жизни Сюэ Лань. Для него она всегда была Фэн-ван — капитаном, возникшим из дыма и крови, королём Фениксом. Легенду её возвышения он слышал от старых моряков, и она обрастала подробностями с каждым пересказом.

Известно было, что началось всё с позорного положения — рабыни на корабле старого капитана. Но даже в трюме её выделяли острый ум и грамотность. Её сделали писарем, затем счётным мастером, а позже — советником по «жирным целям», чьи знания о знатных семьях и торговых путях превращали рискованные набеги в точные удары.

Перелом случился в кровавой засаде у архипелага «Песни

Русалок». Имперский дозорный фрегат государства Шуйцэ настиг их корабль «Морская Тень». Капитан пал одним из первых, сражённый шквалом арбалетных болтов. На палубе воцарился хаос — кто-то метался, кто-то готовился прыгать за борт. И тогда из-под навеса, где она вела счёт добыче, раздался не женский, а командный, рвущий глотку крик:

— Паруса на восток, к рифам «Бурых Зубьев»! Их корабль сядет на мель! Второй отряд — тушить пожар у отсека с порохом, если хотите жить!

Её приказ был настолько безошибочным, таким единственно верным в водовороте паники, что экипаж механически повиновался. Корабль, объятый дымом, рванул в сторону коварных подводных скал, где большой военный фрегат не мог последовать. Они вырвались.

Когда дым рассеялся, уцелевшие, обожжённые и окровавленные, смотрели на неё. Среди них был и Лао Хэй — тогдашний штурман и человек, чьё слово значило почти столько же, сколько приказ погибшего командира. Он шагнул вперёд, отеснив нерешительно роптавших. Его лицо было чёрным от копоти, а в глазах горело холодное понимание.

— По старому морскому закону, — его голос, низкий и хриплый, прорезал тишину, — тот, кто повёл корабль в бою и спас ему жизнь, берёт на себя команду. Корабль и люди теперь твои. Веди. — Он не просил и не предлагал. Он констатировал факт, давая своим авторитетом легитимность её лидерству в глазах оставшейся команды.

Но не все были готовы склонить голову. Вызов бросили трое: закалённый боцман и двое его приспешников. Фэн Хуан приняла его. Сначала — в споре, где её логика и знание тактики разбили их аргументы. А затем, когда словам пришёл конец, — в открытом поединке на скользкой, залитой кровью палубе. Она не победила грубой силой — она переиграла их. В решающий момент, когда казалось, что мощь боцмана вот-вот сломит её, Лао Хэй одним движением перехватил удар, направленный ей в спину от одного из приспешников, и сбросил предателя за борт. Этот жест был понят всеми без слов. Последнего противника она обезоружила хитрым финтом, который позже стал легендарным среди её людей.

И тогда Фэн-ван установила новые законы. Не пиратский беспредел, а устав.

Добыча делится честно: доля капитана, доля офицеров, доля рядовых, доля на ремонт корабля. Пленных не пытаться и не убивать. С богатых — выкуп, бедняков и мелких торговцев — отпускать с водой и провизией. На корабле запрещались азартные игры на всё имущество (главная причина драк) и пьянство в дозоре.

Эти правила, строгие, но справедливые, стали магнитом для особого сорта людей — для тех моряков, кто устал от хаоса и алчности, кто искал не просто добычи, а порядка, братства и капитана, за которым можно идти не только из страха, но и из уважения. Так родилась «Флотилия Призра-

ков», и так Фэн Хуан из рабыни и писаря стала Фэн-ван.

Когда Фэн Хуан оставила его в Линьхае с поручением докопаться до семьи Цзи, Бай Ин сразу понял — дело пахнет не просто любопытством. Но спорить с капитаном и выпытывать мотивы было не в его правилах. Перед ним стояла чёткая задача, и он должен был её выполнить, используя свои главные таланты — перевоплощение и умение слышать то, о чём не говорят вслух.

Он начал с порта — с самого дна пищевой цепочки, где его уличная смекалка и знание языка теней давали ему неоспоримое преимущество. Он не задавал прямых вопросов, где его могли запомнить. Вместо этого он наблюдал, подбрасывал в разговоры нужные реплики и ловил обрывки фраз, плывущие в дымном воздухе портовых кабаков.

На третий день Бай Ин, перевоплотившись в матроса с южным акцентом, только что сошедшего с корабля и жаждущего спустить жалованье, ловко втёрся в компанию подвыпивших грузчиков и ночных сторожей. Его «входным билетом» стал глиняный кувшин крепкой, душистой настойки, купленной у самого причала. Он разлил её по чашкам с таким простодушным «на радостях от первой выдачи!», что никто не стал отказываться.

Его речь была немного замедленной, движения — развязными, а в глазах горел тот самый беззаботный огонёк, что располагает к болтовне.

— Эх, а вот на Складе Восьмом, у Цзи, работа — не

пыльная, — хвастался один из грузчиков, уже изрядно набравшийся. — Разгрузил ночью ящик — и отдыхай три дня. Только и смотри, чтоб эти их «фарфоровые вазы» не разбились.

— Вазы? Ночью? — Бай Ин фальшиво рассмеялся, покачиваясь на табурете. — Да вы, дядя, шутите! Кто фарфор в потёмках грузит? Света не видно!

— Ясно кто! Цзи Кэдао, говорю же! — грузчик отмахнулся, как от назойливой мухи.

— Там не только вазы, — хрипло вклинился в разговор ещё один, помолчавший до этого. — Я там и лошадей видел! Добротные, боевые, не иначе.

— Да они же стоят целое состояние! — присвистнул Бай Ин, разыгрывая изумление. — Но разве это не запрещено?!

— Если тебе нужен запрещённый товар, — проскрипел первый грузчик, наклоняясь к нему так близко, что Бай Ин почувствовал запах перегара, — закажи у Цзи Кэдао, он тебе привезёт.

— Ага, как и увезёт, — грубо рассмеялся второй, обмениваясь с первым многозначительным взглядом.

— Это как это? — сыграл под полного дурачка Бай Ин, притворно хлебнув из своей чашки.

— Живой товар, парень, — хлопнул его по плечу первый грузчик, и его всего передёрнуло. — Отдалённый двенадцатый склад. — Он понизил голос до шёпота. — Только охрана там не портовая. Наёмники. Глазастые, злые.

— Почему об этом никто не узнал до сих пор? — Бай Ин наигранно выпучил глаза, изображая простодушный ужас.

— Ну, а то ты не догадываешься, малец, а! — грузчик хлопнул его по плечу уже с пьяной фамильярностью.

Бай Ин догадывался. И очень хорошо. Он лишь едва заметно усмехнулся в свою чашку. Когда есть те, кто за звонкую монету готовы покрывать тёмные делишки, бояться нечего. До определённого момента.

К концу вечера у Бай Ина сложилась первая картина: Склад № 12 — ключевой пункт для особых, явно нелегальных грузов. Охрана — частная, но не элитная, возможны «слабые звенья» в виде обиженных на низкую плату. И самое главное — расписание: основные операции проводились по ночам.

Облачившись в тёмную одежду, чтобы слиться с ночной мглой, Бай Ин отправился к указанному складу. Место оказалось на отшибе портовой зоны, обнесённое высоким частоколом, но именно эта удалённость и делала его идеальным для тёмных дел. Он не стал подбираться близко к воротам, где маячили недремлющие фигуры охранников. Вместо этого он, как тень, обогнул периметр и бесшумно забрался на одно из раскидистых деревьев на пригорке, откуда открывался вид на внутренний двор.

Он замер в листве, превратившись в часть ночи, и начал своё наблюдение. Сначала ничего не происходило, лишь изредка проходил патруль. Но ближе к глухой полуночи у во-

рот послышался приглушённый скрип колёс. Одна за другой к складу подъехали несколько повозок, запряжённых усталыми лошадьми.

В тусклом, желтоватом свете фонарей, что скупо освещали путь от ворот до дверей склада, Бай Ин разглядел процесс разгрузки. Грузчики, молчаливые и понурые, выносили из повозок не ящики и тюки, а людей. Мужчин и женщин, чьи тела обвисали как тряпичные куклы. Их волокли, почти несли, а некоторые шли сами, но походка у них была неуверенной, шаткой, словно они пребывали в тяжёлом сне.

«Спящие или одурманенные. Ясно», — усмехнулся он себе под нос, и в этой усмешке не было ни капли удивления, лишь холодное, профессиональное признание факта. Для него, выросшего на тёмных улицах и плававшего с пиратами, это не было новостью. Если бы контрабанда «живым товаром» не процветала, как ядовитый гриб на гнилом пне, то не существовало бы и невольничьих рынков. Но теперь у него были не просто слухи, а доказательства. И самое главное — он видел лица некоторых охранников, их манеру двигаться, слабые места в их ночном распорядке.

И тут Бай Ин замер, будто в него ударила невидимая молния. В голове со страшной ясностью всплыли обрывки той самой легенды, что он слышал от старых моряков: «Фэн-ван начала свой путь не с палубы, а с трюма. С рабыни...».

Глаза Бай Ина, всегда живые и хитрые, теперь блеснули в темноте абсолютно иным, холодным блеском. Если это пред-

положение было верным, то теперь его задача обрела новый, личный смысл. Он собирал информацию не просто для капитана. Он копал могилу для тех, кто однажды попытался похоронить в неволе саму душу Фэн-ван.

Теперь Бай Ину оставалось выявить тех, с кем Цзи Кэдао вёл сделки. Понаблюдает за складами, портом, посмотрит, какие корабли и куда причаливают. Разговоров много в порту. Имена или прозвища будет не так сложно узнать. А уж если представится возможность, он обязательно побеседует с контрабандистами.

Теперь Бай Ину предстояла самая тонкая часть работы: выявить сеть контактов. Долговые расписки и склады были лишь статичными точками на карте; ему нужно было увидеть движущиеся по ней нити — корабли, людей, сделки. Он знал, что портовое дно хранит самые ценные тайны, и намерен был просеять его дочиста.

Но главным источником оставались разговоры. Бай Ин знал, что в мире контрабанды и теневой торговли прозвища и намёки зачастую ценнее имён. Он снова растворится в толпе — в образе то продавца рыбьего жира, то пьяного матроса, то наивного приказчика из провинции. Он будет слушать болтовню грузчиков в харчевнях, перебранку матросов, душевные беседы трактирщиков после закрытия.

И если представится возможность — а он сделает всё, чтобы она представилась — Бай Ин обязательно «побеседует» с самими контрабандистами. Не как следователь, а как потен-

циальный покупатель с туго набитым кошельком и неудобными вопросами, на которые в погоне за выгодой могут проронить лишнее. Его цель была не в том, чтобы схватить за руку, а в том, чтобы нарисовать полную картину: кто, кому, что и как поставляет под крылом Цзи Кэдао.

Бай Ин оказался в грязном переулке за игорным домом «Павильон Золотого Кубика». Был вечер. Воздух здесь был спёртым от запаха пережаренного масла, дешёвых благовоний и протухшей воды из сточной канавы. Это было место, где «остывали» проигравшиеся и приходили в себя те немногие счастливицы, кому удалось вырваться из цепких ладоней фортуны с прибылью.

Бай Ин вышагивал в тщательно продуманном образе: молодой, слегка заикающийся писец из судебной канцелярии. Его поношенный синий халат был чист, но безнадежно вышел из моды. На переносице съехали самодельные очки из бамбука и слюды, а в руках он неуклюже тащил футляр для свитков, из которого то и дело выглядывали концы кистей.

Его цель была давно вычислена — Толстый Ма, сборщик долгов и отчётности для гильдии «Алмазных Весов», каждую среду после обеда лично относивший выручку и бумаги. Бай Ин, уткнувшись носом в развёрнутый свиток с каким-то указом, начал пятясь задом отступать из переулка, будто полностью поглощённый чтением.

Расчёт был безупречным. Он «случайно» вывалился из тени прямо на пути Толстого Ма, который как раз выходил

из дверей с сумрачным, озабоченным лицом. Столкновение вышло громким: футляр с грохотом шлёпнулся на булыжники, деревянные кисти разлетелись, а сам Бай Ин, запутавшись в полах халата, рухнул прямо на сборщика.

— Ой! Помилуйте, господин! Виноват, тысячу раз виноват! — залепетал он, хватая Ма за рукав, чтобы подняться, и невольно наступая тому на ногу. В этой суматохе его руки мелькнули у широкого кожаного пояса сборщика — традиционного места для кошелька и важных бумаг.

— Осёл слепой! — взревел Толстый Ма, отталкивая назойливого писца. — Прочь с дороги, пока я тебя не отправил к твоим драгоценным предкам!

Но Бай Ин уже суетился, собирая свои вещи и намеренно загромождая проход. Наклоняясь за очередной кистью, его ловкие пальцы, скрытые широкими рукавами, скользнули под пояс. Не трогая тяжёлый, набитый монетами кошель (умный вор не суёт руку в пасть тигра), он нащупал и вытащил сложенный в плотный квадрат листок, подсунув на его место смятый обрывок из своего же футляра.

Пока Бай Ин ползал на четвереньках, Толстый Ма, поправляя помятый шёлк и проверяя пряжку, бормотал, обращаясь больше к самому себе, от злости уже не следя за словами:

— ...проклятый щенок Цзи Жунь! Вчера на коленях вымаливал двадцать тысяч лян на «верную ставку», клялся кровью предков! Где теперь эти деньги? Просливал всё до

последнего цяня, словно мужик последнее зерно! За такие деньги Гильдия могла бы целую флотилию джонок поставить! А платить кто будет? Его мамаша-стервятница? Или папаша опять свои «глиняные горшки» со Склада Восьмого в счёт отдаст? Говорил же я Бао Ша: не связываться с этим мотом! Не успеет Луна стать полной, как ему не ноги, а плавники в Яшмовом заливе отобьют! А мне потом объясняться...

Бай Ин, наконец собрав свои кисти и прижимая искорёженный футляр, вскочил, осыпая сборщика поклонами.

— Простите, о просвещённый господин, простите неразумного! Свиток отвлёк... — его голос дрожал от подобострастия.

— Исчезни! — рывкнул Ма, машинально похлопав себя по поясу. Он почувствовал под тканью знакомый квадратик и, не став его вытаскивать и проверять на людной улице, махнул рукой в бешенстве. — Чтоб духу твоего здесь не было!

Бай Ин ещё раз низко склонился и, прикрываясь футляром как щитом, засеменял прочь. Только оказавшись в глубокой тени под аркой аптеки, он выпрямился. Тень быстрой, довольной улыбки скользнула по его лицу. Из потайного кармана в глубине широкого рукава он извлёк добычу.

Документ оказался ценнее, чем он смел надеяться. Это была не простая долговая расписка, а мини-отчёт старшего счетовода Бао Ша на имя главы гильдии «Алмазных Весов». Текст, написанный скупым, деловым почерком, гласил:

«...под гарантии клана Цзи выдано господину Цзи Жуню: 20,000 лян серебром. Срок возврата — до ближайшего полнолуния. В случае неисполнения — право взыскания переходит на товары, хранящиеся на складах под управлением Цзи Кэдао (приоритет: Склад № 3, Склад № 8). Для ускорения оборота согласовано принять в счёт долга партию „алых слитков“ (код: X-12) из ожидаемого груза корабля Шепчущий Ли. — Бао Ша, старший счетовод Гильдии Алмазных Весов».

«Алые слитки...» — мысленно усмехнулся Бай Ин. На жаргоне линьхайских плавильщиков и контрабандистов это означало лишь одно — неучтённую, «чёрную» медь, стратегический металл, частная торговля которым каралась отрубанием головы. Теперь всё сходилось. Долги беспутного отпрыска напрямую подрывали контрабандную империю его отца, а алчная гильдия, словно стервятник, уже кружила над добычей.

В чайном салоне «Нефритовый Феникс» собирались те, кто хотел казаться мыслящим, — младшие сыновья знатных домов, начинающие поэты, философы-дилетанты. Именно здесь Бай Ин в образе Шао Юаня, молодого человека из захудалой провинции, уже полчаса тихо восхищался каллиграфией на стене, время от времени отпуская в сторону соседней компании замечания в духе: «О, какая глубина мазка!» или «Поистине, в этой чернильной тени скрывается целый мир печали».

Он заметил Цзи Хуа сразу. Одиночество, висевшее на том словно мокрый плащ, было слишком явным, чтобы не привлечь внимания профессионального наблюдателя.

Подойдя к свободному столику рядом, Бай Ин заказал тот же сорт крепкого, почти горького вина, что и у соседа. Сделав первый глоток, он поморщился и тихо, будто сам себе, процитировал строчку из полузабытого поэта:

— Горькое сладким обличьем цветёт, // Душа, утомлённая, в тень отойдёт...»

Он не смотрел на Цзи Хуа, но видел краем глаза, как тот вздрогнул, словно от прикосновения.

— Вы цитируете Су Цяо. «Элегия угасающему фонарю», — голос, прозвучавший рядом, был тихим и плоским, будто лишённым всяких эмоций. — Мало кто помнит такие строки.

— Прошу прощения, я помешал вашим размышлениям, — повернулся Бай Ин с выражением искренней, почти робкой озабоченности на лице. — Просто эти стихи... они сегодня не выходят у меня из головы. Иногда кажется, что тени в стихах живее, чем люди на солнце!

— Тени... Вы говорите о тенях, — Цзи Хуа сделал долгий глоток вина, будто пытаясь смыть с губ горькие слова. — У меня весь дом — тень. Отец — тень от скалы. Холодная, недвижимая. Стоишь под ней — и свет не виден, и дышать тяжело. Её не сдвинешь, её можно только ждать, когда сама рассыплется от времени. — Он перевёл свой уставший

взгляд на Бай Ина.

— А мать? Разве материнская тень не должна быть укрытием? — мягко спросил Бай Ин, подливая ему вина естественным жестом заботливого старшего брата.

— Мать? — губы Цзи Хуа дрогнули в чём-то, отдалённо напоминающем усмешку. — Она — тень от трепещущего занавеса. Вечно в движении, шелестит шёлком, отбрасывает замысловатые узоры. Но попробуй ухватиться за неё, найти в ней опору — в руках останется лишь пустота и запах дорогих благовоний, заглушающих... иное.

Цзи Хуа отпил ещё, и алкоголь наконец развязал язык.

— А брат мой... — голос его стал чуть громче, с нотой острой, свежей боли. — Он — тень от пляшущего огня. Яркая, ненасытная, всё поглощающая. Мечется по стенам, кривляется, хочет стать больше самого пламени. Но ткни в неё пальцем — и она исчезнет, оставив лишь копоть да ощущение ожога.

Бай Ин мягко, с участием, которое было его лучшим актёрским достижением вечера, спросил:

— А вы... какая же ваша тень, друг мой?

Цзи Хуа замолчал, долго смотрел на тёмную поверхность вина в своей чашке, как в гадальное зеркало.

— Я? Я — тень от утреннего дыма над болотом. Бесформенная, серая, бесполезная. Чуть подует ветер перемен — и меня уже нет. Я не укрываю, не грею, не освещаю. Я лишь ненадолго застилаю то, что и без того неприглядно. А скоро

и вовсе рассеюсь, и никто не заметит.

В салоне нарастал общий гул. Бай Ин почувствовал — момент предельной откровенности наступил.

— Такие мысли... им не место в столь юном сердце, — произнёс он с лёгким, заботливым упрёком. — Разве в Линь-хае нет знаменитых лекарей? Ум, отравленный меланхолией, — это болезнь, а болезнь можно излечить.

Взгляд Цзи Хуа стал остекленевшим, а горькая усмешка искадила его губы.

— Лекари? Ха. Наши лекари? Они приходят по вызову отца. Отцу они готовят пилюли «Золотого дракона» — чтобы гнев его был жарким, а хватка — твёрдой. Матери — отвар «Серебряной ивы»... чтобы успокоить нервы, чтобы сон был крепким, а глаза — закрытыми для того, на что смотреть не хочется.

Он понизил голос до шёпота, полного саморазрушительной иронии.

— А мне... Мне помогает старый Вэнь, аптекарь у Восточных ворот. У него для меня... особый рецепт. «Усмиряющий настой», называет он его. Говорит, специально для меня выдерживает, чтобы «птица в груди успокоилась и перестала биться о клетку». Я не знаю, что он туда кладёт, запах странный, горьковато-сладкий.

Цзи Хуа сделал паузу, его глаза наполнились такой бездонной тоской, что даже Бай Ин на миг почувствовал ледяной холодок за спиной.

— Только он, кажется, не понимает... или делает вид, что не понимает. Птица в моей груди уже не бьётся. Она замерла. А его настой... он просто консервирует тишину. Я пью — и мне всё равно. И на отца, и на брата, и на этот проклятый город, и на себя самого. Это и есть исцеление? Тогда я давно здоров.

Он допил вино до дна и поднялся, слегка пошатываясь.

— Простите, Шао Юань. Вы слишком светлы для таких разговоров. Ищите свои тени в стихах, а не в чужих домах. В них... куда безопаснее.

Не дожидаясь ответа, Цзи Хуа кивнул и, как призрак, вышел из зала. Бай Ин остался сидеть, медленно потягивая оставшееся вино. Лицо юного философа сменилось холодной, расчётливой ясностью. Он получил больше, чем надеялся.

— Пилюля Золотого дракона... — тихо пробормотал Бай Ин себе под нос, постукивая пальцами по столу. — Тонизирующее, должно быть. Или афродизиак, чтобы старик чувствовал себя драконом в постели и в делах. Иллюзия силы.

Он прищурился, мысленно перебирая услышанное.

— А Отвар Серебряной ивы для мамы... Классика. Успокоительное крепкое, может, даже снотворное. Значит, нервы у старухи действительно свили гнездо и треплют её изнутри.

Его взгляд стал острее, холоднее.

— И самый главный ключик... «Усмиряющий настой»

старого Вэня. Хех. Видал я таких «усмирённых» с пустыми глазами в портовых борделях и задних комнат игорных домов. Горьковато-сладкий дух? На маковой основе скорее всего этот отвар. Значит, старый Вэнь не просто торговец травами. Он — хранитель. Знает, что пьют, от чего и зачем. И такому человеку всегда есть что рассказать... за правильную цену. Или под правильным давлением.

Лёгкая, беззвучная улыбка тронула губы Бай Ина. Теперь нужно было выяснить, какие именно лекари обслуживают семейство Цзи, и под каким предлогом им прописаны такие «лекарства». А со старым Вэнем... с ним обязательно нужно было побеседовать. Но не как Шао Юаню, мечтательно-му философу. Для такого разговора нужна была куда более жёсткая и практичная маска.

15. Лунное дыхание, рассыпанное по архивам

К моменту, когда Фэн Хуан вновь вернулась в Линьхай и ступила на берег, воздух уже изменился. Уходила удушающая парная влажность, сменившись сухой прохладой. По утрам теперь веяло свежестью, а не зноем. Ветер с моря стал упругим и ровным — предвестник хорошей погоды для плавания.

Фэн Хуан вдохнула полной грудью и позволила себе лёгкую улыбку. Идеальное время. Дневная жара спадала, ночи становились по-настоящему прохладными. Небо, высокое и прозрачное, уже не было затянуто летним маревом. Зелень на деревьях теряла свою сочную яркость, а по краям листьев кое-где проступала первая, едва заметная желтизна.

— Чувствуете, ветер сменился? — послышался рядом спокойный голос. Пожилой мужчина, ведя за руки двух ребятишек, смотрел на горизонт. — Он уже не обнимает, а обвеивает. Лето кончилось.

Фэн Хуан на мгновение задержала взгляд на пожилом мужчине, ведущем за руки двух ребятишек. В её памяти всплыл тёплый, давно ушедший образ: дедушка, такой же седобородый и мудрый, крепко держит за руки её и маленького Минфэя. Вспомнился запах его халата — сандал и сушёные травы — и его спокойный голос, рассказывающий им легенды о созвездиях.

Под вуалью её шляпы губы тронула мягкая, почти невесомая улыбка. Это воспоминание было одним из немногих, что не отравлено горечью потерь. Дедушка ушёл тихо, в окружении семьи, за несколько лет до кораблекрушения, успев передать ей свои знания.

Она позволила этому светлому чувству согреть её изнутри на несколько долгих секунд, прежде чем сделать глубокий вдох. Затем, собравшись, она твёрдым и решительным шагом двинулась по дороге к поместью Ли.

— Чжи Сю, — обратился Ли Вэй к управляющему, — распорядись, чтобы в моём кабинете всё было готово для долгой работы с документами. Лампы, чернила, покой.

— Да, господин, — склонил голову старый слуга. — Горячий чай и лёгкие закуски тоже приготовить?

Ли Вэй кивнул. За то время, что он почти поселился в

городских архивах, его кабинет пополнился новым резным шкафом, где уже лежали аккуратные стопки копий документов и его собственных заметок. Чжи Сю выпрямился, но прежде чем уйти, сделал паузу.

— Господин Вэй, сегодня с утренней почтой пришло ещё одно письмо. Вы были в центральном архиве. — Управляющий извлёк из складок одежды узкий конверт.

Ли Вэй узнал печать на нём — это был знак лекарки Вэн По, которая наблюдала за беременностью его жены Шуан в столице. Лёгкое напряжение сковало ему плечи.

— Спасибо, — произнёс он, принимая конверт.

Чжи Сю ещё раз поклонился и беззвучно вышел, оставив хозяина наедине с его мыслями и этим тонким листком бумаги.

Ли Вэй вскрыл конверт. Бумага внутри была исписана аккуратным, но сжатым почерком, в каждой строке которого чувствовалась профессиональная тревога:

«Госпожа Шуан не здорова. Беременность тяжёлая. Пульс слабый и неровный, плод слишком тих для пятого месяца. Риск потерять ребёнка — высокий. Я дала ей отвар для укрепления сил и запретила вставать с постели. Но этого недостаточно.

Моя настоятельная рекомендация: Привлечь мастера Чэня с Фармацевтической улицы, признанного эксперта по сложным беременностям знатных особ. Он обладает искусством пальпации живота через шёлковую ткань и чтения

пульса на таком уровне, который мне недоступен. Его консультация стоит дорого, но она необходима для принятия решения о дальнейшей стратегии. Я взяла на себя смелость предупредить мастера Чэня о возможном визите. Всё может быть организовано с максимальной секретностью.

Прошу Вас отнестись к этому письму со всей серьёзностью. Речь идёт о сохранении жизни и здоровья двух душ.

С глубоким уважением и надеждой на благополучный исход,

Врач Вэн Минжэнь.»

Ли Вэй на мгновение прикрыл глаза, ощущая тяжесть этого известия, словно физическую. Затем он опустил в кресло за своим столом.

Между ним и Шуан не было любви. Их брак был договором, скреплённым печатями двух семей, и за годы они так и остались вежливыми, но холодными чужаками друг для друга. И всё же... он уважал её. Уважал её достоинство, её ум, её тихую стойкость в этой роли, которую она, как и он, была вынуждена играть. Он не желал ей зла.

Эта беременность была долгожданной не для них двоих, а для всех: для её честолюбивых родителей, для его матери, жаждущей внука, для всей сети родственных связей, что ожидали наследника. А теперь... теперь речь шла просто о жизни. О жизни женщины и ребёнка, которые, пусть и не по его выбору, стали его ответственностью.

Он не мог позволить им умереть.

Не тратя времени на долгие раздумья, Ли Вэй взял чистый лист. Его первое письмо было кратким и деловым — лекарке Вэн По. Так, уважительно-сокращённо, её называли в столице, подчёркивая не столько возраст, сколько её статус и мастерство. Он давал полное согласие на привлечение мастера Чэня, санкционировал любые расходы и просил держать его в курсе. Деньги не имели значения.

Затем он взял второй лист. Адресат — его жена, госпожа Шуан. Слова давались ему тяжело. Нежность была невозможна — она была бы фальшивой между ними. Но он нашёл другие слова: официальные, но полные твёрдой поддержки, выражения глубокой тревоги за её здоровье и здоровье их ребёнка, заверения, что все необходимые меры будут приняты. В этой сдержанности была своя честность и, возможно, единственная форма заботы, которую он мог ей предложить.

Оба письма были запечатаны. Он позвал слугу.

— Немедленно в столицу. Домой и лекарке Вэн По. Самой быстрой почтой.

Слуга склонился и исчез. Ли Вэй некоторое время сидел в тишине собственной комнаты. Тень от письма легла на его мысли, напоминая, что в его мире, помимо пиратов и артефактов, есть и другие, не менее жёсткие обязательства.

Глубокий, тяжёлый вдох. Ли Вэй поднялся из-за стола, медленно расправляя плечи, будто сбрасывая невидимую тяжесть. Заботу о жене он обеспечит — деньгами, лучшими лекарями, всей своей властью. Но быть рядом, утешать, дер-

жать за руку в её покоях в столице... этого он не мог. Даже если бы захотел.

И дело было не только во вспыхнувшем с новой силой чувстве к Фэн Хуан. Нет. Его руки были связаны другой, железной уздой — обязательствами перед императором. Миссия, которую ему доверили, союз с пиратами, поиск артефакта, способного изменить баланс сил... Всё это висело на волоске. Его отсутствие сейчас могло разрушить хрупкое доверие, сорвать планы, открыть дорогу интригам при дворе.

Один долг вступал в противоречие с другим. И сегодня победил тот, что был обращён к империи.

Уверенным, отмеренным шагом он вышел в коридор, направляясь к кабинету, но каждый его шаг отдавался в душе глухим эхом.

— Господин Ли и госпожа Фэн заняты, — спокойно, но с железной твёрдостью в голосе произнёс Чжи Сю. Он возник на дорожке перед Бай Ин словно из самой тени, преграждая ему путь к кабинету.

— Уйди с дороги, старик, — отмахнулся Бай Ин, пытаясь обойти его. — У меня важные новости для Фэн-ван.

Но Чжи Сю не сдвинулся с места, его стойкость напоминала старый, укоренившийся камень.

— Ваши новости могут подождать до вечера, — парировал он тем же ровным, непроницаемым тоном, за которым чувствовался безусловный авторитет.

— Мои новости такие же важные, как если бы сам им-

ператор весть прислал! — усмехнулся Бай Ин, делая резкий шаг в сторону. Однако старый управляющий оказался на редкость проворным и вновь оказался прямо перед ним. Его бесстрастное лицо было непреклонной маской. И это поразило Бай Ина. Он видел ледяную сдержанность Фэн Хуан, но даже она порой позволяла себе вспышку гнева, презрительную усмешку или стальной блеск в глазах. Управляющий же не выдавал ничего — ни раздражения, ни страха, ни даже простого любопытства. Он был как идеально отполированная поверхность озера в безветрие, в которой нельзя было разглядеть ни единой ряби.

— Именно поэтому они и могут подождать, — возразил Чжи Сю, и в его голосе впервые прозвучала лёгкая, но отчётливая нотка упрёка. — Истинная важность не терпит суеты.

Бай Ин замер на мгновение, оценивая управляющего новым взглядом. Вместо раздражения в его глазах вспыхнуло что-то похожее на уважаемое изумление, смешанное с досадой.

— Хорошо, старик, — сказал он, отступая на шаг и складывая руки на груди. — Да ты, старик, крепче, чем просоленная говядина для дальнего похода! Не проймёшь. Ладно. Я подожду. — Он бросил выразительный взгляд в сторону покоев. — Но скажи им, что у меня в кармане сидит птичка, которая очень хочет рассказать, из какого гнезда выпали яйца семейства Цзи. И чем дольше её не слушают, тем громче она поёт. Понял?

Уголок безупречно сжатых губ Чжи Сю дрогнул на миллиметр — единственный, едва уловимый признак того, что слова Бай Ина достигли цели. Его взгляд, прежде устремлённый в пустоту, на мгновение стал пристальным и острым.

— Ваше послание будет передано, — произнёс он тем же ровным тоном, но теперь в нём чувствовалась не просто формальность, а взвешенная точность. — Господину будет доложено, что вы ожидаете с... информацией о птичьих гнёздах. Теперь, прошу вас, проследуйте в гостевой павильон. Вам будет подано угощение.

Он отступил ровно настолько, чтобы открыть дорогу не к кабинету хозяина, а к боковой аллее, ведущей к «Спящему Аисту». Его жест был безупречно вежливым, но не оставлял пространства для манёвра — приглашением это точно не было. Это был мягкий, но неоспоримый приказ.

Бай Ин фыркнул, но в его глазах промелькнула тень уважения.

«Чёрт возьми, старик ловит каждое слово, как шпион на допросе».

— Вижу, дела с тобой иметь — одно удовольствие, — кивнул он, уже без прежней бравады. — Ладно. Поведу свою говорливую птаху по саду погулять. Но смотри — доложи точно. И чтоб чай был крепкий и настоящий, а не та бурда, что после третьего дня в море пить приходится.

Чжи Сю склонил голову в безупречном кивке.

— В павильоне хранится коллекция господина, — произ-

нёс он ровным голосом. — Вам подадут «Серебряные Иглы с горы Уи» — тот сорт, что удостоился похвалы самого чайного мастера Лу Бовэня. Покой будет обеспечен. Вас известят.

Он повернулся и сделал едва уловимый жест. Из-под арки, словно из воздуха, возник молодой слуга. Никаких слов не потребовалось — одного взгляда управляющего хватило. Слуга склонился перед Бай Ин.

— Пожалуйте.

Чжи Сю же, не теряя больше ни мгновения, развернулся и той же, бесшумной и быстрой походкой направился к дверям кабинета, чтобы передать двойное послание: о нетерпеливом пирате и о «птице», готовой заговорить о семье Цзи.

Пока слуга вёл его по знакомой уже тропинке к павильону, Бай Ин впервые за все дни, что он прожил в поместье, задумался об управляющем. Раньше Чжи Сю был для него просто частью обстановки — тихим, эффективным призраком на периферии зрения.

«А зря, — подумал Бай Ин. — Такую скалу не каждый день встретишь. Фэн-ван держит в кулаке целый флот, но даже она даёт слабину, когда злость или насмешка прорываются наружу. А этот... этот будто вовсе не из плоти и крови. Интересно, что у него там, под этой гранитной маской? И какого такого мастера Лу Бовэня он упомянул, хваля свой чай? Надо будет у капитана спросить...».

Чжи Сю постучал в дверь кабинета, дождался разрешающего «Войдите» и вошёл с бесшумной почтительностью. Он

остановился на почтительном расстоянии от стола, где склонившиеся над картами фигуры Ли Вэя и Фэн Хуан прервали свой разговор.

— Господин, госпожа, — его голос был тихим, но идеально чётким, как удар маленького колокольчика. — Прошу прощения за вторжение. Господин Бай Ин настаивает на немедленной встрече.

Чжи Сю сделал микроскопическую паузу.

«Птичьи гнёзда семейства Цзи», — мысленно повторил он услышанную фразу. В его уме, хранящем все дела поместья и тысячи услышанных за долгие годы намёков, мгновенно сложился вывод. Он понял. Это был не просто намёк. Это был ключ ко всему: к темным слухам, что ползут по городу о семье Цзи, к источнику их странного благосостояния, к самым сокровенным тайнам, которые они так яростно охраняли. Человек, владеющий такими «гнёздами», мог раскрыть всё.

— Он утверждает, что обладает информацией о... «птичьих гнёздах семейства Цзи». Его дословные слова, — продолжил управляющий с той же бесстрастной точностью. — Мною было предложено ему дожидаться вечернего приёма, однако он настоял на срочности.

Чжи Сю позволил себе сделать микроскопическую, почти ритуальную паузу, опустив взгляд на пол ровно настолько, чтобы подчеркнуть важность следующих слов, не нарушая при этом прямоты доклада.

— Он ожидает в павильоне «Спящий Аист». Я распорядился подать ему чай «Серебряные Иглы с горы Уи» из вашей коллекции, господин, чтобы обеспечить должное уважение и... дать его нетерпению остыть. Он производит впечатление человека, чьё сообщение может иметь существенный вес.

Ли Вэй поднял взгляд с карты, переводя его сначала на управляющего, а затем на Фэн Хуан. Он заметил, как её глаза на мгновение расширились, выдавая всплеск острого интереса, прежде чем в них снова воцарилось привычное спокойствие.

Но ответить он не успел. Его опередила Фэн Хуан.

— Благодарю, Чжи Сю, — её голос прозвучал ровно, с той самой властной интонацией, которая не терпела возражений. Она изо всех сил старалась подавить внутреннюю дрожь нетерпения — что же такого раскопал Бай Ин на её проклятую тётку? — Я понимаю срочность. Но ваше решение было верным. Пусть господин Бай Ин подождёт до ужина.

Чжи Сю склонился в безмолвном поклоне и бесшумно удалился, закрыв за собой дверь.

Едва та закрылась, как Фэн Хуан резко повернулась к Ли Вэю, предвосхищая его вопрос.

— Я знаю, о чём ты сейчас подумал, Вэй! — она предупредительно подняла руку. — И я помню наш уговор. Бай Ин расскажет всё, что нашёл в твоём присутствии. Ты услы-

шишь каждое слово. — Она пристально посмотрела на него, будто закрепляя эту мысль. — А теперь... давай продолжим. До ужина ещё есть время.

Ли Вэй с интересом наблюдал за этой маленькой сценой. Реакция Фэн Хуан — этот моментальный переход от вспышки личного интереса к жёсткому контролю — была для него красноречивее любых слов. Он всматривался в её лицо и поймал это промелькнувшее нетерпение, эту давно забытую, живую искру. И что-то внутри него отозвалось тихим, тёплым эхом.

Затем его мысли вернулись к словам Чжи Сю. «Птичьи гнёзда семейства Цзи». Семейство Цзи... Инлун, тётка Сюэ Лань. Память услужливо подбросила обрывки старого дела. Когда-то, будучи ещё молодым, неопытным следователем, он пытался копнуть в их сторону — и наткнулся на глухую, хорошо выстроенную стену. Ничего. Ни одной зацепки. Потом его карьера унесла в столицу, и это дело так и осталось пылиться в его личных архивах с пометкой «непроработанное».

И теперь, спустя десять лет, судьба в лице его бывшей невесты и её дерзкого пирата подбрасывала ему этот старый, неразрешённый вопрос прямо в руки. Ирония судьбы была изысканной.

Уголки его губ дрогнули в лёгкой, почти незаметной улыбке, полной не столько радости, сколько профессионального азарта охотника.

— Договорились, — спокойно согласился он, и его взгляд снова упал на карту. — «Поющие Утёсы»... — задумчиво проговорил Ли Вэй, склоняясь над огромным столом, специально установленным в кабинете для работы с картами. Его взгляд перебегал с одной карты на другую. — На нынешних картах я такого названия не встречал.

С момента возвращения Фэн Хуан они погрузились в анализ. В кабинете царил рабочий хаос: на соседнем столе лежали стопки записей Ли Вэя, а стеллажи ломились от копий рукописей, которые он скрупулёзно переписывал в архивах.

Ли Вэй постучал пальцем по одной из карт, затем его взгляд оторвался и заскользил по полкам, заставленным фолиантами. Он резко выпрямился, оттолкнулся от стола и быстрыми шагами пересёк комнату к дальнему шкафу, где хранились самые древние и потрёпанные манускрипты.

Фэн Хуан наблюдала за ним с не меньшей сосредоточенностью. Среди пиратов легенда о «Поющих Утёсах» была известна лишь как страшилка. Даже Ши Цюань, самый осведомлённый из тех, кого она нашла, наотрез отказался указывать путь, сказав лишь, что поклялся собственной жизнью никогда больше не приближаться к тому месту. Ни золото, ни угрозы не сдвинули его с этой клятвы.

— Может, это старое название, давно вышедшее из употребления? — предположила Фэн Хуан, озвучив мысль, витавшую в воздухе.

— Скорее всего, — отозвался Ли Вэй, устанавливая

небольшую лестницу, чтобы достать несколько особенно потрепанных трактатов по исторической географии региона. Он аккуратно разложил их на своём столе, отодвинув в сторону более свежие записи.

Через несколько часов упорных поисков их внимание привлёк «Свод заметок о побережье времён Второй Династии». На полях, выцветшими чернилами, чья-то рука начертала: «Утёсы Гуй-юй (Ущелье Воплей Призраков) — место гиблое. Ветер и волны в расщелинах рождают звук, подобный плачу загнанного зверя. Мореходы зовут их „Поющими“ и обходят за милю».

— Описание совпадает, — произнесла Фэн Хуан. — Есть координаты?

— Есть, но... — Ли Вэй замолчал, его взгляд вновь задумчиво скользнул к стеллажам. — Но есть идея получше. Давай сверим с официальными источниками.

Он снова поднялся и направился к другому шкафу, где хранились более современные, но не менее ценные трактаты. На стол перед Фэн Хуан с лёгким стуком легла увесистая книга в тёмном переплёте: «Картографические сводки Ту Чжи».

— Ту Чжи? — удивлённо подняла бровь Фэн Хуан. — Он работал на императора Сюань-цзуна, прапрапрадеда нынешнего правителя. Его отчёты считались эталоном точности. Интересно...

Они погрузились в изучение сухих, официальных отчётов

и карт, составленных чиновником для трона. И среди множества записей нашли нужную: место, ныне обозначенное как «Бухта Каменного Воя» — название безликое, географическое, стёршее из памяти всю поэтику и суеверный ужас прежнего имени.

— Я знаю это место, — в унисон произнесли Ли Вэй и Фэн Хуан, встретившись взглядами. Теперь всё встало на свои места. «Бухта Каменного Воя» была известна как негостеприимная, труднодоступная ловушка с коварными течениями, не сулящая ни выгоды, ни славы. Именно поэтому ни он, как следователь, изучавший торговые пути, ни она, как капитан, искавший укрытия и добычи, не ассоциировали его с «Поющими Утёсами».

Но даже определив место, они не могли позволить себе мчаться туда сломя голову. Столь глупой поспешности не простил бы ни один капитан, ни один следователь. Теперь их задачей было собрать воедино все сведения о самом цветке — разрозненные крупницы знания, разбросанные по архивам и легендам.

Ли Вэй разложил на столе приготовленные записи и копии документов. Вместе они принялись просеивать информацию: сухие строчки ботанических трактатов соседствовали с поэтичными образами из морских баллад, а отчёты мореплавателей — с суеверными страшилками береговых деревень.

Из этого хаоса постепенно стали проступать числа. «Де-

сятилетний сон корней» из одного манускрипта перекликался с «цветением в ночь великого светила раз в десять вёсен» из песни старого лощмана. Ли Вэй взял в руки кисть и чистый лист бумаги. Он сопоставил редкие, разрозненные упоминания о находках цветка с записями астрономических явлений, его взгляд стал острым и сосредоточенным. Цифры, даты, циклы — под его пальцами они начали складываться в строгую, почти зловещую формулу, привязанную к сложным ритмам лунно-солнечного календаря.

Расчёты заняли несколько часов. В кабинете стояла тишина, нарушаемая лишь дыханием двоих людей. Когда последнее число было выведено, Ли Вэй отложил кисть и медленно потёр переносицу, закрыв глаза.

Он посмотрел на Фэн Хуан. В его взгляде читалась усталость от напряжённой работы и горечь от полученного результата.

— Следующее полнолуние, подходящее под все параметры... — его голос был тихим и чуть хриплым, — через шесть лет и восемь месяцев.

Он разочарованно выдохнул.

Фэн Хуан, до этого лишь молча следившая за его расчётами, первой прервала затянувшееся молчание. Её голос прозвучал ровно, выводя из размышлений, как удар гонга.

— Он цветёт раз в десять лет. Карта начертана при Императоре-основателе Люй Хае. Её автор не мог надеяться, что тот, кто её найдёт, просто сядет и станет ждать у нужной ска-

лы целое десятилетие.

— Точно, — тут же откликнулся Ли Вэй, подхватив нить её логики. Его усталость будто отступила, сменившись острым интересом. — Значит, создателю карты был нужен не сам цветок в момент цветения.

— Именно, — Фэн Хуан поднялась и начала медленно обходить кабинет, её пальцы скользнули по корешкам старых фолиантов. — Ему требовалось то, что от цветка остаётся. Что-то, что можно унести с собой и что не теряет силу со временем. Скорее всего, — она обернулась к столу, — его сушили и толкли в порошок.

Она замолкла, остановившись в центре комнаты, и её следующая фраза прозвучала с холодной убеждённостью.

— Ши Цюань твердил о запрете: «не тронь, а то буря разнесёт». Но любой запрет существует лишь до первого, у кого хватит алчности или дерзости его нарушить. Кто-то обязательно собирал этот цветок.

Их взгляды встретились — и в этой мгновенной, безмолвной договорённости родилась новая уверенность. Уголки губ Фэн Хуан дрогнули, и по её лицу скользнула первая за день улыбка — неяркая, с лёгкой, едва уловимой хитрецей. Ли Вэй заметил, что эта сдержанная усмешка ему нравится.

— Наверняка такие люди были. И они собрали то, что называлось... — она на секунду задумалась, в памяти всплывали строчки из древнего манускрипта.

— «Лунное дыхание», — тихо, но чётко договорил Ли

Вэй.

Фэн Хуан лишь кивнула.

Когда Ли Вэй и Фэн Хуан закончили работу, за окнами уже сгустились сумерки. Ужин для них накрыли в павильоне для трапез, куда вскоре присоединился Бай Ин. Вечерний воздух был по-настоящему прохладным — верный знак наступающей осени. Ли Вэй распорядился принести утеплённые накидки.

— Фэн-ван! — воскликнул Бай Ин, появляясь у стола, словно из ниоткуда. Он почтительно кивнул своей капитану и уселся рядом. — У меня есть для вас ценная информация! Но... — он покосился на Ли Вэя с нескрываемым подозрением, — он точно должен это слышать? — Пират не стал церемониться в присутствии следователя. Такта ему и правда не хватало, но кто ждёт его от морского разбойника?

— Говори уже, Бай Ин, — махнула рукой Фэн Хуан. — Следователь Ли должен быть в курсе. — Она бросила на Ли Вэя быстрый, говорящий взгляд: ты сам этого хотел. Тот подцепил палочками рис и отправил его в рот, не отрывая глаз от Фэн Хуан и её помощника.

— Хорошо, Фэн-ван, — с напускным почтением начал Бай Ин. — Мне пришлось потратить несколько недель, чтобы выведать эти сведения! — Он снова скосил взгляд на Ли Вэя, на этот раз с преувеличенной важностью. — Я, как мастер перевоплощений...

— Хватит красоваться, — сухо оборвала его Фэн Хуан.

— Прошу прощения, Фэн-ван, — Бай Ин кашлянул в кулак, закинул в рот несколько кусков мяса, прожевал и сделал долгий глоток тёплого чая. — Семья Цзи занимается контрабандой и работорговлей, — выпалил он наконец, без обиняков.

Спина Ли Вэя мгновенно выпрямилась, а взгляд стал острым, хищным. Бай Ин тихо присвистнул. Лицо Фэн Хуан тоже стало серьёзным.

— В порту у них несколько складов, — продолжил пират. — Третий и Восьмой — для контрабанды: редкий фарфор, медь, боевые кони, оружие... — Он запнулся, встретив тяжёлый взгляд Ли Вэя. Тот, как следователь по особым поручениям, уже мысленно прикидывал, на сколько казней хватит улики. — Но семейка Цзи не глупа, — Бай Ин понизил голос, сделав многозначительную паузу. — У них есть крыша. Покровители сидят прямо в городской управе. Без таких «друзей» их дела давно бы пошли ко дну. Так что всё, что пожелает клиент, они достанут. А вот Двенадцатый склад — на отшибе портовой зоны, обнесён частokoлом и охраняется. Туда свозят людей для работорговли. Все они или одурманены, или спят. Я видел собственными глазами, — Бай Ин ткнул пальцами в свои глазницы, — как шла погрузка «товара». Пришлось залезть на высокое дерево.

Фэн Хуан сохраняла молчание, продолжая неторопливо есть. Ли Вэй тоже не спешил с вопросами. Он лишь аккуратно положил палочки на стол.

— Старший сын, Цзи Жунь, постоянно торчит в публичных и игорных домах, просаживая уйму денег, — Бай Ин достал из складок своего простого халата документ и развернул его. Сначала показал Фэн Хуан, затем Ли Вэю. — Это долговая расписка. Он занял 20 000 лян серебром у гильдии «Алмазные Весы». А вот тут, — Бай Ин ткнул в строку, — указано, чем будут расплачиваться... «алые слитки», — усмехнулся он.

Ли Вэй впился взглядом в бумагу, которую держал Бай Ин. Он стиснул зубы, глаза быстро бегали по строчкам. Бай Ин заметил, как уголки губ следователя дёрнулись, сложившись в опасную усмешку. Документ был бесценен, но Ли Вэй сдержался и не шелохнулся.

— Потом мне удалось поговорить с младшим сыном, Цзи Хуа, — со вздохом продолжил Бай Ин. Он сложил расписку и убрал её. — Парень в угнетённом состоянии... Но рассказал, что в их семье не всё ладно. Матушка пьёт отвар Серебряной Ивы. Я справлялся у лекарей — говорят, сильнейшее успокоительное. Видно, нервы ни к чёрту.

Бай Ин перевёл взгляд на яства на столе и потянулся за одним из лакомств.

— А папаша, Цзи Кэдао, принимает пилюли Золотого Дракона, — объявил он.

Ли Вэй снова усмехнулся.

— Знакомое средство, — сказал он. — Тонизирующее, для мужской силы. Но даёт побочный эффект — вспышки

ярости.

— Вот оно что! — протянул Бай Ин. Он предполагал нечто подобное. Видимо, этот эффект и помогает Цзи Кэдао держать всех в страхе.

— Что-то ещё? — спокойно спросила Фэн Хуан. Но в её тоне явственно звенела сдержанная ярость.

— Ещё как! — оживился Бай Ин. — Старый аптекарь Вэнь готовит для Цзи Хуа особый настой на маке! И название выдумал поэтичное: «Усмиряющий настой»!

На мгновение в павильоне повисла тишина. Нарушил её Бай Ин, его голос стал непривычно осторожным.

— Фэн-ван, — начал он, глядя куда-то в стол. — Простите дерзость, но... я знаю, что вы... — он запнулся, слова давались с трудом. — Что вы начинали путь к капитанству не на палубе, а в трюме. Как рабыня. — Он произнёс это почти шёпотом, не в силах поднять глаза на капитана. — Эта семейка... она как-то к этому причастна?

Фэн Хуан усмехнулась — холодно и беззвучно. Её губы растянулись в широкой, ледяной улыбке, от которой по спине пробежал мороз.

— Я не ошиблась в тебе, когда подобрала тебя в порту, Бай Ин. Твоей догадливости действительно не занимать, — её похвала прозвучала сухо, как удар весла по воде. — Причастна.

Она сделала паузу, и её следующий приказ прозвучал чётко и неоспоримо:

— Оставь нас.

Бай Ин не стал ничего добавлять. Он молча поднялся, но на полпути к выходу обернулся, решив, что не наелся. Захватив с собой тарелку с недоеденным рисом и парой кусков мяса, он бесшумно скрылся за дверью.

Фэн Хуан медленно перевела взгляд на Ли Вэя. В его лице читалось всё: сжатые челюсти, резкая складка у губ, тень, лёгшая глубоко в глаза. Это было выражение не просто гнева, а ярости, сдерживаемой лишь железной волей.

— Ты хотел знать, почему я исчезла тогда? — тихо начала Фэн Хуан, сделав перед этим тяжёлый, будто разрывающий грудь вдох. — Моя собственная тётка, Инлун, продала меня работорговцу. Имени его я не знаю. Но пока корабль шёл морем, на него напали пираты.

Она замолчала, не отводя взгляда от Ли Вэя. Тот с такой силой сжал в руке палочки для еды, что тонкое дерево треснуло, угрожая сломаться.

— Но я хочу не просто мести, — продолжила Фэн Хуан, и её голос стал низким, пронизанным стальной злобой. — Я хочу, чтобы она прошла через все круги ада. Вместе со всей своей гнилой семейкой.

— Того, что рассказал твой человек, уже достаточно для смертного приговора, — тихо, но чётко произнёс Ли Вэй. Внутри него всё клокотало от холодной ярости. Причины и следствия выстраивались в чёткую, ужасающую цепь. Семья Сюэ обладала авторитетом, богатством, покровительством

императора — всем, чего не было у клана Цзи. Тщеславная Инлун, совершив неудачное замужество, не получила ни власти, ни состояния, на которые рассчитывала. Ли Вэй на мгновение замер, мысль ударила, как молния: а что, если гибель семьи Сюэ тоже не была случайностью?

— Ты не понимаешь... — покачала головой Фэн Хуан, но её слова потеряли прежнюю жёсткость, в них прозвучала усталость.

— Хуан, — он протянул руку через стол и накрыл её ладонь своей. Пальцы мягко, но твёрдо сомкнулись вокруг её пальцев. — Твой Бай Ин — ценный человек. Я могу дать ему доступ к ресурсам... чтобы он добыл не просто улики, а неопровержимые доказательства. Они ответят перед законом. Всей семьёй.

— Мне этого мало, — она не отводила глаз, и в её взгляде горел холодный, непримиримый огонь. Она не отняла руку. — Я хочу, чтобы она сошла с ума. Чтобы каждый её день стал пыткой.

— В твои дела я вмешиваться не стану, — тихо сказал Ли Вэй, и в его словах ясно прозвучало невысказанное: делай что должно. Я обеспечу тебе пространство для манёвра.

Его намёк был понятен. Фэн Хуан могла действовать самостоятельно, чтобы расшатать и без того хрупкие нервы тётки.

16. Кисть, чертящая сеть

Ли Вэй стоял в кабинете спиной к двери, вглядываясь во мрак ночного сада за окном. Страшная разгадка исчезновения Сюэ Лань десять лет назад обрушилась на него как ушат ледяной воды — безжалостная и неопровержимая. Теперь стало понятно, почему в те годы, когда он был молод, полон рвения, но лишён нынешнего влияния и связей, дело зашло в тупик. Все нити вели в ту самую трясиину, куда у него тогда не было доступа.

Он потёр пальцы о пальцы, будто стирая с них невидимую пыль. Его губы искривились в усмешку, лишённую всякой теплоты. Теперь у него были все рычаги, все ресурсы. Он мог не просто разворошить змеиное гнездо клана Цзи, а сравнять его с землёй так, что и пепла не останется.

В дверь постучали. Ли Вэй медленно обернулся.

— Господин, — в кабинет беззвучно вошёл Чжи Сю. — Господин Бай Ин прибыл, как вы и распорядились. Пригласить его? — Голос управляющего был ровен и бесстрастен, как всегда.

— Да, — коротко кивнул Ли Вэй.

Чжи Сю молча склонил голову и удалился. Почти сразу в дверном проёме возникла фигура Бай Ина. Пират вёл себя так, будто зашёл в кабак, а не в кабинет высокопоставленного следователя. Он неспешно подбрасывал в воздух пару грецких орехов и ловил их ртом, не обращая внимания на формальности.

— Что за срочность, господин следователь? — спросил Бай Ин с наигранной, почти издевательской вежливостью.

Его голос звенел насмешкой, но лицо Ли Вэя оставалось неподвижным, как каменная маска. Следователь смотрел на него ровным, безэмоциональным взглядом, затем сделал шаг от окна к столу, на котором лежали несколько листов, исписанных аккуратным, чётким почерком.

— Полагаю, ты уже успел поговорить с Фэн Хуан, — произнёс Ли Вэй не вопросом, а констатацией факта.

Бай Ин дёрнул бровью и хмыкнул.

После ужина, когда Фэн Хуан вернулась в отведённый ей павильон «Спящий Аист», она дала ему чёткие указания. Бай Ин оставался на берегу. Ему предстояло стать её глазами и ушами на суше, помогая людям Ли Вэя вскрывать гниль

семьи Цзи. Перспектива застрять в Линьхае, в то время как ветер звал в море, Бай Ина не радовала. Но капитан была непреклонна. Ей нужен был здесь человек, которому она доверяет безоговорочно.

— Ну, и что дальше? — продолжил Бай Ин, всем видом показывая своё пренебрежение к «чиновнику в парчовом халате». Он лениво перекатывал орех в ладони, будто оценивая, куда бы его швырнуть.

Ли Вэй лишь слегка усмехнулся — вежливо и безразлично. За десять лет службы он повидал всяких: и льстивых царедворцев, и циничных убийц. Детское бунтарство пирата его не задевало. Подобные выходки его больше не трогали — за годы практики он научился смотреть в самую суть.

— Я впечатлён твоими способностями, — спокойно продолжил Ли Вэй. — Умение добывать информацию — редкий дар.

Неожиданная похвала заставила Бай Ина на секунду замереть. Орех выскользнул из его пальцев и с глухим стуком покатился по полу.

— То, что ты принёс сегодня, уже тянет на суд. Но чтобы раздавить семью Цзи наверняка, нужны не просто улики, а доказательства, которые не оставят им ни шанса, — Ли Вэй посмотрел на пирата прямо, его взгляд стал твёрдым, холодным и лишённым всякой снисходительности. Как следователь, он знал: чтобы уничтожить зло, нужно добраться до самого корня и вырвать его вместе с землёй, на которой оно

растёт.

— Если этого хватит для суда, зачем копать глубже? — всё же спросил Бай Ин, но в его тоне уже проскользнула не уверенность, а любопытство.

— Потому что у семьи Цзи есть покровители, — пояснил Ли Вэй. — Они могут замести следы, переложить вину на подставных лиц, а твои бумаги превратятся в пыль. Суд — это не только закон, это ещё и игра влияний.

Бай Ин задумчиво хмыкнул, кивая.

— Раз ты уже понял, что эта семья связана с твоим капитаном, то... — начал Ли Вэй, но Бай Ин резко перебил его.

— А ты-то здесь при чём? — спросил пират, сузив глаза. — Какое тебе дело до её прошлого?

— Спроси у своего капитана, — парировал Ли Вэй, выдержав многозначительную паузу. На его лице вновь появилась та же вежливая, ни к чему не обязывающая улыбка, от которой Бай Ин внутренне поморщился. — Если Фэн Хуан захочет, она тебе расскажет.

Выкладывая пирату историю о том, что Сюэ Лань была его невестой, Ли Вэй не собирався. Это было между ним и ею.

Бай Ин закатил глаза и громко фыркнул, но спорить не стал. В этом Ли Вэй был прав: такие вещи решала только сама Фэн Хуан.

Однако в следующее мгновение пират сменил тему, его взгляд стал изучающим.

— А у вас тут все такие? — неожиданно спросил он, оглядывая кабинет.

— Какие? — Ли Вэй слегка приподнял бровь.

— Вежливые. Каменные. Будто маски на лицах, — Бай Ин лёгкой походкой подошёл к столу и оперся о него ладонями. — Вот ваш управляющий, Чжи Сю... Ни эмоций, ни дрожи в голосе. Он что, шпион?

Ли Вэй мысленно усмехнулся. Чжи Сю служил ещё его отцу и был вышколен так, что даже мысль о предательстве казалась абсурдной. При Ли Вэе управляющий лишь отточил своё искусство бесстрастия, за что его и ценили. Это был человек, на которого можно было положиться в самом сложном деле.

— Управляющий Чжи прекрасно знает своё дело, — сдержанно ответил Ли Вэй. Затем он поднял руку, мягко, но твёрдо пресекая дальнейшие отклонения. — Но мы отвлеклись. Чтобы разобраться с семьёй Цзи окончательно, нужны не просто доказательства их преступлений. Нужны такие улики, которые заставят их покровителей самих отречься от них, чтобы спасти свою шкуру. — Он сделал паузу, давая словам осесть. — И в этом, Бай Ин, главная роль отведена тебе.

Когда Бай Ин покинул кабинет, Ли Вэй опустился в кресло за письменным столом. Перед ним лежали листы бумаги, исписанные чётким, но поспешным почерком — первые наброски плана. Он медленно пододвинул их к себе, взял кисть

и начал вносить правки.

Разговор с пиратом запустил в его сознании цепь новых стратегий. План перестал быть просто реакцией — он начал обретать глубину и многослойность. Отложив исправленный документ, Ли Вэй взял два свежих листа бумаги и написал краткие, но ёмкие письма. Он писал кратко и по делу, без лишних слов.

Закончив, он позвал слугу.

— Доставь эти письма незамедлительно, — произнёс Ли Вэй, протягивая свёрнутые листы. — Первое — госпоже Цзюй Янь. Второе — аптекарю Гун Шаню в старом городе.

Слуга молча поклонился, принял письма и бесшумно исчез за дверью, словно тень.

Цзюй Янь, бывшая звезда столичного заведения «Лунный Павильон», оказалась в Линьхае не по своей воле. Ли Вэй помог ей в час, когда земля уходила из-под ног, и с тех пор она отвечала ему безграничной преданностью и осведомлённостью. Её чайный салон «Хрустальные Струи» считался образцом утончённости, местом, где элита города могла непринуждённо беседовать о делах, искусстве и многом другом. Что касается аптекаря Гун Шаня, то его обязательства перед Ли Вэем были особыми. Три года назад следователь не просто помог — он спас от разорения и бесчестья не только самого старика, но и его внука. С тех пор пропахшая травами лавка «Источник Жизни» на самом оживлённом перекрёстке города стала для Ли Вэя ухом, приложенным к самой

земле. Гун Шань был ходячей энциклопедией ядов, противоядий и психотропных снадобий, а его клиентская книга, которую он вёл не на бумаге, а в памяти, была весьма ценна.

Ли Вэй снова погрузился в работу. Он провёл за столом ещё два часа, углубляя схему, прорабатывая каналы связи, варианты отступления и точки давления. Он не собирался водить Бай Ина за руку — тот был хитрой лисой, и ему нужна была свобода манёвра. Но Ли Вэй мог обеспечить ему надёжное прикрытие: надёжные легенды, укрытия, документы, которые превратят пирата в неуязвимого призрака, неуловимого для глаз клана Цзи и их покровителей.

Конечная цель была ясна: собрать не просто улики для местного суда, а неопровержимые доказательства, которые можно будет отправить в столицу и положить на стол тому, чьё слово значило больше, чем шепоток в коридорах власти. У Ли Вэя уже был на примете человек в Палате Инспекций — Гуан Мин. Чиновник принципиальный, неподкупный и обладавший как раз той бескомпромиссной прямолинейностью, которая могла пробить любую стену молчания. Чтобы привлечь его внимание, нужен был не просто компромат — нужна была система, картина такого размаха, что её уже нельзя было бы игнорировать.

Ли Вэй откинулся на спинку стула, потянулся, и в тишине кабинета хрустнули позвонки. За окном давно стояла глубокая ночь, но в его глазах горел ровный, холодный свет. Игра началась. И на этот раз он собирался вести её до конца.

Бай Ин в задумчивости медленно мешал ложкой густую рисовую кашу с сушёными ягодами и кусочками персика. Его взгляд был прикован к пиале, будто в её глубине плавали ответы на его вопросы. Он не замечал ни ароматных паровых булочек с начинкой из свинины и зелени, ни нежного тофу под тёплым соевым соусом, ни даже сладостей с кунжутом и пастой из красных бобов — всего того, что обычно заставляло его глаза блестеть.

Фэн Хуан наблюдала за ним украдкой, прихлёбывая утренний чай. Редко она видела своего бойкого помощника погружённым в такую глубокую, почти отрешённую задумчивость. Она уже давно окончила завтрак, а он всё водил палочками по давно остывшей каше, превращая её в однородную массу.

— Бай Ин, — её голос прозвучал тихо, но с той ровной, капитанской твёрдостью, которая всегда привлекала внимание. — Твоя каша скоро в кирпич превратится.

Бай Ин вздрогнул, словно вынырнув из глубокой воды, и медленно поднял на неё взгляд. Но взгляд этот был не обычный — он был изучающим, острым, будто он впервые видел её или искал в её чертах ответ на невысказанный вопрос.

— Да, Фэн-ван? — его собственный голос прозвучал глуховато.

— Ты ничего не ел, — заметила она, и в её тоне скользнула лёгкая, почти неуловимая нота шутки. — О чём ты думаешь так усердно, что даже твой аппетит сдался? Ты и паёк

в шторм не терял, а тут каша простаивает.

Бай Ин помедлил. Он опустил глаза обратно в пиалу, затем решительно зачерпнул полную ложку холодной, загустевшей каши и отправил её в рот. Вкус был приторно-сладким и пресным одновременно, но в его состоянии он почти его не почувствовал.

Между ними повисла тягучая, неловкая пауза, наполненная лишь тихим гулом утреннего дома. Бай Ин чувствовал на себе вес её ожидающего взгляда. Вопросы, крутившиеся в его голове со вчерашнего вечера, были острыми, личными и дерзкими даже по его меркам. Как спросить капитана о том, что, возможно, было её самой глубокой раной и самым сокровенным секретом? Он метался между преданностью, требовавшей знать всё, чтобы лучше защищать, и суеверным страхом переступить незримую черту.

— Вчера за ужином я наблюдал, — начал Бай Ин, делая паузу, чтобы проглотить очередную ложку каши. — Я видел, как менялось лицо у того следователя, когда я рассказывал про семейку Цзи. — Он отложил ложку, взял со стола парную булочку, разломил её, и парок тонкой струйкой вырвался наружу. — И особенно — каким стал его взгляд, когда я спросил, не связаны ли вы с этой грязью. А потом, когда мы говорили с ним наедине... у меня сложилось впечатление... — Бай Ин оборвал себя на полуслове и решительно принялся за булочку, а следом за ней — за чашку горячего чая, словно ему нужно было набраться храбрости или со-

брать мысли в кучу.

Фэн Хуан молча наблюдала за ним, её удивление медленно сменялось пониманием. Она ценила его за многое: за дерзость, за ловкость рук, за умение раствориться в толпе. Но сейчас перед ней был не просто её пират — он оказался куда более проникательным, чем она обычно допускала. Её пальцы обхватили тёплую фарфоровую чашку, и она сделала небольшой глоток, давая ему время.

— И к каким же выводам ты пришёл, Бай Ин? — спросила она наконец, и её голос был спокоен, но в нём не было ни капли снисхождения. Она смотрела на него прямо, ожидая.

— Нууу... Фэн-ван, — Бай Ин вздохнул, поставив чашку с лёгким стуком. — Этот чиновник, Ли Вэй... Вы с ним были знакомы тогда? То есть... — он подбирал слова, — в вашей прошлой жизни. До того, как вас забрало море.

Он замолчал на мгновение, но не стал ждать ответа. Второй вопрос вырвался у него стремительно, будто он боялся, что передумает, если не выскажется сейчас:

— Он что, был вашим женихом? Иначе почему ему так... не всё равно? Почему он смотрит на вас не как следователь на свидетеля, а как человек, который что-то потерял и теперь никак не может поверить, что нашёл?

Фэн Хуан едва не подавилась чаем. Она резко склонилась, давась кашлем, пока слезы не выступили на глазах. Поставив чашку с резким звоном, она медленно подняла голову и уставилась на Бай Ина. Молча. Пристально, как штурман

изучает незнакомую карту. Эта немая проверка длилась минуту — долгую, тягучую минуту, в течение которой в воздухе повис невысказанный вопрос и оценка внезапно открывшейся проницательности её подчинённого. Наконец её губы дрогнули, сложившись в усмешку — невесёлую, но признавательную.

— Палата по уголовным делам явно потеряла отличного следователя, — произнесла она, и в её голосе прозвучал смешок, в котором смешались ирония и лёгкое потрясение.

«Неужели он догадался? Так быстро?» — пронеслось у неё в голове. Но с другой стороны, что ещё мог подумать человек, видя, как двое смотрят друг на друга — не как союзники, а как призраки из общего, давно похороненного прошлого? Где кроется корень такой яростной заинтересованности, как не в том, что когда-то связывало сердца?

— Так я прав? — не отрываясь, спросил Бай Ин, и в его глазах горело уже не просто любопытство, а азарт первооткрывателя.

— Это пыльная история, Бай Ин, — её улыбка стала мягче, но в глубине глаз он уловил тень — не печали, а скорее усталой решимости не ворошить прошлое. — Не стоит листать книгу назад. Там написаны имена людей, которых больше нет.

Она больше не Сюэ Лань — нежная орхидея из семейства Сюэ. А он — не тот мечтательный юноша, что верил в справедливость, написанную чернилами, а не кровью. Они оба

стали другими — закалёнными, острыми, несовершенными. Та старая история была о двух призраках. А призракам не место среди живых.

— Но твою догадку, — добавила она, и её голос приобрёл низкий, заговорщицкий оттенок, — оставь при себе.

Бай Ин шумно выдохнул, будто спуская пар, и встряхнул головой, словно сбрасывая тяжесть неловкого разговора. В этот самый момент, как будто поджидая за дверью, бесшумно вошёл Чжи Сю.

Управляющий, как всегда, был воплощением безупречной формы. Он сложил руки в традиционном приветствии и совершил лёгкий, но безукоризненный поклон, угол наклона которого был выверен с математической точностью.

— Господин Ли Вэй ожидает господина Бай Ина в своём кабинете, — произнёс он. Его голос был ровным, чистым и абсолютно лишённым какого-либо оттенка. Слово «господин», обращённое к пирату в потрёпанной одежде, прозвучало в его устах с той же нейтральной вежливостью, что и обращение к императорскому послу.

Бай Ин невольно закатил глаза. Этот бесстрастный, отполированный до глянца тон действовал ему на нервы сильнее, чем крик пьяного боцмана. Каждое «господин» отзывалось в нём фальшью, как будто Чжи Сю нарочно тыкал его носом в ту бездну, что лежала между их мирами.

Уголок губ Фэн Хуан дрогнул. Она прикрыла лицо фарфоровой чашкой, чтобы скрыть усмешку, блеснувшую в её

глазах.

— Бай Ин, — произнесла она, и в её голосе зазвучала лёгкая, но неоспоримая команда, приправленная намёком на потеху. — Полагаю, тебе стоит поспешить. Следовательно не любит, когда его заставляют ждать.

Бай Ин с театральным вздохом поднялся из-за стола. Его движения были нарочито медленными, почти ленивыми. Он потянулся, поправил складки на своём скромном халате, явно затягивая время — отчасти из упрямства, отчасти назло всей этой чопорной атмосфере.

Пока Бай Ин следовал за бесшумной тенью Чжи Сю, он не мог не отметить перемены, наступающие в саду. Глубокая летняя зелень начала уступать место — кое-где листья уже полыхали багровым румянцем, а где-то отливали первым, робким золотом. Над зеркальной гладью пруда висело высокое, бездонное осеннее небо. Воздух был прохладен, чист и напоён последними цветочными ароматами, смешанными с запахом влажной земли и мха.

— Слушай, старик, — не выдержал тишины Бай Ин, ускорив шаг, чтобы поравняться с управляющим. — Ты случайно никогда шпионом не был? Исчезать и появляться так внезапно — это тебе не служанок будить. Ты будто из воздуха материализуешься. А?

— Господин Бай Ин — большой шутник, — невозмутимо парировал Чжи Сю, не сбивая с размеренного, будто отмеренного шага.

— Да я серьёзен, как в море перед штормом! — возмутился пират.

— Если вам так интересно, — голос управляющего оставался ровной, бесцветной струёй, — то я отвечу. Я служу семье Ли всю свою сознательную жизнь. Ни шпионом, ни каким-либо иным агентом никогда не был.

Внутренне Чжи Сю, разумеется, не одобрял присутствия в доме таких сомнительных личностей, как пираты. Но за годы службы у Ли Вэя он усвоил главное правило: работа хозяина часто требовала контактов с миром теней, и в его обязанности входило обеспечивать этим контактам безопасность и безмолвие, а не выносить о них суждения.

— Всё равно поместье у вас какое-то... ненастоящее, — не унимался Бай Ин, оглядывая безупречные дорожки. — Все тут как тени ходят. Ни смеха, ни сплетен за углом.

Чжи Сю ничего не ответил, но в глубине его сознания мелькнула сухая усмешка. Пират, при всей своей грубости, был не так уж и не прав. В поместье Ли Вэя слуг отбирали с особой тщательностью, как отбирают солдат для тихой ночной вылазки. Здесь было слишком много секретов — тяжёлых, опасных, — которые не должны были выйти за пределы этих стен. Любое лишнее слово, любой неосторожный взгляд могли стать причиной мгновенного и бесповоротного увольнения. Тишина была не просто правилом, а единственно возможным условием существования.

— Мы пришли, — голос Чжи Сю прервал его размышле-

ния. Они остановились перед знакомой дверью кабинета. — Вас ожидают.

— Ты говорил, что Ли Вэй ждёт. Кто ещё? — удивлённо вскинул брови Бай Ин, но управляющий уже бесшумно отворил дверь, шагнул вперёд и объявил ровным, как поверхность того самого пруда, голосом:

— Господин Бай Ин прибыл.

Когда Бай Ин переступил порог кабинета, его ожидало не только привычное уже присутствие Ли Вэя у окна. В просторной комнате собралось ещё несколько человек, создавая непривычную для этого строгого места картину. Воздух здесь был уже не просто пропахший бумагой и тушью — в нём витали тонкие, едва уловимые шлейфы сушёных трав и пряных корений, смешанные с лёгким, изысканным ароматом цветочных духов. Чжи Сю, словно невидимка, бесшумно вышел, и дверь за ним мягко закрылась, отрезая их от остального мира.

— Знакомься, — начал Ли Вэй без вступлений, его голос был деловит и лишён обычной отстранённости. — Это те, кто поможет нам затянуть петлю на шее клана Цзи так, чтобы не выскользнул даже самый мелкий червяк.

Он сделал шаг в сторону старшего из присутствующих — седовласого мужчины с умными, внимательными глазами и руками, испещрёнными мелкими шрамами и пятнами от снадобий.

— Мастер Гун Шань, владелец аптеки «Источник Жиз-

ни». Его знания о травах и людях, которые их покупают, не имеют цены.

Старик склонил голову в почтительном поклоне, и на его лице промелькнула лёгкая, понимающая улыбка, будто он уже видел насквозь и оценил нового союзника. Бай Ин кивнул в ответ, стараясь выглядеть солиднее.

— Сань Тоу, — Ли Вэй кивнул в сторону молодого человека, чей внешний вид — поношенная одежда, сгорбленные плечи — был идеальной маской для простого работника. — С завтрашнего дня он — новый садовник в доме Цзи.

Молодой человек молча и быстро поклонился, едва подняв взгляд. Бай Ин ответил тем же, отметив про себя, что такие «невидимки» порой бывают куда опаснее вооружённых головорезов.

Затем взгляд Ли Вэя переместился на следующую фигуру, и атмосфера в комнате будто слегка изменилась.

— Госпожа Цзюй Янь, хозяйка чайного салона «Хрустальные Струи».

Женщина в роскошных, но изящных шёлковых одеждах слегка наклонила голову. Её улыбка была подобна первому лучу солнца на поверхности озера — обворожительной, тёплой и немного недостижимой. Взгляд её тёмных глаз на мгновение встретился с взглядом Бай Ина, и пират почувствовал, как его горло пересохло. Он сглотнул и неуклюже кашлянул в кулак, отвечая на её тихий, музыкальный привет. Ли Вэй, заметив эту реакцию, лишь чуть дрогнул уголком губ.

Он знал силу впечатления, которое Цзюй Янь умела производить.

И наконец, Ли Вэй повернулся к последней участнице собрания.

— А это Ши И. Моё доверенное лицо в этом деле. Она будет связующим звеном и вашим надёжным тылом.

Женщина, представшая перед Бай Ин, была полной противоположностью Цзюй Янь. Волосы её были туго стянуты в безупречный пучок, а тёмное ханьфу строгого покроя не оставляло места ни для украшений, ни для намёка на легкомыслие. Её взгляд был прямым, холодным и оценивающим; она смотрела на Бай Ина так, будто уже составляла список его слабых мест и вычисляла полезный коэффициент. Она не улыбалась, лишь слегка кивнула.

— Прямо как в чайной «У старого дракона» перед большим делом. Только посерьёзнее, — проворчал Бай Ин, кивая собравшимся. — Все нужные лица в одном месте.

Но за внешней бравадой его ум работал с капитанской скоростью. Вчерашний его рассказ Фэн Хуан и Ли Вэйю был похож на карту, на которой он отмечал ключевые точки: аптека, игорный дом, чайный салон... И вот теперь, в этом кабинете, стояли живые воплощения этих самых точек. Не случайные свидетели, а ключевые фигуры. Аптекарь, в чьей памяти хранятся рецепты всех целебных отваров и смертельных ядов города, а также имена тех, кто их покупал. Хозяйка утончённого чайного салона, куда стекаются не только це-

нители чайной церемонии, но и те, кто предпочитает обсуждать свои тёмные сделки под прикрытием изысканных бесед. Даже неприметный Сань Тоу был подобен отмычке, которую Ли Вэй готовился вставить в замочную скважину особняка Цзи.

Это было не совпадение. Это был расчёт, чёткий и холодный. Ли Вэй не просто выслушал его вчера — он мгновенно оценил информацию и за считанные часы призвал именно тех людей, чьи сети могли опутать клан Цзи со всех сторон. Скорость и точность этой реакции были поразительны.

Бай Ин невольно присвистнул — коротко, но достаточно громко, чтобы звук прозвучал в наступившей тишине. Он тут же поймал на себе оценивающий взгляд Ши И и слегка смущённо поёрзал, но уважение, смешанное с лёгкой опаской, уже поселилось где-то глубоко внутри. Этот «чиновник в парче», оказывается, играл в свою игру, и правила в ней были куда серьёзнее, чем казалось со стороны.

— Молодой господин Бай, должно быть, обладает не только отвагой, но и взглядом, что пронзает суть вещей, — произнесла Цзюй Янь, и в её бархатном голосе зазвучала лёгкая, одобрительная игра. Её губы приоткрылись в улыбке, которую можно было читать как комплимент, как намёк или как лёгкую провокацию — смотря кто смотрел.

Бай Ин почувствовал, как тепло разливается у него внутри. Её слова, произнесённые с таким изяществом, были для него лестнее любой грубой похвалы в портовой таверне. Он

не смог сдержаться — его собственная ухмылка, широкая и немного самодовольная, расплзлась по лицу сама собой, будто он только что выиграл пари на серебро.

— Ой, да что вы, госпожа Цзюй, — отмахнулся он, но его расплывшееся в улыбке лицо говорило об обратном. — Просто глаз намётан, куда ж без этого в нашем ремесле...

— Продолжим, — голос Ли Вэя, ровный и властный, расскёл воздух, как нож рассекает водную гладь, положив конец любым отклонениям от темы. — Через мастера Гуня ты получишь доступ ко всем снадобьям, что поступают в дом Цзи, и ко всем записям о них.

Он перевёл взгляд на женщину в изысканных шелках.

— Госпожа Цзюй Янь на время сменит свой чайный салон на «Холмы Вечной Весны». Она устроится туда в качестве новой куртизанки и сделает так, чтобы внимание Цзи Жуня принадлежало только ей. Каждое его слово, каждое хвастовство и каждую неосторожность в её покоях ты будешь знать.

Бай Ин, услышав это, откровенно застыл на мгновение. Потом медленно, с почтительным изумлением, свистнул сквозь зубы — на сей раз без тени бравады.

Его палец указал на сторбленного юношу.

— Сань Тоу с завтрашнего дня станет тенью в их саду. Его задача — наблюдать и запоминать. Не геройствовать, а подтверждать. Каждое необычное перемещение по усадьбе, каждая ссора, услышанная за стеной, каждый визит незнакомого лица — всё это ляжет в основу наших улик.

Наконец, он кивнул в сторону женщины в тёмном ханьфу.

— Ши И — твой стержень и связующая нить. Она обеспечит безопасность, передаст информацию и прикроет следы, если что-то пойдёт не так. На неё можно положиться.

Бай Ин переводил взгляд с одного лица на другое, и внутри него росло невольное уважение. Это был не просто план — это была тонко сотканная паутина, где каждый человек был нитью, натянутой в нужном месте. Ли Вэй мыслил не как чиновник, а как полководец, готовящий осаду неприступной крепости.

— Поскольку твоя роль будет центральной, — продолжил Ли Вэй, — тебе понадобятся безупречные легенды. Имена, биографии, причины появления в городе. Напиши мне их. Чтобы в случае самой тщательной проверки эти люди... — он сделал едва уловимую паузу, и в его голосе прозвучала стальная твёрдость, — ...действительно существовали. Со всеми деталями.

Бай Ин снова не смог сдержать усмешку и коротко, восхищённо присвистнул. Он покачал головой, и на его лице расплылась такая широкая, беззастенчиво-восторженная улыбка, будто ему только что подарили целый корабль.

— А вы знаете, господин следователь, — вырвалось у него, — вы с нашей Фэн-ван — прям одной крови! Она такие же хитрые сети плетёт, когда готовит атаку! Стратегии у вас... ну, прям как две капли воды!

И тут случилось неожиданное. Уголки строгих губ Ли Вэя

уверенно дрогнули, сложившись в лёгкую, но отчётливую улыбку — первую за всё это утро. Она была мгновенной, как вспышка в темноте, и тут же исчезла, но Бай Ин увидел её.

17. Слепой пророк и его дары

Сотрудники архивов и библиотек давно перестали задавать следователю Ли вопросы. После нескольких первых, осторожных попыток они получили один и тот же, лаконичный и не допускающий возражений ответ: «Дело государственной важности». Со временем это стало привычной частью их рутины. Правда, на этот раз формулировка была не просто отговоркой.

Его негласный союз с капитаном-призраком был одобрен на самом верху — кивком императорской головы и свитком за личной печатью. Эта рискованная авантюра, если всё пойдёт по плану, должна была решить две проблемы одним ударом: подорвать могущество главного противника на море, царства Шуйцзэ, чьи корабли и агенты плели паутину в при-

брежных водах, и нанести сокрушительный удар по многочисленным пиратским шайкам, паразитирующим на торговых путях.

На скамье перед Фэн Хуан лежали аккуратно сложенные одежды из простой, но добротной ткани — стандартное облачение помощников следователя. Она шумно выдохнула, и её взгляд, полный откровенного недовольства, устремился на Ли Вэя.

— И почему я не могу просто пойти в своём? — её голос прозвучал с отчётливой нотой скепсиса. В ответ она лишь выразительно подняла брови.

— Чтобы ни у кого не возникло лишних вопросов, Хуан, — ответил Ли Вэй, слегка склонив голову набок. Его тон был спокоен, но в нём не оставалось места для возражений.

Уголки губ Фэн Хуан дрогнули в усмешке. Она уже не в первый раз замечала, как по-особенному — чуть медленнее, чуть мягче — Ли Вэй произносил её новое имя. Как будто пробовал его на вкус, взвешивал его звучание, сравнивая с тем, что хранилось в его памяти.

— Ладно, — вздохнула Фэн Хуан, подхватив одежду. Она направилась в отведённые ей покои, чтобы переодеться.

Пока она сменяла привычные, простые одежды на строгий покррой помощника следователя, её мысли работали чётко, отбрасывая эмоции. Ли Вэй, как всегда, был прав. Её появление в архиве под его началом не вызовет лишних вопросов — лишь очередной клерк в свите важного чиновника. В глу-

бине души она понимала, что её первоначальное упрямство было не более чем капризом, бунтом против самого образа «помощника».

Пока Фэн Хуан переодевалась, Ли Вэй ждал её у входа в павильон «Спящий Аист». Он не терял времени даром — гонец уже был отправлен в городской архив с распоряжением подготовить все реестры, списки лицензированных алхимиков, травников и отшельников-учёных, а также любые документы, связанные с закупками редких снадобий за последнее десятилетие.

— Держи, — Ли Вэй протянул Фэн Хуан простую, но аккуратно скроенную маску, которая должна была скрыть нижнюю часть её лица. Его пальцы на миг коснулись её руки — лёгкое, почти случайное прикосновение, после чего он тут же убрал собственную руку за спину, сцепив кисти в замок, будто желая скрыть этот жест даже от самого себя.

— Спасибо, — коротко кивнула Фэн Хуан, её взгляд мельком скользнул по его лицу. Она одним ловким движением закрепила маску.

— Пойдём, — бросил Ли Вэй и уверенным шагом двинулся вперёд по садовой тропинке, ведущей к главным воротам поместья. Фэн Хуан последовала за ним, её шаги были тихими, но уверенными.

Солнце уже не палило, как в разгар лета, а ласково согревало спины. Воздух стал другим — свежее, прозрачнее, с едва уловимой прохладой, принесённой с севера первым

дыханием осени. Они шли молча, но, возможно, оба думали об одном и том же: что это время года, время увядания и ясности, им всегда нравилось больше, чем безмятежная, но удушливая жара лета. В её прохладном ветре было проще дышать.

— Господин Ли Вэй, мы всё подготовили, как вы и указали, — почтительно склонив головы, произнёс дяньшу — старший смотритель архива, а за ним, словно эхо, склонились остальные служители хранилища. Их голоса звучали тихо, с привычным трепетом перед высоким столичным чиновником.

Пожилой мужчина, чьи движения были отточены годами обращения с хрупкими документами, сделал шаг вперёд и широким жестом указал в сторону небольшой, но уединённой комнаты.

— Прошу вас сюда. Всё, что вы требовали, собрано и разложено в должном порядке.

Это был временный рабочий кабинет, отведённый специально для нужд следователя. На просторном столе уже лежали аккуратные стопки документов — всё, что Ли Вэй запросил через своего гонца. Воздух здесь пах старой бумагой и пылью.

— Благодарю вас, — ровным, деловым тоном ответил Ли Вэй.

Служащие вновь поклонились, на этот раз ниже, и поспешили удалиться, бесшумно закрыв за собой дверь. В комна-

те воцарилась тишина, нарушаемая лишь шорохом бумаг и собственным дыханием.

Едва дверь за служащими мягко закрылась, Фэн Хуан поднесла руку к лицу и сняла маску. Она не стала убирать её далеко, лишь ловким движением заправила в рукав своего нового облачения, где та лежала, готовая в любой миг снова скрыть её черты. Освободившись от ткани, она осмотрела помещение оценивающим взглядом опытного капитана, изучающего незнакомый трюм.

— Приступим, — коротко согласился Ли Вэй, разбивая тишину. Он жестом указал на стул у стола, заваленного документами. — Там тебе будет удобнее.

Фэн Хуан не стала спорить. Лёгкая, почти незримая усмешка тронула её губы, и она опустилась на указанное место.

Они просидели в архиве несколько долгих часов, перебирая кипы документов. Стопки бумаг убывали, а вместе с ними уходила и надежда. Ни в одном реестре, ни в одном отчёте не встречалось упоминания о «Лунном Дыхании». Фэн Хуан уже не скрывала раздражения: её брови были сведены в одну тёмную, недовольную линию, и время от времени она фыркала, отбрасывая в сторону очередной бесполезный свиток. Даже непроницаемое спокойствие Ли Вэя начало давать трещины — в уголках его рта залегла напряжённая складка, а взгляд стал острее, беспокойнее. Если они не успеют найти следы цветка до наступления полнолуния, им придётся

ждать ещё. А время было роскошью, которой они не обладали.

— Любопытно, — внезапно произнесла Фэн Хуан, и в её голосе прозвучало не ожидание, а живое удивление. Она положила перед собой толстую, потрёпанную книгу учёта и подняла взгляд на Ли Вэя.

Тот резко обернулся, и в его глазах вспыхнула искра.

— Ты что-то нашла?

— Да, — ответила она уверенно, пальцем указывая на строки. — Это документы общины монахов с острова Цинлунь. Он в дне плавания отсюда. Они освобождены от налогов... — она на секунду запнулась, переводя дух. — Здесь перечислены монахи, занимавшиеся алхимией. К ним даже столичная знать наведывалась. Но это не главное.

Она провела пальцем ниже, где между страниц книги лежал вложенный отдельно, пожелтевший и истрёпанный по краям клочок бумаги. Судя по неровным, сбивчивым строчкам и кляксам, запись делали в спешке и, похоже, под рукой не нашлось ничего подходящего, кроме этого обрывка. Текст, выведенный нервным, порывистым почерком, больше напоминал страстную жалобу или проклятие, чем сухой отчёт.

— А вот это уже по-настоящему интересно!

Ли Вэй взял книгу из её рук. Его первая мысль была о том, почему жалоба попала в налоговый реестр, но её мгновенно вытеснило содержание текста.

— Дерзкий алхимик, — начал он читать вслух, и его голос, низкий и ровный, нарушил тишину архива, — что живёт на соседнем пустынном острове, похитил десятилетия назад дар морских духов — светящийся цветок из пещеры в «Бухте Каменного Воя» — для своих тёмных экспериментов. За это море разгневалось! Он был проклят и ослеплён. С тех пор духи волн не знают покоя. Из-за его деяний мы не можем умиловить стихию! Сего нечестивца следует покарать и призвать к ответу!

Он поднял глаза от текста, и их взгляды встретились — острый, аналитический взгляд следователя и горящий, хищный взгляд капитана. Воздух между ними будто застыл.

Это была не просто зацепка. Это был след, ясный и горячий. Они нашли не сухую запись, а живое доказательство, полное суеверного страха и гнева. И главное — они нашли того, кто мог знать ответ.

Уголки губ Ли Вэя и Фэн Хуан дрогнули в один и тот же миг, и по их лицам пробежали зеркальные улыбки — не широкие, но исполненные глубокого, беззвучного удовлетворения охотников, наконец-то взявших верный след.

Ли Вэй опустил взгляд к свитку, чтобы дочитать запись до конца. В следующих строках, выведенных небрежным почерком, содержалось главное: имя алхимика — Линь Лан — и место, где его следует искать: пустынный остров под названием «Приют Отшельника».

Он пробежал глазами по тексту ещё несколько раз, впиты-

вая каждую деталь, а затем аккуратно закрыл тяжёлую книгу. Переплёт издал глухой стук, поставивший точку в их долгих поисках.

— Мы выдвигаемся? — спросила Фэн Хуан, уже поднявшись со стула. В её позе читалась не терпеливость, а собранная, готовая к действию энергия.

— Да, — коротко и твёрдо ответил Ли Вэй, положив фолиант обратно на стол. Книга легла на стол с тихим, но веским стуком.

Фэн Хуан ловким жестом достала маску из рукава и натянула её на лицо, снова превратившись в безликую тень помощника. Вслед за Ли Вэем, который уже направлялся к выходу, она вышла из кабинета.

В коридоре их встретил старший смотритель архива, его лицо выражало почтительное беспокойство.

— Господин Ли, всё ли в порядке? Вы нашли то, что искали?

— Да, благодарю вас за содействие, — ответил Ли Вэй своим обычным, ровным и не выдающим никаких эмоций тоном. — Информация оказалась крайне полезной.

Он слегка кивнул, универсальным жестом давая понять, что аудиенция окончена, и двинулся к выходу, не оглядываясь. Фэн Хуан последовала за ним, её шаги были бесшумны на каменных плитах, но её разум уже был в море, прокладывая курс к «Приюту Отшельника».

Оказавшись на улице и отойдя от архива на достаточное

расстояние, Ли Вэй нарушил молчание.

— Сначала вернёмся в поместье. Затем — в порт. Я распоряджусь подготовить «Ловца Теней», — он бросил взгляд на Фэн Хуан, шагавшую рядом. В её глазах он уже читал возражение, и угол его губ дрогнул. — Я знаю, о чём ты подумала. Но сейчас самый разумный ход — мой корабль и твоя личина моего помощника. Так мы привлечём меньше внимания. Не волнуйся, — он слегка понизил голос, и в нём прозвучала почти шутливая уверенность, — своё обещание я сдержу. Скоро и мне доведётся ступить на палубу твоего судна, Хуан.

— Меня одновременно бесит и восхищает твоя способность всё просчитывать на три хода вперёд, — парировала Фэн Хуан, и в её голосе зазвучал лёгкий, почти невесомый сарказм. — С нетерпением жду того великого дня, когда высокородный следователь по особым поручениям окажется среди моего братства морских волков. Это будет зрелище.

Её рука на мгновение легла ему на плечо и слегка сжала. Этот короткий жест говорил куда больше слов. В нём читались и вызов, и невысказанное доверие. Ли Вэй ощутил прикосновение и на миг застыл. Он не отшатнулся, лишь повернул голову, и их взгляды встретились. Что-то дрогнуло в глубине его глаз — твёрдый, молниеносный отсвет, — прежде чем он коротко, почти неощутимо кивнул.

***

Фэн Хуан ступила на палубу «Ловца Теней» следом за Ли

Вэем. Её профессиональный взгляд мгновенно оценил судно: безупречная чистота, безукоризненно убранные снасти, команда, двигавшаяся по своим делам с тихой, сосредоточенной эффективностью.

Едва Ли Вэй оказался на палубе, как вся команда, будто по незримому сигналу, склонила головы в коротком, но безупречном поклоне и сложила руки в приветственном жесте. Не было ни шёпота, ни лишних взглядов.

— Курс на остров «Приют Отшельника», — распорядился Ли Вэй, и его голос, ровный и негромкий, тем не менее нёсся над палубой с ясностью колокола. Он отдал рулевому координаты.

Ни единого вопроса не последовало. Ни о цели, ни о маршруте, ни о молчаливой фигуре в маске позади следователя. Приказ был принят к исполнению, и механизм пришёл в движение.

А Фэн Хуан в этот момент ощущала странную, почти физическую неловкость. Она была привычна к качке под ногами, к крикам команды, к весу штурвала в своих руках. Здесь же она оказалась лишним звеном, пассажиром на чужом корабле. Её рука, действуя по мышечной памяти, почти сама потянулась к поручням, будто ища точку опоры или контроль. Она поймала себя на этом движении и резко одёрнула руку, сунув её в складки одежды, прежде чем кто-либо мог заметить. Быть ведомой, а не ведущей — это чувство было для неё непривычным и колючим, как тесная одежда.

— О чём задумалась? — спросил Ли Вэй, подходя к Фэн Хуан у борта спустя какое-то время.

Она стояла, крепко держась за поручни, и всматривалась в морскую даль, где небо сливалось с водой в блёклой, осенней дымке.

— О том, что ты слишком полагаешься на карты и циркуль и плохо чувствуешь ветер, — усмехнулась Фэн Хуан, не отрывая взгляда от горизонта. — И течение здесь хитрее, чем кажется. Оно душит твой ход.

Наконец она повернула голову, и её взгляд упёрся прямо в его глаза — вызовом, оценкой и холодной уверенностью морского волка.

— Вот как? — Ли Вэй вскинул брови, его палец начал лениво постукивать по полированному дереву поручня. — И что же ты посоветуешь, капитан?

— Команда у тебя отличная, — кивнула она, и в её голосе прозвучало профессиональное признание. — Но корабль мог бы идти быстрее. На пол-узла, а то и на целый.

— Я никогда не сомневался в твоём знании моря, — ответил Ли Вэй прямо. — Твой отец говорил с волнами на одном языке. Так ты поделишься этим знанием или будешь и дальше меня дразнить?

Его брови изогнулись в вопросительной дуге, но в глазах не было досады — лишь неподдельный интерес и готовность учиться там, где другой посчитал бы за оскорбление.

Фэн Хуан позволила паузе затянуться, наслаждаясь лёг-

ким преимуществом. На море она была в своей стихии, и это уравнивало все его преимущества на суше.

— Хорошо, — наконец произнесла она с видом человека, делающего одолжение. — Поделюсь одним секретом. Даром. — Она едва заметно махнула рукой, будто отмахиваясь от назойливой мошки, но в её глазах вспыхнула азартная искра.

— Ты ведёшь корабль по прямой, будто чертишь линию тушью по карте. Но взгляни на воду впереди по правому борту — видишь эту маслянистую, почти мутную, как вода после разлива реки полосу среди синевы? — Фэн Хуан указала на тень на воде. Ли Вэй послушно перевёл взгляд. — Это не тень от облака. Осенью здесь рождается встречное течение. Оно тихое и глубокое, его не видно по волне, но оно тянет корабль назад, будто невидимая рука Водяного Демона хватается за киль. Дай команду свернуть на юго-восток, хотя бы на пол-ли. Обойдём эту «спящую змею», где течение слабее. И тогда ветер, который сейчас бьёт в лоб, станет попутным, и паруса наполнятся как следует, — проговорила Фэн Хуан со знанием дела.

Ли Вэй не стал спорить. Её знания, унаследованные от отца и отточенные годами пиратских скитаний, имели здесь абсолютный вес. У него и мысли не возникло, что она могла бы его обмануть. Это было бы бессмысленно — их цель на берегу острова была общей, и каждый выигранный час приближал их к слепому алхимику и к той части карты, что до

сих пор оставалась скрытой.

Он на мгновение замер, мысленно прокручивая её слова. А затем прислушался к кораблю — к едва уловимой вибрации палубы под ногами, к неуловимому изменению в ритме бортовой качки. Логика моряка, пусть и не его стихии, оказалась безупречной.

Не говоря ни слова, Ли Вэй развернулся и направился к рулевому. Его приказ прозвучал тихо, но чётко. Была дана новая точка, курс скорректирован.

И действительно, спустя короткое время паруса, прежде лениво обвисавшие, вдруг напряглись, наполнились ровной, полной силой. Судно будто вздохнуло свободнее и, подчиняясь новой воле, увереннее и быстрее понеслось по волнам, оставляя за кормой ту самую мутную, «спящую змею» течения.

По палубе прокатился сдержанный, но явственный гул одобрения. Команда, обычно молчаливая, выразила этим звуком своё уважение к точности приказа и знаниям, стоящим за ним. Ли Вэй в ответ лишь коротко кивнул, а на его губах появилась привычная, сдержанная, ничего не выражающая улыбка.

Фэн Хуан заметила эту реакцию. Под маской её губы растянулись в усмешке.

«Интересно, — подумала она. — Похвалу за успех, достигнутый чужим умом, принимает так, будто это всего лишь удачное стечение обстоятельств. Не каждый на его месте

удержался бы от того, чтобы хоть как-то присвоить себе эту заслугу».

К вечеру погода начала портиться. Сперва это был лишь порывистый ветер, сменивший ровное течение воздуха, но вскоре по морю пошли первые, тяжёлые волны, а с низко нависших туч заморосил холодный, колющий дождь. До настоящего шторма было ещё далеко, но море уже перестало быть спокойным союзником. Команде пришлось напрячь всё внимание: рулевой крепче вцепился в румпель, матросы на палубе следили за парусами, готовые в любой миг ослабить или подобрать их. Каждый знал, что в такую погоду даже малая ошибка в расчёте могла отбросить корабль далеко от намеченного курса к острову «Приют Отшельника».

Звёзд на небе не было видно — его заволокло сплошным, тяжёлым пологом серых туч. Дождь, с самого вечера накрапывавший мелкой, холодной изморосью, так и не перешёл в настоящий ливень. Ближе к полуночи он и вовсе прекратился, словно небеса исчерпали свою скудную влагу. Море, ещё недавно вздымавшее угрюмые волны, начало постепенно успокаиваться; свинцовая рябь сглаживалась, волны теряли свою ярость, будто водяные духи, вдоволь погневавшись, наконец смилостивились и позволили кораблю продолжить путь. В наступившей тишине лишь ветер да плеск воды о борт нарушали безмолвие ночи.

Когда на востоке забрезжила первая, бледная полоса рассвета, разорвавшая ночную пелену, а вслед за ней небо

вспыхнуло яркими, алыми и золотыми всполохами, с верхней площадки мачты донёсся голос наблюдателя:

— Земля прямо по курсу!

Остров оказался не зелёным и пологим, а скалистым, суrowым клочком суши, обдуваемым со всех сторон морскими ветрами. Когда «Ловец Теней» приблизился, стало ясно, что для его осадки нет безопасной гавани — у берега лежали подводные камни и крутой каменистый склон. Пришлось спускаться на воду прочную шляпку.

Ли Вэй ступил в неё сразу за гребцами, а затем, устойчиво встав на ноги, обернулся и подал руку Фэн Хуан. В момент, когда лодка качнулась на очередной волне, его пальцы крепко сомкнулись вокруг её ладони, помогая удержать равновесие. Это был жест быстрый, деловой и лишённый церемоний — как и всё в этой высадке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.